

Альманах
Народного литературного объединения

«ЗАПОЛЯРЬЕ»

2023 (23)

Море, солнце, песок, ракушки, шёпот прибрежных волн... Лето!
Но только море – Карское, самое холодное из всех северных морей, солнце – незакатное, так как наступил Полярный день. А волна не очень ласковая, ледяная.

1 июня 2023 года, Карское море, Амдерма

Как подумаешь, что вокруг даль далёкая, как промёрзшая серая коврига, очерченная пунктиром Полярного круга, так сразу начинаешь задумываться, почему ты именно здесь, зачем и к чему тебе эта «северная закалка»? Прожиточный минимум тепла и света в полярную ночь так низок, что порой действительно накатывает волна тоски... Но временная хандра, по сравнению с притяжением, силой и мощью Севера – это пустяки, как отмечают многие, чья судьба связана с Арктикой.

Уникальность полярной ночи словами передать трудно, а за несколько дней или даже недель пребывания невозможно ощутить всех нюансов и особенностей этого явления. Полное понимание жизни в высоких широтах формируется годами. Становишься ценителем даже невидимого солнца, отмечаешь, как с каждым днём оно окрашивает горизонт всё ярче и ярче, а снежный покров повторяет нежную палитру неба. Соседство с сильными и опасными хищниками становится привычным, а суровые условия Арктики не кажутся чем-то запредельным. Ну а поднять настроение и определённую бодрость духа помогает любимая работа, добрые дела и простой человеческий юмор.

Фотографии и тексты Ирины Коваль, п. Амдерма

Альманах
Народного литературного
объединения «Заполярье»

№ 23 2023

12+

ГБУК «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа»

Народное литературное
объединение «Заполярье»

Выпускающий редактор:

Е. И. Вергунова

Над номером работали:

К. С. Селиверстов

Е. А. Коваль

Л. Ю. Широкая

Фотографии в номере предоставлены
авторами либо взяты из архива
Народного литературного
объединения «Заполярье»

© ГБУК «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа», 2023

© Все авторы, текст, 2023

Издание финансировано
в рамках государственной программы
Ненецкого автономного округа
«Развитие культуры»

На обложке фото
Екатерины Поздеевой

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья: Константин Селиверстов. Литературное «Заполярье»	2
Поэзия и проза: Ирина Коткина. Путевые заметки	12
Светлана Коньгина. Солёных волн раскаты	16
Валентина Коскова. Не забудется былое	19
Инга Артеева. Не ищи во мне истину	20
Алексей Канев. Ко мне приходит дивный сон	23
Ольга Пашун. Стихи из меня рвутся	25
Иван Рочев. Родина – дом за рекою	29
Любовь Гурбо. Когда не чувствуешь опор	32
Лукерия Валея. С душой нараспашку	34
Ольга Латышева. Осеннее	36
Гости номера: Илья Воинов. Ненецкая литература	38
Светлана Гордеева. Ароматы зимы	44
Нина Панина. Дом со звездой	46
Поэзия и проза: Вениамин Тунгусов. Былое и думы	49
Николай Епифановский. Душа не молчит	51
Елена Алёшина. Продолжаю дышать	53
Серёжа Тайбарей. Глухая тишина	55
Владимир Орлов. Я мысли выпущу в полёт	56
Николай Миловский. Заполярная удача	58
Александр Салов. По велению сердец	62
Татьяна Зуева. О времени прекраснейшем любви	64
Лидия Сядейская. Когда ты любишь	66
Сергей Тарабукин. Ностальгия	68
Любовь Фролова. На берегах твоих, Печора	72
Марина Филиппова. Я желаю вам солнца	74
Наталья Чупрова. О самом душевном и простом	75
Зинаида Корепанова. Внуки	78
Екатерина Коваль. Весёлые уроки	79
Надежда Соколова. Машина времени	80
Ирина Селиверстова. Слово друзьям	81
Ирина Маркова. Зарисовки о разном	81
Полина Акимова. Когда ты в душе музыкант	82
Нина Коваль. Новый день	84
Дебют: Леонтий Чупров. Лампа бабушки Дарьи	85
Марина Коротаева. Сарапан	89
Наталья Данилова (Чувикова). В ожидании весны	90
Татьяна Вепрева. Мой северный дом	93
Ольга Викторова. Спешу домой	95
Людмила Инчевская. Ангелы не спят	98
Поэзия и проза: Ирина Ржаницына. Тайный друг	100
Ирина Селиверстова. С песней в дороге	104
Литературный регион 83. Конкурсные работы	106
Сборник на тему «Новая сказка»: Лидия Сядейская. Напёрсток	122
Татьяна Вепрева. Сказка про Вэсэя	122
Мария Выучейская. Сказка о сказке	123
Анастасия Хабарова. Первый снег, Лягушечка	123
Проза: Татьяна Окладникова. Литературные путешествия	124
Махпрат Мухиддинова. Любовь	134
Любовь Царькова. В шаге от тайны	136
Мария Кравченко. Клубок радости и печали маленького шамана	139

Литературное «Заполярье»

Творческий сезон 2022–2023

Приветствуем вас, уважаемые читатели нового 23-го выпуска альманаха!

Прежде чем погрузиться в увлекательное чтение свежайших произведений наших авторов и друзей, разрешите традиционно ввести вас в увлекательный мир Народного литературного объединения «Заполярье».

Вы уже знаете, что наши творческие сезоны всегда крайне насыщены и богаты на события. Этот же год оказался настолько наполненным всевозможными мероприятиями, что мы сами с трудом верим. Потому смело утверждаем: авторы ЛитО творили много, актуально, достойно, в прозе и поэтическим словом старались говорить о важном, рассказывать о наболевшем, проживать вместе грусть и радость, обмениваться добрым словом и светлыми надеждами. Как всегда, черпали силы и вдохновение в родниках любимого края.

Жизнь прожить – не поле перейти,
Здесь дорога в горизонт уходит.
Солнце, прокатившись по пути,
Строго на востоке снова всходит.
Свет подрос на воробьиный скок,
Ягель скрылся в снежной белизне.
Холода ступили на порог,
Но природа оживёт к весне.

(Ольга Пашун)

Новины творчества

НЛитО «Заполярье» базируется в Этнокультурном центре НАО, и как тут было не проникнуться до глубины души народной культурой в нашем многонациональном округе! Год культурного наследия в России принёс значимые плоды и в местную литературу.

Фестиваль «Аргиш надежды» – 2022 открыл сезон и прозвучал в стихах Ольги Пашун, раскрывая глубинный смысл действия.

Над седыми сопками наш аргиш плывёт,
С облаками звонкими разговор ведёт.
Утро славит песнями мудрый ясавей,
Просит Нума сделать мир чуточку добрей.
На привале вечером тает дым костра,
Слушает внимательно старцев детвора.
Будет тундра щедрою, радуя сердца,
И глазами светлыми глянут озёрца.
Летом солнце яркое, дождик моросит,
А зимой сугробами горизонт укрывает.
Осенью грибов полно, только собирай,
С ягодой-морошкой, славный урожай!
Все проблемы с водами вешними уйдут
А вдали, над сопками, аргиши плывут.

Гордимся мы молодыми авторами, участниками фестиваля Серёжей Тайбареем, Даниилом Талеевым, мастером народных промыслов и ремёсел Александром Ледковым. А мастериц в ЛитО и не перечислить! Бережно хранят они опыт предков.

Заглянула ненароком
В мамин старый сундучок,
Хоть и не было в нём окон,
Разглядела поясок.

Сохранился там кокошник,
Кофта, ленты, сарафан.
Я надена всё на праздник,
Праздник дружбы, праздник мам.

Вот узоры на одежде
И орнамент непростой.
Заберу в «Аргиш надежды»
Завиточек золотой.

Вышивала его мама
Крестиком на рукаве,
Старорусские мотивы
Заиграли на канве.

Полотенце украшает
Строчка ровная стежков,
И узоры оживают
Парой нежных лепестков.

Всё с собой возьму в «Аргиш» я,
Проведу и мастер-класс.
Веселее будет праздник,
Праздник дружбы, праздник наш.
(Лидия Сядейская)

Творческий сезон захватил сразу два открытых региональных конкурса Этнокультурного центра «Литературный регион 83». Первый назывался «Время раздумий в полярную ночь» и был посвящён 90-летию со дня рождения Прокопия Явтысого, ненецкого классика, поэта, писателя, художника, второй – 130-летию со дня рождения Маремьяны Голубковой, нижнепечорской сказительницы, писательницы. И Прокопий Андреевич, и Маремьяна Романовна – почётные члены ЛитО «Заполярье».

Одна из номинаций конкурса 2023 года – сочинить новину. Как же это оказалось трудно! Былинный язык ушёл из нашего обихода. Поди-ка напиши в былинном стиле произведение о значимых событиях современности! Но участников набралось более двадцати. Победителем конкурса стала Валентина Коскова, автор-заполярец, знаток славянской

культуры, поэт. Поздравляем, гордимся! Произведения победителей и призёров двух конкурсов вы, конечно же, сможете прочитать в нашем альманахе.

Сейчас в Этнокультурном центре продолжается работа над переизданием книги Маремьяны Голубковой и Николая Леонтьева «Оленьи края». Средства предусмотрены в государственной программе НАО «Развитие культуры». В новой книге будет сохранена редакция издания 1947 года, передающая красоту локальной народной культуры и колорит живого, сочного слова печорской сказительницы.

В цепочке тематических событий и выступление авторов Надежды Ярковой, Ирины Ржаницыной с докладами на Всероссийской научно-практической конференции «Традиции печорского сторителлинга».

Думаете на этом всё закончилось? Ничего подобного! Этнокультурный центр в этом году организовал работу второй Школы русского сказительства под руководством Александра Маточкина, в которой прилежно отучились Надежда Яркова, Ирина Селиверстова, Наталья Чупрова и даже выступали с выученным материалом, исполняя фрагменты былин. Теперь они могут знакомить с былинами-старинами всех желающих окунуться в древнюю,

красивую, богатую культуру нашего края. Приглашайте!

Ирина Михайловна, правнучка нижнепечорского сказителя Ивана Кирилловича Остахова, рассказала: «С первых занятий былины так легко ложились на слух, запоминались, словно я их знала когда-то, просто забыла, а теперь вспоминаю. Удивительно, ведь я никогда не видела прадеда и не интересовалась этой темой. Как тут было не задуматься о генной памяти? В этом году второй раз пошла в Школу русского сказительства уже осознанно, чтобы пополнить знания и репертуар для сказывания».

Но и это ещё не всё. Наш автор-филолог Наталья Чупрова, член Андегского землячества, участвовала в создании книги «Сборник слов, употребляемых жителями деревни Андег Ненецкого автономного округа», после чего на свет появились её рассказы о бабушке Зине – доброй, мудрой, трудолюбивой жительнице деревни. Написанные со знанием глубинки, местным говором, рассказы вызвали бурю радости и воспоминаний у наших читателей. «Сказывай ещё, Наталья Сергеевна! Эдако-то баско!» – пишут в комментариях друзья-подписчики литературной группы «Заполярье» ВКонтакте.

Надежда Соколова летом ездит на родину предков в деревню Чика Республики Коми. Недалеко от деревни находится село Брыкаланск. Рассказывает Надежда Юрьевна: «Когда я узнала, что в библиотеке нет книг из нашего округа, обрадовалась, что со мной был альманах «Заполярье». Даже гордость почувствовала, что первое издание из НАО передала именно я. Кстати, с автографами поэтов и писателей! За два дня до передачи об альманахе уже рассказывали в Чикинском Доме культуры. Я журнал ещё не презентовала, а очередь на его прочтение сформировалась, всем хотелось познакомиться с новым изданием! Конечно, им было приятно и то, что в таком солидном журнале есть небольшая история и о их деревне».

Яркой, вдохновляющей получилась поездка Ольги Пашун летом 2022-го на праздник «Луд» в Ижму Республики Коми. Впрочем, она тоже сама об этом расскажет:

«Село Сизябск. Здесь жили мои предки. Здесь частичка моей души... И вот в библиотеке мы встретились с участницами клуба «Добрые встречи». Красивые женщины, они сразу поправили на мне платок. Ещё мамы им рассказывали, что самый красивый цветок должен быть посередине.

Три часа длилась встреча! Я читала стихи, рассказы, отвечала на вопросы. Мы говорили о Родине, патриотизме, о предках, которыми гордимся. Конечно, праздник есть праздник, были и книги-подарки от Этнокультурного центра НАО и НЛитО «Заполярье». А потом была Ижма и такой яркий «Луд»!

Выходили коми-ижемки на праздник,
Сарафанами мели по мостовой.
Величавы и лицом благообразны,
В хороводах пели целый выходной.

Наши женщины работают успешно,
От души они умеют отдыхать!
Рукодельем занимаются неспешно:
Шьют и вяжут, продолжая напевать.

На луга передо мной промчался всадник!
Всюду песни, слышу говор мне родной!
Я на «Луд» пришла, на этот яркий праздник,
И с девчонками иду по мостовой!

Время неожиданно растянулось и вместило невместимое. Столько событий не могло произойти за один день! Я успела на концерт, где прочитала новое стихотворение, передала привет из Нарьян-Мара, дала интервью для телевидения, послушала выступления гостей, приехавших на праздник со всех волостей, купила бусы, выпила чай, заваренный на травах, съела северную калитку, которую тут же передо мной испекли. Под гармошку попела песни, сплясала. А ещё внимала поздравлению главы Республики Коми Владимира Уйбы.

Смотрела, как мастерица из Ухты ткёт коврик на станке, которому 160 лет. Немного передохнув и подкрепившись, пропустив скачки на лошадях, пошла вместе со всеми проходкой по улице.

Только из-за этого стоит приехать на праздник! Бесконечной лентой идут хороводы по улице, проходя в ворота, разъединяясь и снова соединяясь. От пёстрых нарядов рябит в глазах! Но вот дошли до реки и в автобусах поехали на луг. Такого моря людей я ещё не видела! Кругом горят костры, жарится шашлык, играют гармошки и поются песни. Для детей карусели и батуты. Уже ночью добрались домой. Народ продолжал веселиться. Слышно было на всю Ижму!»

Культурный марафон

Традиционные мероприятия ЛитО были также в этом году в чести, развивались и обогащались.

Сезонные чтения в Литературном сквере Нарьян-Мара летним июньским днём объединили мастеров изобразительного и литературного направления: авторы декламировали как свои, так и классические произведения, а художники делали наброски с натуры. В чтениях приняли участие и прохожие, почитатели литературы. Даже юная фантазёрка Лада из литературной группы «Шиповник» Этнокультурного центра осмелилась прочесть своё сочинение на публику. Всем понравилось! И листья на деревьях сквера одобрительно перешёптывались.

Авторские вечера, творческие встречи стали доброй традицией не только «дома», но и «в гостях». Куда бы ни забросила жизнь, везде старались выступать, делиться волнующими мыслями и, конечно же, учиться. Творческий вечер Натальи Чупровой в санатории «Литвиново» Московской области и Ольги Пашун в санатории «ДиЛуч» Анапы; выступления Александра Вокуева на молодёжном медиафоруме «Шум» в Калининграде, Александры Овчинниковой на мероприятии в честь 65-летия со дня запуска первого искусственного спутника Земли в Москве; актуальные встречи Светланы Коныгиной с Игорем Гуревичем – поэтом, прозаиком, членом Союза писателей России и Правления Архангельского регионального отделения СПР и Ольги Пашун с работниками Володарской районной библиотеки; рывок в обучении Ирины Коткиной, финалистки Всероссийской писательской мастерской АСПИР – Ассоциации союзов писателей и издателей России, направившей в добрый путь уже трёх авторов НАО. Приятная тенденция!

«Домашних» же выступлений было просто не счесть: программа «С чего начинается Родина» Ольги Пашун для проживающих в Пустозерском доме-интернате и малышей детского сада «Гнёздышко», презентация студентам литературного экскурса в историю «Слово тундры» о классиках и современных писателях округа; встреча с участниками мероприятия «Мои здоровые выходные» (реализует Администрация Нарьян-Мара, ребята с интересом слушали С. Коныгину, П. Акимову, И. Маркову, Е. Коваль); литературные вечера Натальи Чупровой в лесозаводской библиотеке, где присутствующие с большим интересом и автора слушали, и сами читали полюбившиеся стихи; участие в писательском марафоне библиотеки посёлка Красное Елены Хатанзейской и в акции Этнокультурного центра «Теперь я в малице», где Матрёна Ивановна Талеева читала свои стихи на родном языке...

Ну и конечно, полным ходом мы шествуем по округу «Стихоходом». Второй этап проекта успешно реализован. Творческий десант посетил населённые пункты Оксино, Нельмин-Нос и Лабожское, о чём красочно расскажет в своём материале Ирина Коткина. Между прочим, округ с проектом «Стихоход» Этнокультурного центра НАО и НЛитО «Заполярье» вошёл в 20-ку лучших во Всероссийском конкурсе «Самый читающий регион»! Поздравляем всех с достижением!

Впечатлениями делится Лидия Сядейская:

«Стихоход – интересный проект. В этом году мне посчастливилось участвовать в нём. Везде нас встречали тепло. Что я заметила: в начале встречи атмосфера была немного натянутая, но по мере знакомства с творчеством и с нашей командой напряжение уходило. Громкие аплодисменты, пожелания новых встреч искренне вдохновляли всех. Такие встречи очень нужны. Я почерпнула энергии от слушателей. Глаза в глаза передавая стихами любовь к родному краю, я видела их любовь к нашей малой родине. Это то самое, что хотелось получить – живой отклик. Жители смогли близко познакомиться с литераторами, что немаловажно. Наши стихи и проза теперь будут по-другому восприниматься ими. Доброго пути, Литературный Стихоход! Однажды на экзамене по философии преподаватель мне задал вопрос: «Для чего мы живём?» На что я ответила: «Чтоб оставить добрый след на Земле!» «Об этом я как-то не думал». Сейчас я бы добавила: «...И передать свою любовь к родному краю, к Родине, к семье своим потомкам!»

В этом году в рамках «Стихохода» с авторами от литературы путешествовали и художники-иллюстраторы, отображающие в режиме реального времени пути-перепутья, а также выставка плакатов-иллюстраций из наших книг.

Да и это ещё не всё! Проект расширил границы, и с 2023 года в Нарьян-Маре стартовал «Детский стихоход»!

Детский стихоход

Это ответвление, нацеленное конкретно на детскую аудиторию. Наши авторы встречаются с ребятами разных возрастов, рассказывают о себе, читают произведения, дарят книги и оставляют восторженным слушателям автографы. Трудно представить более благодарную аудиторию, которая внимает, высунув языки, эмоционально реагирует на всё.

Тенденция к развитию литературы для детей в этом сезоне была налицо. С онлайн-проектом «Читаем детям» мы познакомили библиотекарей учреждений образования округа. Проект был задуман ещё в 2021 году с целью популяризации литературного творчества для детей. На встрече выступали Л. Сядейская, Н. Чупрова, И. Селиверстова, Е. Коваль, А. Хабарова, А. Ледков. Упор сделали и на иллюстрации в изданиях. Иллюстрирование – это огромный творческий мир взаимодействия литераторов с художниками, волшебство перевода словесных портретов в зрительные образы и большая ответственность перед маленькими читателями за правильность отображения. Сотрудники отдела информационной и редакционно-издательской деятельности ЭКЦ НАО рассказали специалистам библиотек, как ведётся работа при подготовке изданий, как трудно бывает найти художника, который созвучен автору произведения, обладает теми же знаниями, чувствует то, что звучит между строк. В мир увлекательного творчества Надежды Выучейской, Татьяны Корепановой, Елены Перваковой, Ларисы Чупровой, Валерии Фофановой, Ирины Селиверстовой, Катерины Новиковой, Ирины Марковой перенесли слушатели, знакомясь с художественно-иллюстративной «кухней». И уже знакомые книги зазвучали новыми красками!

С интересом слушали гости Елену Первакову, которая не только рассказала о процессе создания иллюстраций, но и показала оригиналы своих работ. Одна из гостей отметила, что теперь будет внимательнее к изображениям в книгах, так как в них заключается настоящий параллельный мир, помогающий раскрыть произведение глубже, понять автора литературных строк.

А в детском саду «Аннушка» весь год читали стихи о северной природе в рамках проекта «Родной край в поэзии Натальи Сергеевны Чупровой», инициированного преподавателем ИЗО Ириной Васильевной Рочевой. Проект завершился яркой встречей с автором, открытием выставки рисунков и поделок детей по впечатлениям от произведений автора.

Самым же ярким событием в среде авторов «Заполярья», пишущих для детей, стало вступление в ряды членов Союза детских и юношеских писателей Екатерины Коваль. Наши искренние поздравления!

Литературные встречи

Новое время, новые волнующие темы. Поэтическое мероприятие, целью которого стала поддержка участников специальной военной операции, состоялось в Этнокультурном центре с участием Ольги Пашун, Инги Артеевой, Александра Огурцова. Звучали стихи современных авторов, для которых патриотизм – не пустой звук, чьи музы не молчат во время пушечных выстрелов. Их горячие строки читали депутат и пенсионер, студент и библиотекарь, служащий Росгвардии и государственный служащий, журналист и режиссёр. Темы Родины, связи поколений, народного героизма и духовного подъёма пронизывали все стихи. Слушали со слезами на глазах.

Традиционная встреча «Зимнее солнце» прошла в форме релакс-студии рисования и открытого микрофона. Как всегда, встречу готовили молодые авторы, в этом году участники литературной студии «Северус» во главе с Екатериной Коваль и самодеятельные художники «Арт-клуба» под руководством Ирины Марковой.

Куда же без интеллектуальной игры, проходящей ежегодно в рамках акции «Литературная ночь»? В этом году она опять-таки успешно состоялась, причём организована была по просьбам участников. Значит, игре – быть! В игре на тему «Поэзия прозы» из пяти команд-участниц победила команда библиотекарей «Мы от Пичкова», поздравляем!

«Двойной портрет в литературной раме» – это вечер-празднование юбилея уважаемых авторов «Заполярья» Лидии Сядейской и Владимира Орлова. На мероприятии звучали стихи и проза в исполнении друзей по литобъединению. Ансамбль гитаристов под руководством Ольги Тарасовой сыграл на струнах души всех, кто уже и так был настроен на поэтический лад. Атмосфера способствовала отдыху, умиротворению, взаимопониманию. Творчество Лидии Сядейской и Владимира Орлова роднит горячая любовь к малой родине, суровой, но такой прелестной красоте природы Севера. В их стихах крутого нрава ледоход, туманные рассветы, полярные зимы, морошечная осень, комариное лето, тундровые ворги, озёрная глубина... Слушаешь и наполняешься свежим ветром с реки, запахом цветущего багульника, красотой тундровых горизонтов.

Раз уж речь зашла о именинниках, мы сердечно поздравляем всех авторов, кто в этом сезоне отметил свой юбилей. В их числе Виктор Толкачёв, Андрей Чуклин, Любовь Царькова, Елизавета Выучейская, Мария Кравченко, Иван Рочев, Сергей Тайбарей! Желаем радости творчества!

В нашей группе «Заполярья» ВКонтакте жизнь также бьёт ключом. Ежедневно можно прочитать новое произведение, узнать свежие новости литературной жизни, просто отдохнуть душой. Например, в этом году открылась постоянная рубрика «Пейзажные зарисовки Зинаиды Корепановой». Зинаида Степановна черпает вдохновение в красоте заполярного пейзажа и делится волнующими мыслями.

Одна из новинок – наше участие в составлении и записи литературных вопросов для интеллектуальных игр клуба «Арктическая сова», состоявшееся по инициативе Светланы Коньгиной. И тут, пожалуй, пришло время поблагодарить Ингу Артееву за многолетнее руководство литобъединением и поздравить Светлану с избранием её председателем нашего «Заполярья». Успехов, Светлана! Нас много, мы слишком разные, и это будет нелегко. Но зато как интересно!

Светлана Коньгина:

«Годы летят, наши годы, как птицы... поётся в одной известной песне, вот и сейчас, когда готовится очередной выпуск альманаха понимаешь, что снова прошёл год, но каким он был, этот год, для нас, для ЛИТОВцев? Чудесный, творческий, открывший новых талантливых авторов, показавший, что авторы «Заполярья» могут снова и снова удивлять, привлекать, поражать читателей, открывая им новые грани творчества. Лично для меня этот год ознаменован высокой ответственностью и одновременно новыми возможностями для реализации творческих идей, так как, оказав высокое доверие, коллеги выбрали меня председателем объединения. В этом качестве для меня важно не только создать, придумать, найти что-то новое, но и бережно сохранить и приумножить накопленное моими уважаемыми предшественниками».

На отчётно-выборном собрании объединения также приняли в ЛитО новых авторов: Артемию Буйлова, Анастасию Хабарову, Екатерину Коваль, Александра Огурцова и Надежду Талееву! Особым событием стало принятие в «Заполярье» Надежды Николаевны. Её кандидатура была предложена для принятия в следующем году, но члены ЛитО единогласно решили не откладывать, ведь Надежда Николаевна давно с нами, постоянно помогает на мероприятиях, занимается переводами. Уважаемые авторы, мы рады и горды, что вы с нами!

Анастасия Хабарова:

«В этом году произошло необыкновенное событие, которое до сих пор вызывает у меня восторг пополам с лёгким недоумением. Восторг от того, что я влилась в замечательную семью НЛитО «Заполярье». Мне всегда казалось, что члены объединения – почти небожители. Поэты, писатели... Это так волнующе! И вдруг...! Ура, я среди этих потрясающих людей! Недоумение от того, что твои скромные заслуги на литературном поприще оценили

столь высоко. Иногда я кажусь себе немного самозванкой. Но со стороны, думаю, виднее. Поэтому звание члена НЛитО «Заполярье» я несу с гордостью, трепетом и большим удовольствием».

Издания и публикации

Только представьте, всё вышеперечисленное – лишь малая часть событий и мероприятий, в которых мы приняли участие. Были ещё всевозможные акции, форумы, выезды, лекции, мастер-классы, занятия со студентами и школьниками, чтения, бесчётное количество конкурсов и многое, многое другое. А сколько было публикаций в различных изданиях, местных и иногородних!

Питерская газета «Для СВОих» опубликовала произведения Ольги Пашун, а в альманахе «Литературный огонёк» издательского дома «ИздатНик» напечатали творчество Валентины Косковой. Лидия Сядейская получила от издательства «Четыре» авторские экземпляры литературной раскраски «Страна Вообразия» со своими стихотворениями. Также её стихи включены в сборник «Питер», альманах «Родина» – это ежеквартальная культурно-патриотическая антология, которую выпускает Русский литературный центр. Ольге Пашун из Орла прислали свежие номера альманаха творческого объединения «Стихия душ», в работе которого активно участвует наш автор. Произведения Лукерии Валеи, Ольги Латышевой, Ивана Рочева, Натальи Чупровой, Ольги Пашун, Лидии Сядейской размещены в калининградском детском журнале «Мурр+». В книге «Старые новые сказки» издательства «Пиши как художник», г. Москва, и в волгоградском сборнике сказок издательства «Перископ-Волга» опубликованы сказки Екатерины Коваль. Ирина Ржаницына издала самостоятельно свою первую книгу, которую она посвятила отцу.

Кстати, об изданиях. Конечно же, в этом сезоне, как всегда, вышли наш замечательный альманах и «Пунушки». А «Пунушка» красиво отметила 15-летие! С юбилеем, любимый журнал!

Пожалуй, одно из самых ярких событий издательского сезона – выход в свет и презентация лирического сборника Татьяны Зуевой «Судьбы причудливая вязь...». Книга была профинансирована коллегами Татьяны Николаевны по врачебной профессиональной деятельности.

«Поэзия есть внутренний огонь всякого таланта», – сказал Фёдор Достоевский. Поэтическое слово горело в душе Татьяны Николаевны, пока она около 50 лет творила, будучи врачом, лечила людей, спасала жизни. Зачастую именно творческая интуиция помогала найти единственно правильное решение в трудных ситуациях. А поэтическое слово закалялось, настаивалось как хорошее вино, формировалось, крепло, подпитываясь соками жизненного опыта. И вот – прорвалось! Оно родилось сразу взрослым, глубоким, обогащённым.

Светлана Коныгина, председатель НЛитО «Заполярье»:

«Тонкая нежная лирика Татьяны Николаевны ведёт нас за собой и ненавязчиво, очень деликатно, как будто едва касаясь сознания, проникает в самое сердце, звучит там перезвоном серебряных колокольчиков, даря тепло. Произведения Татьяны Николаевны имеют неповторимый стиль, отличаются богатой лексикой, вдумчивостью и очерченной тематикой. Слово отлично слушается Татьяну Николаевну, которая в свою очередь непринуждённо ведёт кружевную вязь чувств, сомнений, размышлений, надежд отработанным за долгие годы врачебным прочерком, врачая ныне ещё и души человеческие. Благодарю за подаренные эмоции, красоту слова и возможность сопереживать, почувствовать причастность».

Ольга Бороненко, руководитель регионального отделения ООО «Ассоциация учителей литературы и русского языка»:

«Стихи автора убедительны и правдивы, откровенны и прозрачны, потому что их богатая основа – богатые жизненные впечатления, пропитанные любовью и неподдельной искренностью. Сборник не ставит целью перевернуть наше сознание, наоборот, хочет, чтобы мы остановились в жизненной круговерти, оглянулись вокруг: как много прекрасного нас окружает. Даже в мелочах. И, безусловно, понять, как много у нас уже есть для того, чтобы быть счастливым».

Ирина Коткина, редактор книги:

«Мы не раз встречались с Татьяной Николаевной: в искательской поликлинике, рачительной хозяйкой которой она была много лет, на выставке кошек, где она с гордостью демонстрировала любимца Сёму, на Тотальном диктанте, который Татьяна Зуева, в числе немногих, написала на «отлично», в клубе любителей литературы и ЛитО «Заполярье» — где она выступала в качестве вдумчивого читателя и ори-

гинального писателя. Этой весной готовили к печати материалы о блокаде Ленинграда и враче Олеге Батманове. Много говорили о разном. Когда человеку есть что сказать, есть чем поделиться с миром, — нужно это сделать. Вдвойне хорошо, когда человек может выразить мысли, воспоминания, эмоции словом — грамотным, выразительным, образным. Всё это есть у Татьяны Николаевны. А ещё у неё есть родные по крови и духу люди, с которыми радостно работать, сочинять стихи, жить».

Моя малая родина – там, где друзья,
Где мой дом и работа, где счастлива я.
Где я жизни хозяйка своей, где мой путь –
«Через тернии к звёздам». И вовсе не суть,
Где была рождена и откуда ушла.
Моя малая родина – где душа ожила:
Край земли, Заполярье, мой берег родной.
Добрый Ненецкий округ, простор и покой.
(Татьяна Зуева)

Ещё немного о достижениях

Дорогие друзья! Уважаемые авторы!

Мы ценим ваш творческий труд, личный вклад в развитие нашего Народного литературного объединения. В 2024 году ЛитО «Заполярье» исполнится 90 лет. В Этнокультурном центре началась подготовка к празднованию. Идей громадье!

Но мы встречаем юбилей достойными результатами деятельности. Только в этом сезоне одна из самых ярких авторов объединения Инга Артеева стала участником Международного форума «Литературный диалог по-русски», г. Красноярск, экспертом в НАО первого регионального литературного семинара-конкурса для авторов от 18 до 35 лет «Абрамовский большак», организованного Архангельским региональным отделением Союза писателей России и Студией молодых литераторов «Абрамовский большак». Благодаря её работе с авторами Ирина Маркова, Екатерина Коваль, Татьяна Золотуева, Саша Овчинникова получили дипломы полуфиналистов, а Екатерина Коваль вышла в финал конкурса. Среди достижений Инги Артеевой также: лауреат XV международного фестиваля «Мгинские мосты» в номинации «Лирическая поэзия»; серебро в творческом поединке единственного в России историко-поэтического фестиваля «Словенское поле»; финалист IX Гринфеста «Остров надежды»; победитель национальной литературной премии «Золотое перо Руси» – 2022 в номинации «Поэзия». А это, поверьте, немало! Таких перьев выдали всего одиннадцать из тысяч участников. Произведения Инги включены в антологию издательства «Перископ-Волга» «Мастера поэзии и прозы 2022», в итоговый сборник I Международной литературной премии им. А. Серафимовича.

Президиум Российского союза писателей принял решение о награждении серебряной медалью «Святая Русь» Ольги Крупеньё за вклад в развитие современной русской литературы, укрепление национального самосознания и патриотизма.

Во Втором Всероссийском литературном конкурсе «Литкон» Екатерина Коваль и Анастасия Хабарова получили специальные призы жюри, Инга Артеева заняла 1 и 2 места в разных номинациях. К публикации в сборнике конкурса были приняты работы наших молодых авторов Ирины Марковой и Полины Акимовой.

Любовь Царькова получила Благодарность за работу в составе жюри и большой вклад в развитие школьной журналистики Санкт-Петербурга XI Городского конкурса редколлегий школьных СМИ.

В региональном этапе Большого всероссийского фестиваля детского и юношеского творчества, в том числе для детей с ограничен-

ными возможностями здоровья, наградили сразу двух ребятшек из литературной группы «Шиповник» ЭКЦ НАО! В направлении «Литературное творчество», возрастная категория 7-12 лет победителем стал Павел Коваль, а второе место заняла Софья Шапова. В конкурсе историй по открыткам журнала «Вверх тормашками» победителем стал опять-таки Павел Коваль.

По итогам года за активность и достижения на отчётном собрании ЛитО наградили Ольгу Пашун, Лукерию Валею, Лидию Сядейскую, Ивана Рочева, Александра Ледкова, Наталью Чупрову. Спасибо вам за работу, творчество, за неравнодушие!

Что же, на этом можно и заканчивать. Заканчивать эту статью, но не бурную деятельность Народного литературного объединения «Заполярье» и его друзей! Год был насыщенным и напряжённым. Идей море, вдохновения хватает и бесконечно количество возможностей себя проявить, развиваться и писать.

Всё это мы делаем для вас, наши дорогие читатели! А сейчас переходите к захватывающим сюжетам и интересным материалам нового альманаха. Приятного чтения!

Константин Селиверстов,
заведующий отделом информационной
и редакционно-издательской деятельности
Этнокультурного центра НАО

Путевые заметки

Ирина Коткина

Дневник тундрописателя, или АСПИРАНтура литературы

Региональный автор
на Всероссийской писательской мастерской

Под финал 2022 года Ассоциация союзов писателей и издателей России (АСПИР) собрала в столице творцов со всей страны на литературную учёбу. В счастливую сотню, выдержав конкурсное сито, повезло вписаться и мне.

Примером стали молодые коллеги – Екатерина Коваль и Александра Гуляева. Обе весной и летом побывали на аналогичных семинарах в Москве и Санкт-Петербурге.

На конкурс для страховки заявила в две номинации. Для «Прозы» выбрала посты из своего блога «ЧУМотека», для «Критики и публицистики» – газетные заметки из «Няръяна вындер» и «Заполярного вестника». Жюри оценило журналистские работы, определив меня в группу тех, кто с пристрастием препарировывает чужие произведения на соответствие жанру и качеству исполнения.

Накануне открытия мастерской понаехавшие перемешались и перезнакомились методом коллективного погружения в сознательное и бессознательное. Когда в одном месте собираются люди, которые за словом в карман не лезут и пишут пером так, что не вырубят топором, стрелки часов начинают крутиться быстрее.

Четыре дня в писательской тусовке вместили невместимое. Уроки мэтров, разбор полётов от собратьев по разуму, музыка, книги, монологи и диалоги, споры и много эмоций. Как раз то, что так необходимо странным людям, умеющим складывать слова в предложения, а предложения – в осмысленные тексты.

Записки из глубокого обморока

За столичным приключением с волнением следили друзья по литобъединению «Заполярье». Ради них я ежевечерне усаживалась за походный ноутбук и записывала важное. Иногда от избытка эмоций вместо связного рассказа пальцы выбивали на клавиатуре междометия Элочки-Людоедки.

«Даже если вам немного за тридцать»

Впервые Ассоциация позвала на авторский сбор тех, кому «за» и «далеко за 35». Возрастные ворота в бесплатный литобуч расширили

до 60, так что я счастливо вписалась в отряд начинающих, продолжающих и состоявшихся.

«Сотня юных бойцов из писательских войск»

Помимо критиков в Москве собрались прозаики, поэты, драматурги и детские писатели – лишь каждый десятый из тысячи желающих припасть к литературному роднику.

«И с Пушкиным на дружеской ноге»

На открытии мастерской, в музее имени «нашего всего», дружно бросились селфиться с ним же. С Пушкиным на дружеской ноге, руке и голове побывала практически вся сотня. Советник президента России Владимир Толстой порадовался единой литературной среде, намекая на разноуровневый коллектив собравшихся. Благословение потомка великого классика коллектив воспринял аплодисментами.

«Пойдёт направо – песнь заводит»

«Проза, сюда! Поэзия, за мной!» – бойко зазывали волонтеры, разводя по аудиториям писательскую братию. Среди критиков наблюдались маститые, что печатаются в российских журналах и знают слово «экзистенциализм».

Хором сбились в стаю и смело взошли на аналитическую Голгофу.

Под критической шинелью

К нужному, но не общему знаменателю курсантов приводили кандидаты филологии и признанные критики Валерия Пустовая и Наталья Ломыкина. Первая – лауреат премии «Дебют» и Новой Пушкинской премии, вторая – литобозреватель журнала Forbs и мультимедийного холдинга РБК, преподаватель факультета журналистики МГУ.

Речи наставников конспектировала, делая пометки в скобках, дабы не выронить из клюва ценный корм:

– Задайте себе вопрос «Что я хочу сказать?» Не теряйте мысль, не уходите в песок. (Я не страус, но уйти в песок и растечься по древу могу).

– Ведите диалог с читателем, радуйте грамотной литературной речью, убирайте канцеляризмы: «вышесказанное, нижеизложенное, данное, является». За эти слова надо наказывать рублём! (Так и разориться можно!)

– Начало и финал – ваши сильные стороны. У вас есть шесть секунд, чтобы заинтересовать читателя. (Буду тренироваться с секундометром).

Коллеги по секции высказывались не менее затейливо. Александр Москвин, Анна Нуждина, Михаил Рантович – погулите, это молодые, но авторитетные авторы, к мнению которых прислушиваются.

Работы одноклассников «разделявали под орех», «расписывали под хохлому», не оставляли камня на камне и далее по длинному синонимичному списку, больше похожему на генеральную уборку после полного захламления квартиры.

Запомнилось: «критическая шинель», «поэтическая ревность». Представила человека, завёрнутого в строгие замечания, грустного и одинокого. А ведь писатель – натура нежная, требующая любви и ласки, а не холодного пальто с сомнительной подкладкой.

Унесённая тундрой

Дождаясь своей очереди, решила от стадии обиды, неприятия и сопротивления сразу перейти к конструктивному, благодарному перевариванию. Может поэтому экзекуцию по расчленению моих текстов на молекулы выдержала стойко.

Центральным в обсуждении стал очерк «Ямбом и хореом. Что вижу – о том пою». Это рассказ о Николае Артемьевиче Ледкове из посёлка Красное, оленевод и поэте, герое документального фильма «Дядя Коля».

Начали с хорошего: «Колорит, этника, интересный персонаж, живой язык». Удивились, что ямб и хорей – не только стихотворные размеры,

а ненецкое слово «длинный» и шест для управления оленьей упряжкой. А потом понеслось!

Главным недостатком посчитали неприкрытую любовь автора, то есть меня, к герою, то есть к дяде Коле.

– Автор и герой очень близки, – укоряли учителя. – Отсюда желание показать его гиперпозитивно, возвысить. Автор служит герою, влюбляется в него!

Вот ведь, раскусили с первой строчки. Грешна, влюбляюсь, служу, проникаюсь, удивляюсь, восхищаюсь и взахлёб рассказываю о каждом герое нового материала во всеуслышание.

– Газета – не сказка, – продолжали эскулапы. – Журналистский текст должен нести конкретную информацию, а не становиться художественным. Фольклористика типа «мужичок-тундровичок» – не та тональность.

– Герой не должен заранее читать материал. Он не редактор, с ним согласовывают только цитаты, цифры, имена, факты. Двойка по журналистике! – бушевали критики.

Страшно далеки они от тундры, где все друг друга знают если не по имени, то в лицо. Статью в газете с пристрастием читают родственники, обсуждают соседи, да весь округ «Нярьянку» с дупой изучает! Как тут не обсудить каждую деталь?

Апофеозом терапии стало обвинение в провинциальности и местечковости. Очерк назвали краеведческим лонгридом, автора – регионально травмированным, и только дядей Колей искренне восхищались и спрашивали, как к нему в гости попасть?

Добро пожаловать! Со всем почтением встретим, а потом ударим тундрой в самое сердце – попробуйте тогда без любви о ней написать!

АСПИР на весь мир

Дневник тундрописателя чуть было не перерос в роман-эпопею. Вовремя остановилась, а ведь были ещё лиричный концерт в Люмьер-Холле под звёздами, поэтический театр Дмитрия Воденникова, литблогинг Марии Авериной, гостиница «Ибис» в сердце столицы, коварный шведский стол, изысканные кофемашинки и прочие удобства, что АСПИР заботливо создала беспокойным гостям.

Эта неустанная забота чувствовалась на каждом шагу. Волонтёры в красных шапочках с повязками «а ля народный дружинник» неусыпно следили за каждым зазевавшимся поэтом и прозаиком. Автобусы изящно лавировали по переулкам, развозя гостей по культурным местам. Координаторы в телеграм-чате отвечали на смешные вопросы, искали термометры и «фен с насадкой, а не как в номере», ждали опаздывающих, искали потерявших телефоны и уверенность в себе.

Закрывали мастерскую под звуки электро-скрипки в очередном атмосферном месте Мо-

сквы. Глава АСПИР писатель Сергей Шаргунов вновь напомнил, что литературе все возрасты покорны:

– Важно одно: чтобы прихлынула в литературу свежая кровь. Мы никому ничего не навязываем, просто стараемся помогать всем талантливым людям, которые стремятся к слову, – а это стремление может проявиться на любом этапе жизни. Наше дело – поддержать их.

Отчёт о проделанной за год работе приняли единогласно и поразились масштабам.

– 550 пишущих соотечественников обучились в творческих мастерских во всех федеральных округах страны.

– 248 авторов нашли вдохновение и дописали «долгострой» за месяц комфортного проживания в литрезиденциях.

– 30 писателей проехали всю страну, чтобы с глазу на глаз побеседовать с читателями.

– 8 лучших выпускников мастерских в рекордно короткие сроки получили свои новоиспеченные книги.

АСПИР – это работа с издательствами и «толстыми журналами», лучшие наставники, шанс заявить о себе, продвижение, поддержка, вдохновение.

Автор, не спи, шагай в АСПИР!

АСПИР

Ассоциация союзов писателей и издателей России (АСПИР) – общероссийская некоммерческая организация, созданная по инициативе пяти объединений: Союза писателей России, Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Союза писателей Санкт-Петербурга, Российского книжного союза. Председатель ассоциации – Сергей Шаргунов, главный редактор журнала «Юность», заместитель председателя комитета Госдумы по культуре.

АСПИР регулярно на конкурсной основе организует бесплатные литературные резиденции и мастерские для начинающих писателей во всех федеральных округах страны.

Литературный десант в Лабожском

Проект Этнокультурного центра «Стихоход» уверенно шагает по ненецкой тундре. Десант из местных писателей высаживается в окружающих населённых пунктах, несёт в народ прозу и поэзию, собирает сторонников, ищет таланты.

Что так влечёт сочинителей в дали дальние? «В стол» писать неинтересно и вредно для здоровья, а в деревнях живёт самый благодатный слушатель и читатель. С важной культурно-образовательной миссией стихоходы побывали в Великовисочном, Красном, Тельвиске, Коткино, Нельмин-Носе, Оксино.

Ещё одна отметка на путевой карте литературных путешественников – Лабожское. Туда

в морозную субботу, 25 февраля, отправились представители сразу трёх литобъединений: взрослого «Заполярья», молодёжного «Северуса» и детского «Шиповника».

О великом и малом

«Великая Виска» – непосвящённому – название «ТРЭКОЛа», который уверенно водит по тундре Виталий Дуркин, покажется пафосным. Но это лишь непосвящённому, местным и так всё понятно.

Виталий – уроженец Лабожского, опытный ясавэй. Каждый день в рейс: Нельмин-Нос,

Нарьян-Мар, Великовисочное, Оксина и обратно в любую погоду по снежной, не всегда нежной дороге.

В салоне чисто, тепло, пахнет не бензином, а весной. Неугомонные пассажиры со смешными просьбами пристают, но Виталий, будто экскурсовод, степенно на все вопросы отвечает.

– Посмотрите налево, посмотрите направо. Тельвиска, Устье, скоро Пылемец.

– Мышка! – вдруг констатирует водитель.

– Где? Где? – подсказывают с мест эмоциональные пассажиры.

– Убежала, – так же спокойно сообщает Виталий.

Погрустить по мышке не успели, догнали более колоритных попутчиков на собачьих упряжках. Экспедиция из Нарьян-Мара до Индиги и обратно стартовала 24 февраля. Пробег посвятили 40-летию полярной экспедиции газеты «Советская Россия».

Каюры всего сутки в пути, а впереди ещё сотни километров по снежной целине. На улице пушкинские «мороз и солнце, день чудесный», но, если весь этот день посреди голой тундры, – только шкурка тёплая и быстрый бег спасёт. В посёлках, где будут остановки, гостеприимные северяне обогреют и накормят от важных бегунов.

На Севере всё просто и понятно, а от малого до великого – один шаг.

Литературная деревня

Дом культуры в Лабожском – уютный и красивый. Концертный зал с мягкими креслами, гримёрки, кабинеты, гардероб и чайная, «городской» туалет.

Сразу видно – правильные хозяева, вернее, хозяйшки. Олимпиада Опарина и две Галины – Фролова и Данилова.

ДК и библиотека, культура и литература под одной крышей, очень удобно.

Контингент один и тот же: зимой человек сто, летом – на порядок выше.

Каждый на особом учёте в перечне умений и талантов: певцы, танцоры, чтецы, добровольные помощники, активные зрители.

Последних стихоходы на все сто оценили. Волновались, придёт ли народ на прозу и поэзию? Нынче в Лабожском жизнь культурная кипит. То гастроли в соседней Виске, то фестиваль в Тельвиске, то из Нарьян-Мара артисты нагрянули – некогда в баню сходить!

Олимпиада Ивановна успокоила:

– У нас никто не торопится. Придут.

Так и получилось. Пришли, да ещё как пришли! Даже редкие гости литературных гостиных – мужчины. По школьной привычке забрались «на камчатку». Солидно слушали, сдержанно аплодировали, будто каждый день по поэтическим салонам ходят.

Представьте, как стихоходы старались публике угодить! Ямбом и хореем возбуждали,

глаголом жгли, фантастикой с региональным уклоном поражали, загадки загадывали, книжные иллюстрации показывали и даже былину про Илью и Святогора спели. Когда юная десантница Лада спокойно и негромко про личную звёздочку с неба рассказывала, «камчатка» дружно привстала, чтобы не пропустить важное.

Перед выступлением командир литотряда Екатерина Коваль строго предупредила: «Прошу соблюдать регламент! Смотрите на меня. После шести минут буду подавать знаки!» Дисциплина – великое дело. В ожидании знаков десять ораторов уложились ровно в час с перерывом на аплодисменты.

На общем фото лица писателей и читателей получились обоюдно довольными. Друг друга удивили, не утомили, энергией творчества зарядили. Придётся ещё раз приехать ради новых поклонников и сказочно вкусных оладий от культурно-литературных хозяйшек.

Здоровское Лабожское

Деревню вызвалась показать Татьяна Опарина. Повела неторопливо от дома к дому по свежему снегу. На улице ни души. После встречи все по домам разошлись, суббота ведь, баня!

– Вон ферма новая. Теперь там красота и теплота. Дом культуры сами видели. В садике малыши есть, а будет ещё больше. На том берегу – родник. Ездим туда за водой. Чистейшая, проверяли. И водопровод у нас есть. Да всё, что надо, у нас есть. Если что, мы сразу вместе собираемся и проблему решаем, – с напором и нескрываемой гордостью за земляков говорит Татьяна Николаевна.

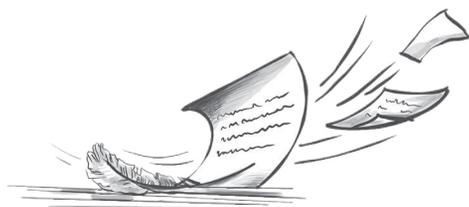
Напоследок вручает книжку с лиричным названием «Лабожское. Нет родней моей деревни» и ещё раз напоминает:

– Нет, не краевед. Просто всю жизнь здесь живу.

На обратном пути прошу коллег по литдесанту подыскать рифму к слову «Лабожское». Безуспешно ищу сама, и уже дома, разгребая фото и эмоции, внезапно – «здоровское»!

Засыпанное невесомым снегом, праздничное, по-хозяйски ухоженное, добротное, простое и радостное. Готовая открытка – фотографируйся на фоне и посылай друзьям.

«Здоровское Лабожское» – первая строка готова. Осталось дописать стихотворение, а может, и поэму? Рифму вам в руки, печорские стихоходы!

Солёных волн раскаты

Светлана Коньгина

Ароматом пьянящим манят летние травы,
Плывут облака в бирюзовой дали,
Невесомые, белые служат ветру забавой,
Когда, в траве отдохнув, он взлетает с земли.
Каждый листок напоён солнца светом,
Переполнен мёдом жёлтых, тёплых лучей.
И своим изумрудно-янтарным цветом,
Трепеща на ветру, удивляет людей.
То накатятся волны, то отступят обратно,
По небу разлился свет вечерней зари.
И словно ребёнок, озорной и занятый,
Полощет ветер в воде босые ноги свои.
Следы маленьких ног на песке оставляя,
Он дальше помчится, успевая везде,
Где шалить завтра будет и, сам точно не зная,
Уснёт как ребёнок в ароматной траве.

07.2000

Задремавшую реку тёплым ветром тревожа,
В чуть сгустившихся сумерках уходящего дня,
Своим мягким светом, ни на что не похожим,
Солнце всё обнимает, на ночлег уходя.
Облака набежавшие разрывает лучами,
Нарушает целостность хрупкого волокна.
В безмятежную реку лучи опускает,
Касаясь ладошками тёмного дна.
И заблестела река, смешавшись со светом,
Засверкала поверхность чешуёй золотой.
Все звуки застыли в воздухе не прогретом,
Соблюдая смиренно вечерний покой.
А часа через два вновь зачирикают птицы,
И дремавшее солнце распахнёт свои очи.
От заката к рассвету время бешено мчится –
Слишком короток век белой северной ночи.

07.2000

Жёлтых парад одуванчиков
Вдоль изумрудных кочек,
Салочки солнечных зайчиков
Брюшки шмелей щекочут.
От ветра трава колыхнется,
Наливная, зелёная, яркая,
Сегодня легко как-то дышится,
Хотя погода достаточно жаркая.
Упаду в травяные заросли,
В бездну неба смотреть буду истово,
Влюблюсь безнадежно и яростно
В облака и солнце лучистое.
Прикоснётся к лицу тёплой лапкою
Зайчик солнечный невзначай
И отпрыгнет в ближайшие заросли,
Слегка покачнув иван-чай.

Втяну ноздрями тепло рассветное,
Подставлю руку беспечному зайчику,
И буду смотреть, совершенно летняя,
На толстых шмелей и парад одуванчиков.

22.06.2022

Хмурит небо туч серых брови,
Шар солнечный катится к краю,
Старый город пробками болен,
Выхлопным газом смрадно икает.
Тишины недопитая кружка
Остывает на углях заката,
Беглецов плотно держит ловушка
Колец бетонных, развязок МКАДа.
Горячий воздух плотней мазута,
Машины ползут по спирали,
Перестраиваясь, как будто
В пятнашки друг с другом играя.
В потухших углях немного заката
Асфальта лентой вильнёт шлейф дороги,
Дневная пробка исчезнет куда-то,
В ночные вливаясь потоки.
Туманность разбитых иллюзий
Выпадает токсичной отравой.
Стремятся усталые люди
Туда, где в полях зреют травы,
Туда, где подсолнухов море,
Глядящих с восторгом на солнце,

Туда, где лаванда на взгорьях
И лоза виноградная вьется.
Стремятся туда, где море
Искрится лазурным цветом,
Люди спешат на волю,
Люди сбегают в лето!

15.08.2022

Белый ангел, накинув чужое пальто,
Уходя в невесомость потухшего дня,
«Ты сегодня живёшь для того, чтобы что...?» –
Безмолвный вопрос обронил, уходя.
«Ты сегодня живёшь вопреки всем ветрам,
Словно хрупкое пламя пылкой свечи.
Я вопрос этот снова однажды утром задам,
Только ты отвечай на него, не молчи...»
Грубый ворот не скрыл тонкой шеи свеченья,
Будто тёплый рассвет забрезжил вдали,
Ангел взглядом меня одарил на мгновенье,
Да так, что тепло стало сердцу в груди.
В шлице мятой маячили белые перья,
От сложенных крыльев согнулась спина,
На тонких запястьях шрамы неверья
Серебряным светом обнажила Луна.
Белый ангел не злился, он стоял на пороге,
Распахнув во Вселенную тайную дверь,
Улыбаясь, молчал и утекали тревоги
Тонкой струйкой тепла в океаны потерь.
Я живу, чтобы что? – вопрос философский,
Я живу, чтобы что? – повторяю стократ.
Может, чтобы прославить
ратный подвиг отцовский?
Может, чтобы кого-то любить, защищать?
Может, слово нести, словно Знамя Победы?
Или трезвостью мысли освещать чей-то путь?
Может быть помолчать с тем, кто вытерпел беды?
Или воду подать тем, кто присел отдохнуть?
Ранним утром, пока густым мёдом минуты
Перетекают в хранилище радужных снов,
Этот странный вопрос повторяю как будто,
Но ответ на него до сих пор не готов.
Каждый день наполняю особенным смыслом,
Чтоб не зря, чтоб не пусто, чтоб спустя много лет,
Когда ангел придёт снова утром лучистым,
Я на вопрос его знала точный ответ.

30.08.2022

Когда-нибудь мы с тобой будем рядом,
Ты щекой прижмёшься к руке...
Отблеск неба в час звездопада
Отразится в глазах при Луне.
Когда-нибудь мы с тобой будем рядом,
Излечив два душевных недуга,
Без слов сможем общаться – взглядом,
Без прикрас принимая друг друга.
Когда-нибудь мы с тобой чуть заметно
Улыбнёмся о самом главном,
Самом важном и очень светлом,
Тёплом, маленьком и забавном.
Когда-нибудь мы... плохое забудем,
Оставим прошлое за порогом,

Когда-нибудь мы... поверим людям,
Напишем толстые книги о многом,
Когда-нибудь... заискрим от счастья,
Осознав, что уже навсегда
Снимет память оковы с запястьев,
Когда-нибудь... знать бы только, когда...

21.07.2021

В списках погибших не значился...
Пал сражённым, приняв смертный бой,
Воин с глазами мальчика,
С русой, как лён, головой.
В глазах васильковых небо
Застыло, как в зеркалах,
Запутался ветер свежий
В растрёпанных волосах.
Безучастно смотрело небо
Со своих надменных высот,
Как нектар собирали слепо
Пчёлы рядом, чтоб сделать свой мёд...
Как в солнечном ярком свете
Продолжалась Вселенной жизнь.
В пылу боя никто не заметил,
Что он в траве бездыханный лежит...
За здоровье мать еще ставит
Напротив иконы свечу,
Огонь её медленно плавит...
Я в этом месте стиха помолчу...
В списках погибших не значился,
Но уже прорастал травой
Воин с глазами мальчика,
От войны мир прикрывший собой...

28.09.2022

Хрупкая ромашка, на ветру качаясь,
Как будто совершает языческий обряд:
Танцует по-шамански, по долу расстилаясь,
Листочков нежной дымкой по земле стуча.
Затем вздымает к небу с надрывом лепесточки,
С обрывного утёса устремившись ввысь,
Туда, где загораются звёзд далёких точки,
К которым паутинки по ветру понеслись.
На краешке утёса ветру поклоняясь,
Вокруг себя рисуя защитные круги,
Хрупкая ромашка, корнями в грунт вгрызаясь,
Чтит красный бубен Солнца,
серебряный – Луны.

Солёных волн раскаты подножье жрут утёса,
Гудит натужно камень, вздымая в небо птиц,
Холодным вздохом осень, оставив след белёсый,
По небу расстилается сияньем без границ,
Белым-бела округа, скулит надрывно выюга,
Осыпался листочков смёрзшийся дымок,
Танцует жизнь по кругу, склоняя стан упругий,
Ромашка обронила последний лепесток...
На миг замедлив время, он стал бесплотной тенью,
Замёрзшая ромашка погрузилась в ночь...
Собой прикрыла землю, где спит родное семя,
Под скорлупой из снега весны дождётся дочь!

27.11.2022

Не забудется былое

Валентина Коскова

Бриллианты на снегу
Кто рассыпал на бегу?
Нанижу я их на нитку,
От пропажи сберегу.

Самый жаркий – ближе к сердцу,
Отгонять тоску-печаль.
Самый яркий – в серединку,
Позабуду, что не жаль.

А вон тот, с янтарным блеском,
Не иначе – талисман.
Поднимаю верным жестом
И кладу себе в карман.

Этот, чистый и прозрачный
Защитит тебя от лжи.
Будет он тускнеть в неправде,
Крепче камушек держи.

Северная ягода –
Ягода морошка
Не простая ягода,
Очень любит ножки.

Солнечные лучики
Цветом одарили,
Воды тундры чистые
Соком напоили.

Разнотравье и цветы
Дали ароматы,
Мхи болотные устлали
Ложе мягче ваты.

Шелковица* на земле
Янтарём искрится.
В каждой капельке – медок,
Терпкая кислица.

Запасу морошку впрок –
Знаю, пригодится.
Морс, кисель, варенье, сок –
Есть, чем подкрепиться!

Заплутала юность во лугах,
В пенё ветра, рифмах и стихах.
О семи ключах висит замок,
От досады да от слёз промок.

Слов и фраз незримая игра...
Время за полночь, да заново с утра...
Я была наивной и смешной,
Ты ж – богатырь славный, мой герой.

Ю.З.

Стихи твои до мурашек пронизаны болью.
О невыплаканном горе стонут,
трут раны солью.
Я не книжицу листаю – жизнь пролистываю.
За словами да строками – ты неистовая...

Ты заплатками на душу рифмы вклеила.
Ненадёжно, тонко, будто временно...
Лёд твой хрупок, башмачком ступить –
и сломится.
Не забудется былое, долго помнится.

Пересплю с твоей тоскою, передумаю.
Проживу, перестрадаю грусть-печаль твою.
Разогну тугие пальцы на ладони я,
Пусть вернётся в душу светлая гармония.

* Шелковица на земле – и так, в частности, называли морошку наши предки. Ещё её величали северной малиной, очами тундры и др.

Не ищи во мне истину

Инга Артеева

Пока ещё верю

Луна застряла в облачном кольце.
А губы на обветренном лице –
Как будто бархат розы вмёрз в гранит.
Часы твердят, что этот
День
Убит.
Но будет ночь.
Она придёт в конце,
А потому – не надо панихид.

Не светел ликом, и не так уж свят
Мой бедный ангел,
Мой несчастный брат.
Под пеплом мыслей злых
И вздорных дел –
Уже не так бессмертен, как хотел:
Мои дороги – вечно на закат.
Он знал. Но всё равно не улетел.

Он знал – ему со мной не по пути,
Но бросил добрый путь своих светил,
Чтоб только в оглушительной тиши
Не слышать горький плач одной души,
Которой больше не к кому идти,
И незачем ни верить, ни спешить.

Я не уйду ни на какое дно,
Покуда будет слышать мне дано
Его шаги, бесшумны и легки,
И будет ночь, и новые стихи,
И вдохновенья терпкое вино,
А потому – не надо панихид.

Расскажу, чтоб не сбылось

Солнце пятном в небесах намалёвано,
Нервы железные – хрупкое олово,
Орала давно на мечи перекованы,
Времени лезвием срублены головы.

Слова за Россию не больше, чем тост,
Былого величия храмовый звон,
Память о силе непрощенный гость,
Вечная ночь, летаргический сон.

Жизни тщета – девиз на щитах,
Поправь меня, если вдруг что-то не так,
Раунд за раундом траурный марш,
Кто поднимет приспущенный флаг?

Он синий, как ночь.
Белый, как сон,
Красный, как свежая кровь.

Голодный огонь жжёт остовы основ,
И это не ласка уютных костров!

Вьются, как вороны сворою воры,
Беды – нелепое кредо,
И если однажды вернётся Аврора,
Никто не услышит залпа победы.

Здесь коронация – злое проклятие,
Трон императора сломан,
А если кто-то честен и свят,
Для своры он просто дурак или клоун!

Сонное царство: спать и молчать,
Здесь просыпаться не хочется,
Нет лекарства, и нету врача,
Пророков убили пророчества.

Яблок раздора змий или apple,
От райского сада остался лишь пепел,
Мы вместе проспали рассвет,
Но никто ничего не заметил.

Отравлены души ядом вранья,
В глазах пустота и неверие,
...Пусть притчей останется песня моя
Про гибель великой империи.

У кормушки

Если вы сегодня не кормили птицу,
Ничего такого с вами не случится,

Сном захлебнётся шёпот ватных губ.
Цепь рваных строк прервётся на листе,
Как вязь следов на тающем снегу.

Молитва

Жизнь не очень-то любит, увы, меня...
Чертит всё чёрно-серые полосы.
Я давно тебя знаю по имени,
Да окликнуть вослед – нету голоса.

В этой жизни нет места случайностям.
Люди ищут проблемы и сложности,
А с судьбой лишь случайно встречаются,
Есть желания – нету возможностей,

Бита бед и обид монолитами,
перед ликами нет оправдания,
Время ранено, болью избитое,
И молить о тебе – всё желание.

Никакого другого нет выхода –
Ни лекарства и ни заклинания...
Повторять твоё имя на выдохе –
Вот нирвана моя и призвание...

Я измучена чёрной печалью,
В сердце выжжены блики весенние,
Повторять твоё имя отчаянно –
Вот молитва моя о спасении...

Отогрей моё сердце холодное,
Чтоб нечаянно не расколосось,
Даже если наш путь – уже пройденный,
Я хочу просто слышать твой голос...

Да, ты пой мне ночами, пожалуйста,
Чтоб меня тишина так не мучила.
Не подумай, я вовсе не жалуясь,
Я ведь верю счастливому случаю.

Мне б до боли и до бесконечности
Целовать твоих глаз одиночество,
Чтоб навеки слились наши вечности –
Это всё, чего правда мне хочется.

От небес до моей преисподней –
Расстояние неумолимое,
А мне хочется каждый день пройденный
Называть твоим ласковым именем.

Все дороги к тебе перепутаны,
Звёзды блики кидают недобрые.
Если я на земле не найду тебя,
Ты оклики меня... прямо с облака.
Одари меня крыльями чистыми,
Расскажи мне, что жизнь не напрасная,
Напой меня добрыми мыслями.
Я так жду... Я прошу, не опаздывай...
Мне твой голос – одно лишь спасение,
И туманом луна окольцована.
Я так верю в твоё воскресение,
Что оставлю здесь место для соло...

Я люблю, когда в город приходит дождь,
Мир в проёме окна беззащитно свеж,
И уже всё равно, куда ты идёшь,
Ведь не связано больше с тобой надежд.

Звонкий гул разорвёт своей песней тишь,
Отзовется в душе громовой раскат,
И уже всё равно, о чём ты молчишь,
Не найдя сил и времени для звонка.

Да, так лучше, зачем снова слышать ложь –
Снова «будем общаться» и «просто друг»?
И уже всё равно, о чём ты поёшь,
Я за звоном дождя не услышу струн.

Дождь сотрёт с мокрых стен наши имена,
Он не верит в знамения и судьбу.
И уже всё равно, для чего нам знать
Друг о друге хоть что-то. Хоть что-нибудь...

Шаманы не боги. А тьма не свет.
Орлы не змеи. И боль не радость.
Камнем лежать в ледяной траве
Это не значит умеешь падать.
Молчанье как золото. Крик хлыстом
Намертво режет усталый вечер.
Горькая ненависть на потом.
Было бы можно. Да правда нечем.
Мысль вязнет в горле. И все слова
Стали тяжёлым густым болотом.
К чёрту все доводы. Прав. Права.
Я не о том. Объясни мне кто ты.
Как и зачем ты сюда попал,
Мне всё равно. Я тебя не помню.
Так что не трать на меня запал.
Гневом никто не согрел ладони.
Жаль только веры. Всё было зря.
Был человек. А потом весь вышел.
Главное шёпотом говорят.
Так что кричи. Я тебя не слышу.

Считалочка

Летела ворона
По синему небу,
Кричала о
Разрушении мира,
Что в клюве нет
Ни сыра, ни хлеба,
Что осенью этой
Особо сыро.
А в лужах тонут
Листочков лодки,
А свет луны
Некрасив и страшен,
И хочется вместо
Чая – водки,
Но денег нету
И жаль домашних.
Гнездо растрёпано,
Неуютно,

А строить новое
Годы вышли,
Что ветер рвёт
На клочки минуты,
Ворона плачет,
Никто не слышит.
И слышать некому:
В вату шапок
Запирал каждый
Глухие мысли,
И мир вороны –
Он пуст и шаток,
А друг до друга
Не шаг, а выстрел.
Не манит в гости
Свет тёплых окон,
В слепых проёмах
Сплошной блэкаут,
Летит ворона,
Ей одиноко,
В мечты не верит,
Опять обманут.

...Летела ворона
По синему небу,
Кричала – завтра
Вернётся солнце!
Темнеет небо,
Дождём плюётся,
А что до завтра –
Никто там не был...

За кулисами

Я – персонаж. Не ищи во мне истину.
Всё, чем живу – повороты сценария.
Кузница дней. Приглушённые выстрелы
Сердца. Какая там честность и искренность!
Помнить бы реплики между ударами.

Где ж мои чуткие добрые зрители?!
В зале – крылато-рогатая мафия...
Как я играла! А вы – не увидели...
Жаль, но спектакль мой был на любителя.
Занавес. Титры. Пардон, эпитафия.

Поэзия

Ко мне приходит дивный сон

Алексей Канев

Вдыхая радости Весны,
 мгновенья чистого творенья,
Мир, просыпаясь от Зимы,
 как будто дышит вдохновеньем.
На реках лёд ещё кругом,
 и снега в тундре ещё вдоволь,
Но звон капли за окном
 нам с детства кажется знакомым.

Пора Весны – пора Надежд
 и разрешение быть влюблённым,
Пора для пламенных сердец
 идти к свершеньям ярким, добрым;
И разрешение быть младым,
 с презреньем возраст вспоминая.
Лежит Зима, еле живая,
 под тёплым солнцем молодым!

Осень...

Незаметно Осень пришла красками души,
Поначалу грусть нагнала... Как же славно жить!
Сколько перекрёстков, дорог до неё прошли...
Осенью лишь дождь одинок,
 все в домах, в тиши.
Осень нашей жизни права, вечно и во всём,
Что б ни принесла нам Зима, мы её все ждём.
С каждым годом в тень уходя
 собственных детей,
Так устроен мир, и он рад Осени моей...!

Туман

Красиво в городе, тумана одеяло
Его накрыло молоком своей души.
Дорога в сказку и людей навстречу мало,
Ну кто же сказку покидает без причин...

И по судьбе своей наощупь по дороге,
Вдоль одуванчиков дорожных фонарей,
В тиши тумана неустанны наши ноги.
Ещё в тумане нет совсем теней...

Он ворожит, безветренно и мило,
В тумане город, словно город в облаках.
Недолго, но бессовестно-красиво
В тумане плыть у неба на руках!

Весна жизни

И шёл прекрасный месяц май,
И как всегда он был победный,
Мир просыпался, запах нежный
Весны... и крики птичьих стай.

Ветра полны живой надеждой,
И глянец неба безмятежный,
И мира мягкий каравай,
Миг каждый сам переживай.

Вернулись в русла рек рукавы,
По Совести, без лишней славы
Народ пришёл к своей Земле
Ведь Правда здесь, не в стороне.

В корнях, что жизнью напиваясь,
Свивали ствол Народа, дрались
За то, чтоб крона расцвела
И тень Земле своей дала.

Весна как миг – она прекрасна,
И вечность состоит из них,
Из маленьких мгновений счастья,
Оно для всех и для двоих!..

Ковёр судьбы

Так кто же мастерски плетёт ковёр судьбы?
Вплетая жизни нить в узоры обстоятельств,
И как закрутит спица обязательств,
Не оборвётся жизнь на полпути.
Кто смотрит, как плетётся «хоровод»
Из нитей разных: прочных, хрупких, нежных?
До глубины души пронзает безмятежных,
А беспокойным – камень в огород.
Процесс идёт, и прошлое в веках
Останется узором неизменным.
Какой-то Род в узоре настиг крах,
А кто-то оказался ближе ко Вселенным.
Узоры на ковре зависят от того,
Кому души носитель поклонился,
Что светит человеку, движет кто его,
Кто в этой жизни пал, и кто развился.
Свободу воли люди отдают,

Её забрать у нас никто не в праве!
Невежеством полны дуга, стадами.
Ковёр плетётся, черти жизни пьют...

Дивный сон...

И вновь ко мне приходит дивный сон,
Счастливых нот души очарованья.
Опять по-детски в жизнь свою влюблён.
Мир состоит из света, ликования.
Журчат ручьи, я слышу их свирель,
Весною только радостные лица,
Везде – Она и запах сладких дней.
Мне повезло в миру этом родиться,
В Природе ничего плохого нет,
Во времени лишь нужно разобраться,
Всё строит во Вселенной мысль и свет,
И этим можно бесконечно наслаждаться,
Лишь созидать прописано в душе.
От первых дней и до последних истин
Бессмертие в Родах, в Родах и мы сильнее
И в этом правда нашей быстрой жизни!..

Про Макеевку

Снежинки падали в огонь, слезами тая.
Как можно гарью пропитать январский снег?
Всё так сложилось, что погибла волчья стая,
Так и не впившись «злому» в горло на заре.
Дворец от пули защищал, не от ракеты,
И горе болью растеклось по всем Родам,
Со всех сторон шептали тихо: «Милый, где ты?»
На сердце вечный будет раны этой шрам.
Услышь, за каждого кто пал, придёт расплата,
Не спрячет зло паскудных слуг своих.
Мы с вами встретимся в других мирах, ребята,
А память наша вашу жизнь сейчас продлит.
Снежинки падали в огонь, слезами тая.
Как можно гарью пропитать январский снег?
Мы победим, сомнений нет, я это знаю,
Потомкам добрый мы оставим век!

Стихи из меня рвутся

Ольга Пашун

Вы хотели солнца? Так откуда слёзы?
Око Бога выжжет язвы изнутри.
Скручивает листья жар огня с берёзы,
Чтоб живым остаться, прямо не смотри.
Лучше – сквозь ресницы, яблоки под веки,
Спрятаться в пещере, скрыться от лучей!
Но не понимают люди-человеки –
От себя не скрыться, от души своей.

Ноты сыплются из мешка,
На пол валяются шелухой.
Не хватает всего толчка,
Чтоб звучали наперебой,
Чтоб летели, звенели в лад.
Дверь толкну и возьму совок,
Всё, что падало невпопад,
Соберёт метлой ветерок.

Скоро зима, и в наряде невесты
Будет красotka опять.
В тундре с метелью начнёт куролесить,
Ветром в окошки стучать.
Перед упряжкой куроптей стаю
Лёгкой поднимет рукой
И, бриллианты в снегу рассыпая,
Нас озарит красотой.

Сегодня выпал первый снег,
Чуть-чуть на крышах задержался.
И мне когда-то обещался
Полёт фантазий, рифм ночлег.
Ловлю слова в мелькании фраз,
Мне не успеть за быстрым бегом,
И улетит за первый снегом
Мой непридуманный рассказ.

Прими надежды, горечи оставь
И просто наслаждайся каждым днём.
Вдаль посмотри, вдохни богатство трав,
И пробеги под солнечным дождём.
Возьми пожитки и своих друзей,
Весь мир как на ладони пред тобой.
Дорога пролегает от дверей
Словами, что написана судьбой.

Как хочется поговорить о том,
Что на душе болит, к погоде ноет.
А в окнах пасмурных дождь сплошняком,
На что-то сердится, и ветер воет.

Как хочется не прятать, а кричать
Ночей бессонных немощное слово.
Без дипломатии, рубить сплеча,
Наотмашь, как дрова. Пускай сурово,
Мучительно... Как передать печаль
Летающей паутинки в жёлтых листьях...
Вновь отражает сломанный хрусталь
Упавшей бабочки узор на крыльях.

Ну вот и всё... Скребётся осень в дом,
Скулит щенком бездомным у дверей.
Озябший ветер скажет мне потом,
Куда летал со стаями гусей.
А у меня всегда открыта дверь,
Встречаю день с распахнутой душой.
Пусть осень обойдётся без потерь, –
Стучат ветра ко мне наперебой.

Воздух густой, пьянящий,
Мне шевелиться лень.
Знаешь ли, настоящий
Есть только этот день.
То что прошло – уплыло,
Будет ли что потом?
Смотрится очень мило
Автопортрет с котом.

За ветхий занавес уйду,
Когда пробьёт мой час.
На пролетевшую звезду
Скользнёт слеза из глаз.

Дней промелькнувших череда
Запутает мой след,
И звёздной пылью навсегда
Укроет млечный плед.
Забуду ль дружбу и вражду?
Что ждёт меня в пути?
За ветхий занавес уйду,
Чтобы себя найти.

Я брала кусочек неба,
Сквозь него на мир смотрела.
Танцевала с ним нелепо,
Наслаждаясь птичьей трелью.
Травы я брала в охапку,
Из цветов венки сплетала
Или, взяв у мамы шляпку,
Рядом с речкой рисовала.
Воду черпала ладошкой,
В воздух радостно кидала,
Даже, было понарошку,
В речке я себя поймала!
Сочиняла мелодрамы,
Когда мы садились кушать...
Жаль, давно нет рядом мамы,
Некому меня послушать.

Интересно, куда ты денешься,
Когда ветер сметёт листву.
Ты останешься? Не изменишься,
Когда вслед за собой позову?
Полный мрак или свет рассеянный,
Воздух терпкий и трель соловья...
Что оставишь в миру затерянном,
Воспаленная совесть моя!

Рубиновая свадьба

Был мороз. Ходили рядом,
Я болтала без умолку.
Иногда, столкнувшись взглядом,
Собирала слов осколки.
Птичьей стаей дни летели,
Тот же взгляд, руки касанье...
Ночи рядом с колыбелью,
Садик, школьные собранья.
Лыжи! Горка! Покатились!
Мы в сугробе! Смех, веселье!
Странно, мне сегодня снилось
Из рубинов ожерелье.

Ты ругаешься, в ночь не спишься
Беспокойной жене,
В темноте хорошо молиться
За солдат на войне.
Продолжая меня тревожить,
Старый сад позовёт,
Посмотри, как его корёжит
День и ночь напролёт.
У деревьев набухли вены –
Это видно в окне,

Часовыми стоят бесменно
При уснувшей Луне.

Всё что было – дарила,
Что смогла – пережила.
Не имела – воспела,
Как струною звенела.
Солнца луч – всему миру,
Сплетни птиц – по задворкам.
Не дорогой, пунктиром
Шла к стихам, по пригоркам.
Мир такой интересный,
Всё, что надо, берите.
И мой бисер словесный
Для себя сохраните.

Полустёртая память меж чужими мирами,
Терпкий запах жасмина, призрак Жанны д'Арк,
Где расставлены сети и прикрыты снегами,
А от ягод рябины ярким кажется парк?
Что здесь: былль или небылль?
Воздух странно густеет.
Я замру, наслаждаясь неземной красотой.
Где-то кинули жребий и подсолнух желтеет,
И идёт, не кончаясь, нудный дождь проливной.
В голове звук пластинки, что уже не играет,
Прорываясь сквозь время, неотступно звучит.
Я стою возле двери, как мне кажется, рая...
Полустёртая память, ты скажи, не молчи!

Всё сливается в песни вечности,
Упакованной в звон стекла.
И летим мы по бесконечности,
Лёгкий штрих в уголке холста.
Разбиваемся речкой быстрою,
Рвём макушками небеса.
И за истиной, где-то скрытою,
Снова подняты паруса.
На холстах твоих счёт годами,
Я запутаю в них ветра...
Нарисуй мне горы с вершинами
И крепи к спине два крыла!
Запах трав шальной разливается,
И подсолнух взойдёт с утра.
В бесконечности умудряются
Удержать меня два крыла.

Что останется после меня?
Дети, стопка написанных книг,
Фотографии и родня.
Промелькнувшая жизнь, как миг.
Ног моих невесомый след
В ароматах тундровых мхов.
В закоулках уставших лет
Лёгкий отзвук моих стихов.

Дыши моими стихами,
Насыти строчками вены, –

Умоются пусть слезами
Лица иссохшие стены.
Утихнет в сердце тревога,
Замолкнут звуки набата.
Стихи помчат по дорогам
Навстречу к нашим солдатам!

Разве может таким быть воздух,
Как ноктюрн весенний Шопена?
Как омытый дождём подсолнух
У Ван Гога или Гогена?
Разве может таким быть небо
В опрокинутой чаше моря?
Звёзды плещутся, словно щепки,
И с волной набежавшей спорят.
Дождь пройдёт, расцветёт шиповник,
Белый клевер покроет поле...
И проникнет в окно часовни
Аромат цветущих магнолий.

Подсолнухи... Почти Ван Гога!
Я помню: мимо по дороге
Мы проезжали, и у края
Они, как солнышки, сияли.
И вот зима, поля пустые,
А на картине, как живые,
Стоят подсолнухи в букете,
Напоминая нам о лете.

Тишина. Светит солнце.
Ноги гладятся морем.
Почему с незнакомцем
Говорят? Может вскоре

Разведут их дороги.
И полно аллегорий
Вырастает в итоге.
А лишь горюшком-горем

Кто-то делится тайно.
Не предашь оговоркой,
Что услышал случайно.
Безмятежной вечеркой

Голос тих незнакомцев.
Позабудется вечер,
Черноморское солнце.
Улетает вдаль кречет.
Я вздыхаю...
Мечтаю...

Пройдут года, и времена изменятся,
И я уйду в загадочную даль.
Девчонки замуж выйдут,
Внуки – женятся,
Вновь времени закрутится спираль.
И будет нежность грустная подкатывать,
И греть воспоминаньями, как встарь,
Внучата фотографии рассматривать

Начнут, тихонько зазвучит рояль.
Пройдут года, победы наши вспомнятся,
Застынут отражения зеркал.
Плечом к плечу за вас все предки молятся –
Кто воевал, кто строил и мечтал.

Что-то было не так –
Ошибался, страдал,
Даже солнечный луч
Не всегда замечал.
Я не видел, в пруду
Как кувшинки цветут.
Говорил ерунду,
Намечая маршрут.
А теперь звёздный свет
Отразился в реке –
Я влюблённый поэт
С птицей счастья в руке.

Акrostих «Финал осени»

Фигурной медью сыплет лес
И под ноги ко мне бросает.
На ветках синева небес
Аквамарином застывает.
Летают птицы в вышине,
Обитель сверху озирая,
Сюда вернется по весне,
Едва сойдёт снег, птичья стая.
Ну, а пока ложится лист
И на земле гора монист.

Поминальный ветер

Жёлтый лист с облезлой позолотой,
Холмики могильные листвы.
И жалея, вроде с неохотой,
Ветер треплет поздние цветы.
Лето лёгким облаком уплыло,
Дождь без перерыва моросит.
Грустно, что тепла нам не хватило,
Горько, друг мой летом был убит.
Чёрный сад, омытый непогодой,
Журавлиный крик вдали застыл.
Лист озябший с лёгкой позолотой
За последней птицей в небо взмыл.

Каждый судит по себе
Ношу на плечах другого –
Горсткой хвороста в избе
Иль вязанкою тяжёлой.
Каждый на себя берёт
То, что донести он сможет.
Тает, тает в речке лёд,
И ветра скользят по коже.

Кот спит днём.
Зато приходящая ночь
Сводит его с ума.
Играя подьём,

Убегают от нас прочь,
В окошках зима.
Гляжу сквозь стекло,
Когда надоест ждать.
Нервы трещат,
Следы замело.
Одеяло зовёт спать,
А кошки кричат
«Весна придёт»,
Зажурчит ручейков хор,
Хоть сейчас не сезон –
Всю ночь напролёт
Ведут разговор.
Какой уж тут сон...

Ты, собираясь в далёкий путь
К солнцу и морю синему,
Песню о городе не забудь
И о деревьях в инее.
Город у нас не велик, не мал,
Только, бывая в отпуске,
Ни на минутку не забывал
Петь при закатном отблеске.

Телега катилась, а кляча вздыхала,
И воздух был лёгкий, живой.
На поле крестьянка, конечно, не знала,
Что встретится взглядом со мной.
Художник, ты видел, что чудо рисуешь,
Окно в существующий мир?
Ты кисть брал, как меч,
Понимал, что рискуешь
Пройти сквозь прозрачный эфир.
Кричали мальчишки: «Эй ты, сумасшедший!»
И грязью пытались кидать...
Дорога, ведущая в сторону света
В веках продолжает петлять.

Провожаем мальчишек и мужей провожаем,
Вытираем платками слёзы молча с лица.
Не рыдаем, не воем, лишь вернуться желаем,
Долг солдатский исполнить с честью им до конца.
Так же предки когда-то у порога прощались.
Кто-то брал с собой крестик, кто святых образа.
Проводив по дороге, жёны ждать обещали,
На вокзалах, обнявшись, вытирали глаза.
Провожаем мальчишек и мужей провожаем,
Вытираем платочком слёзы горькие с глаз.
Не рыдаем, не воем, лишь вернуться желаем...
И идут эшелоны, выполняя приказ.

Стихи из меня рвутся,
Из горла летят, из сердца.
Потоком бурлят, несутся,
Секунды сменяют терции.
Свистят тормозами спешно
И к небу опять взлетают.
Позвольте мне, грешной,
Тихонько пройти по краю!

Позвольте живой остаться
В стране непонятных линий...
Уже начинается смеркаться
И в воздухе сладость лилий...

Цветут на холсте ромашки,
И маков кругом раздолье,
Бывает – и на рубашке,
Бывает – и в чистом поле.
Во Фландрии маков краска –
У нас васильки, ромашки.
Из крови рождались павших
В Донецке или Луганске.
Снарядами, а не шашкой,
Как раньше, сражаются люди.
Глядят на меня ромашки
С пронзительного этюда.

Вода чистая да холодная
Зубы ломит, лишь прикоснёшься к ней.
Богородица, наша матушка,
В ноги кланяюсь, сохрани мужей.
Сохрани сынов, Матерь Божия,
Помолись за нас, Благодатная.
Я стою внизу, у подножия,
И прошу послать силу ратную.
Пусть подаст Господь полк невидимый,
Чтобы крыльями защитит могли,
Когда бой настанет решительный.
Низко кланяюсь до святой земли.

На небе стало светлее,
И звёзд на одну больше,
Сегодняшний я – злее,
К нам танки пришли с Польши.
Мой друг крепко обнял землю,
Осколки в себя вбирая.
Стучит метрономом время,
И снова Христа распинают.

О Белгороде я почти не знала,
Ну так, – туда уехал кто-то жить.
Ещё девчонка наша поступала
В училище, чтоб музыке служить.
Сегодня нету города мне ближе
Из всех российских наших городов.
И в час, когда случается затишье,
Солдатам каждый здесь помочь готов.
Настанет мир, мы встретимся однажды,
Обнимемся, как лучшая родня!
И будем плакать, слыша канонаду,
И вспоминать про линию огня!

Когда я слышу марш «Прощание славянки»,
Слёз не могу сдержать и память ворошит
Гражданской конницу, Отечественной танки,
Фашистами задуманный блицкриг.
Страна в одном порыве для фронта посылала

Винтовки, автоматы, ушанки, крейсера...
И шила, и вязала, и валенки валяла.
Писала на снарядах «Фашистам смерть! Ура!»
Бандеровцев потомки прийти сумели к власти
И поражённый ум их приказывал скакать.
«За Белгород» напишут вновь на снарядах надпись
Под марш полки уходят с фашизмом воевать.

Осторожно иду в новый год,
Воздух трогаю и ощущаю:
Расцветёт через миг небосвод,
Расцветёт, чтоб в секунды растаять.
Улыбнётся ли кот за углом
Или кубарем заяц прокатит?
Я иду в новый год напролом,
Ветер ласково волосы гладит!
Я отброшу все страхи долой!
С нами Бог и небесные силы.
Жду, когда сын вернётся домой,
Жду с победой, сынуля мой милый!

Родина – точка на карте огромной.
Родина там, где тебя долго помнят.
Там, где просторы от гор до морей,
Где на войну провожают мужей.
Родина – это берёзки да ели,
Родина помнит, как пули свистели.
Родина – это тундровый простор
Или в морошке зелёный угор.
Предков слова наизусть заучите,
Чтоб не случилось, вы Родину чтите!

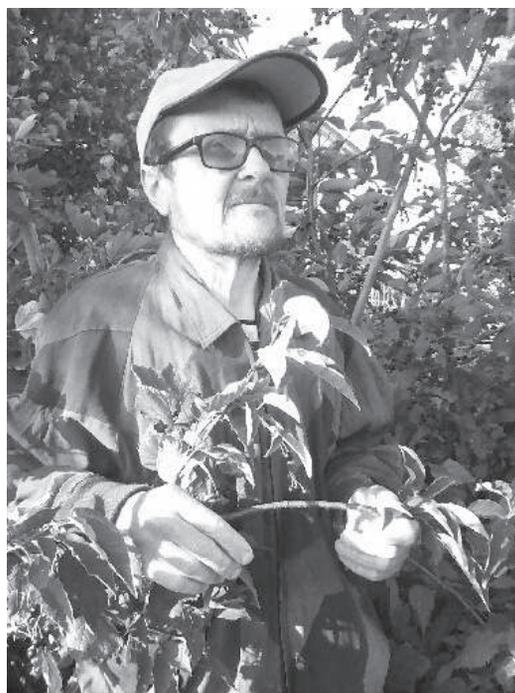
От автора:
«Когда мои дети были маленькими, мы играли в буриме и литературные шарады. Наверно, это дало толчок к творчеству. Периодически у сыновей появляются стихи. Василий работает в тундре. Невероятная красота, огромные просторы, одиночество раскрывают душу. Тогда и рождаются стихи. Вот одно из них».

Василий Пашун

Вот и тундра белой стала,
В небе облака летят.
Холода вот-вот подарят
Речкам ледяной наряд.
Но придёт такое время –
Птичьи стаи прилетят,
Тундра вскроется от снега,
Речки бойко зажурчат.
Будет солнышко весенним,
И исчезнут холода.
И наступит день веселый,
Оживёт вокруг земля.
Людам вновь теплее станет,
И вернётся доброта,
К нам вернутся люди с фронта,
И закончится война!

Поэзия

Родина – дом за рекою

Иван Рочев

Утром стало вдруг светлее –
ночью выпал первый снег,
и с улыбкой, веселее
свой продолжит время бег.
Все следы с земли прикрыло,
словно не было дорог,
новый лист нам приоткрыло –
так смелей же за порог.
А берёзка, как невеста –
одарил фатой Покров,
кур не стонишь уж с насеста,
даже птицам нужен кров.
Небо к празднику старалось –
всех укрыло в Покрова.
Солнце утром удивлялось:
«Где тропинки и трава?»

Родина там, за рекою,
в чистых речных берегах...
Детство мне машет рукою,
дом затерялся в снегах.
Вижу я мать молодую –
что-то тихонько поёт,
в книжке лошадку гнедую,
ласточка гнёздышко вьёт.
Скатерть с каймой голубую,
скромненький в вазе цветок,
а над печною трубою
синих небес лоскуток.
Где-то за дымкой седою
капелька дальних огней,
в памяти тех чередою
сказочно – ласковых дней.
Родина – дом за рекою
в белых глубоких снегах,
детство махнёт мне рукою
в тихих своих берегах...

Белый голубь надо мной,
рядышком голубка,
парой дивной неземной –
Пресвятой улыбка.
Как и в давние года –
помоги России,
слёзы – чистая вода
радугой красивой.
Звонкий детский голосок
слушаем в надежде,
зреет в поле колосок –
будет хлеб, как прежде.
Виноваты, все забыв
прадедов заветы,
там в окошечке избы
огонёчек светит.
Свечка тонкая горит –
и Христос Воскресе!
Совість наша говорит –
правда перевесит.
Он воистину воскрес –
веришь ли, не веришь,
а нательный тёплый крест,
словно ключик к двери.
Шепчет, словно бы поёт
перед днём грядущим,
детство доброе моё –
«даждь нам хлеб насущный...»
Голубь, крылья распахни,
обними голубку,
слёзы горькие смахни,
подари улыбку...

Нарты спускаются лихо,
тянется ниткой аргиш,
мама склонилась тихо:
«Что ж ты, малыш, не спишь?»

Едем к озёрам дальним,
путь наш совсем не прост,
нарты пусть будут спальней –
во сне ты тянешься в рост.
Взрослым, как папа, будешь,
стадо поможешь стеречь,
тундру свою полюбишь,
поймёшь ручьёв её речь.
Нарты упряжка качает,
усталость наводит сон,
он угостит тебя чаем
сквозь колокольчиков звон.
Лебеди, гуси приснятся,
радуги дивный мост,
птицею сможешь подняться,
летаешь – тянешься в рост».
Озёр ожерелье встретит
уставший в пути аргиш,
блеском воды приветит
даль, красота и тишь...

Где-то важенка зовёт
олёнёнка,
шепчет дождь траве своё
нитью тонкой.
А за озером кричат
куропатки,
да играют там ручьи
с кем-то в прятки.
Я тихонько посижу
там, где речка,
помашу рукой стрижу
без словечка.
Всё родное здесь моё
с белой ночью,
птица милая поёт
там, за кочкой.
Нам бы этим дорожить
всей душою,
за рекою даль дрожит,
за большою.
В стадо важенка ведёт
олёнёнка,
где-то тёплый дождь идёт
нитью тонкой...

Отстал от стада мой олень...
ах, годы, как вы быстротечны,
порою месяц словно день,
а тишина и тундра вечны.
И где-то там, на склоне лет,
просторы так же всё красивы,
да листьев шёпот как куплет –
сестрёнки кланяются ивы.
Гусей вплетается полёт,
и всё здесь Родиною дышит,
по крышам дождик где-то льёт...
Мои слова душой ты слышишь.
Благословенный угол мой –

ручей, беседующий с елью,
да солнца краешек зимой...
Весною радуется капелью.
Ольхи серёжек тихий звон –
и это всё неповторимо,
пусть будет длиться вечно он,
а годы пролетают мимо.
Вернётся в стадо мой олень –
где оленята так беспечны,
я подарю тебе тот день –
там тишина и тундра вечны...

Памяти отца

За сопками скрыты просторы,
здесь словно другая страна –
искрятся озёр всех узоры,
там дедов – отцов сторона.
Пасутся, как прежде, олени,
ручьи ткуют волшебную нить...
Ушедших туда поколений
мне хочется тихо спросить.
Все в памяти ваши улыбки,
как тундру умели любить,
богатство и роскошь – всё зыбко,
трудом своим праведным жить.
Как силушки вашей хватало
до солнца утрами вставать,
дождём и снегами хлестало...
порою пришлось горевать.
А ваши весёлые шутки –
вы юмор умели ценить –
на отдых бывали минутки,
но тундре нельзя изменить.
Мы помним как в мокрой палатке
пришлось вам не раз ночевать,
а небо всё в тучах – заплатках...
к далёким местам кочевать.
Звенит колокольчик печали,
внимательно смотрят глаза,
рассветы вы в нартах встречали,
росы рассыпалась слеза.
Пойду лебедей я послушать –
кричат они в той стороне –
как будто бы светлые души
за сопками в вашей стране...

Лёгкие, быстрые нарты
делал отец неспеша,
ветер дул тёплый марта –
холод уже не мешал.
Мягкие стружки вились,
работы весёлый звук,
солнца лучи дивились
ловкости добрых рук.
Полозья еловые гладкие,
копыльев надёжен ряд,
пахнут как в детстве – сладкие,
отцовский теплеет взгляд.
Красивые, лёгкие нарты
к дороге готовы любой,

тундру пригреет в марте...
Опять небосвод голубой...

Олень ладонь тихонько лижет,
у ног сидит мой верный пёс –
с годами этот образ ближе
и серебро тех ранних рос.
Упряжка мирно отдыхает –
нелёгко был от сопки путь...
передовой порой вздыхает,
светла в глазах красивых грусть.
Такой простор...и всем хватает –
быть может это давний сон,
весь шум ненужный здесь стихает,
как будто исчезает он.
Под сапогами мох упругий
и синевой разлита даль,
берёзки над ручьём – подруги,
как расставаться с вами жаль.
Олень ладонь тихонько лижет,
хвостом виляет добрый пёс –
картины нету этой ближе
и тех июньских ранних рос...

Летним тихим вечерком
в тундру я поднялся –
пахло тёплым ветерком,
день шальной унялся.
Сумрак облаком приплыл
с тишиною вместе –
все печали прочь забыл
и дурные вести.
Ворга давняя вела...
Шёпот листьев робкий,
а вдали вдруг расцвела
звёздочка под сопкой.
Продолжал вперёд идти,
сердце замирало,
что хотел я там найти –
много или мало?
Огонёк всё далеко,
сколько б ни шагало,
думал, будет так легко,
и пришла усталость.
Долго ль, коротко я шёл
вот он – за кустами,
огонёчек тот нашёл,
искры ближе стали.
На поляночке костёр
тёплый, как домашний.
И глаза чуть-чуть протёр –
где он, день вчерашний?
Запах детства моего
ароматный, сладкий,
мне не надо ничего –
эх, найти б отгадки.
Таганок да котелок –
все знакомы лица,
как же вспомнить то село –

юности частица.
У костра в тиши сидят
с мирною беседой,
вдаль задумчиво глядят –
дивный мир им ведом.
Подошёл поближе я:
«Добрый всем вам вечер», –
робость сгинула моя, –
рад случайной встрече». «Ну садись, коли пришёл,
будет Бог в подмогу», –
словно в гости вдруг зашёл
отдохнуть с дороги.
Их глаза добром полны
отчею заботой,
понесло теплом волны,
сказочной дремотой.
Угостили тут ухой,
напоили чаем,
дали плащ большой, сухой –
«Гостя привечаем».
Распросили про дела,
чем живём да дышим:
«Видно, стёрлись удила,
никого не слышим».
И поведал не тая,
всё, что наболело,
говорил я, не боясь,
горечь улетела.
Молча слушали меня,
не перебивали,
ручеек бежал, звеня,
а они кивали.
«Не кручинься, добрый гость,
сможем чем – поможем,
не согнёт чужая злость,
будет день погожим.
Ты приляг да отдохни,
мы тебе постелим,
нету здесь пустой брехни», –
звёзды заблестели.
«Утро мудрое придёт,
добрый путь укажет,
наше слово поведёт,
надо где, подскажет».
Потихоньку задремал,
я, пригретый лаской –
видел чудо-терема –
всё добром, как в сказке.
Тихо-тихо через сон
плыл на лодке маленькой –
колокольный слышал звон
на заре, на аленькой.
«Пусть поспит да без тревог,
отдохнёт с душою,
дай Господь ему дорог
с радостью большою».
Стихли эти голоса,
что с теплом да ласкою,
где-то звенькнула роса
смело, не с опаскою.
На рассвете тихо встал –
у костра уж пусто –

с ними вместе так мечтал,
сердце сжало грустью.
Может, всё приснилось мне,
рядом чайник фыркает,
не бывает так во сне –
греет плащ тот с дыркою.
Путь короче был вдвойне
в свой родной посёлок,
и печали уж той нет –
воргой шёл меж ёлок.
Этот плащ я покажу,
чайник медный с ручкою,
посиди – всё расскажу...
Тень летит за тучкою...

Вечер на ступеньке
старого крыльца,
тихой деревеньки
добраго лица.
У реки прохлада
дремлет на воде,
для души услада,
мир в добро одет.
А по небу в лодочке
ночь уже плывёт
к той заветной звёздочке...
Где она живёт?...
В колыбельке маленькой
шар затих земной...
На родной завалинке
посиди со мной.
Ветер клонит травы,
гладит их рукой,
скрылся берег правый –
шёл туман рекой.
Вечер на ступеньке,
на дверях кольцо...
Тихой деревеньки –
Родины лицо...

Озеро летнее, лодка и сеть,
тундра и белые ночи,
хочется снова порою запеть
«Где же вы, карие очи?»
Вёсла рисуют круги на воде,
рыба хвостом ударяет,
солнца лучи у отца в бороде,
шёпотом он повторяет:
«Будет сегодня у нас на уху,
значит, живём, слава Богу!»
Берег зелёный, росинка на мху,
чайка укажет дорогу.
Запахи лета... и песня плывёт,
много ль для счастья нам надо,
где-то кулик всё подругу зовёт –
детства ты светлая радость.
К озеру снова однажды приду,
лишь бы собраться в дорогу,
сына с собою сюда приведу –
солнце встаёт... слава Богу!..

Когда не чувствуешь опор

Любовь Гурбо

Небеса с утра крошатся
мягкой вафельной трухой,
не давая даже шанса
этой жизни быть плохой.

Мир объят и обездвижен
первозданной белизной,
и я снова ясно вижу:
он не добрый, и не злой.

Что запуталось безбожно
стало просто разрешить,
и всё кажется, что можно
без войны на свете жить.

Новый день неладно скроен,
он с утра трещит по швам:
от рассвета цвета крови
до заката цвета ран.

Да и ночь придёт не краше –
насмерть выжжена огнём.
И уж точно: мир как раньше
никогда мы не вернём.

Март – сезон противоречий:
серый снег, измятый лёд.
То зима назначит встречу,
то весна устроит слёт.

Я с весной – цвету как дичка,
(нахваталась же словес!)
За окном щебечет птичка:
знать, у солнца перевес.

В новый день, как первоклашка
в школу в первый раз, вхожу.
Уповаю на поблажку,
за косичками слежу.

Устаю – уроков куча,
ничего что на дому.
Жизнь меня чему-то учит,
не пойму никак – чему.

Милы апрельские приметы –
пролеска, солнечный чистяк.
Такой, казалось бы, пустяк,
а много надо ли поэту,
чтобы любить свою планету,
закрыв глаза на боль и мрак,
забыв, что всё идёт не так,
покуда всё, что остаётся, –
благодарить, что жизнь не рвётся.

Зачем равняться на бывшее?
Живу как бабкино алоэ:
дают водицу по глоточку,
и отрывают по кусочку.

Мой мир всего лишь подоконник,
и я в него пускаю корни.
В окошко не гляжу дотолё,
чтоб не желалось лучшей доли.

Дрожат атласные кубышки
на буром ситчике реки,
напоминая мне, что вышли
мои беспечные деньки,

что вновь по лету пробежалась,
хватая счастье по верхам,
оставив в сердце только жалость
по ненаписанным стихам.

И снова май, и вновь прохлада –
не служит май календарю.
В саду тюльпан расцвёл к параду,
старушке ветхой подарю.

С утра отправлюсь к обелиску,
там постою, глотая ком,
и, хоть до дома путь неблизкий,
назад опять пойду пешком,

сорву озябшую сиреньку
и вдруг заплачу от того,
что птицы могут мирно тенькать
на крыше дома моего.

Я благодарна ускользящему дню
за исключительно полезное меню:
за ирисы, расцветшие в крапиве,
которую никак не приструню,

за нежную с детишками возню,
за пряники со вкусом апельсина –
за каждую пустячную фигню,
с которой жизнь становится красивей,

за солнечные стрелы сквозь листву,
за свежесть и напор шального ветра,
за крон кудрявых шумную молву,
за тысячи квадратных километров,

где мир ещё остался на плаву,
где небо томно тлеет от заката,
где ночью соловьи гулять зовут,
и брат не занесёт руки на брата.

Когда не чувствуешь опор,
когда с бедою перебор,
к чему бы вечному прижаться,
чтобы на ножках удержаться?
Кто поцелует, где бо-бо?
И скоро ль победит добро?
Куда от горестей податься?
Или терпеть – не трепыхаться
и задавать себе вразброс
вопрос,
вопрос,
вопрос,
вопрос...
Ну, а пока их не решу,
над мраком бездны повишу.

Мой рассудок обезвожен,
день растрочен в мелочах,
кто о чём, а я тревожусь,
как бы фикус не зачах.

За окном совсем не Фиджи,
а почти тартарары,
я же, дурочка, не вижу
дальше собственной норы.

Мир дрожит и обмирает,
покачнулся шар земной,
я иду-бреду по краю
будто это не со мной...

Настал июнь – пора пионов
и долгих светлых вечеров.
Не вспоминаю время оно
и от судьбы не жду даров.

Мне каждый день и нов, и ярок,
и чудо как идёт к лицу.
Едва ли лучше есть подарок,
пока он не пришёл к концу.

С душой нараспашку

Лукерия Валея

Как же воедино всё связать?
Из клубка, из путаницы жизненной
Нити той начало отыскать?

И связать на спицах неумеючи,
Да, возможно, тот простой узор,
Где волнение – снежной вьюги замяти
И успокоенье – солнца взор...

С Неба эти вьюги были посланы –
Путь важнейший из нелёгких пут.
Были они лишь для блага созданы –
Счастье, радость воцарились тут!

28.09.22

Я пока не умею в спокойствии ждать,
Почему-то нет дара терпенья.
Знаю только одно: мне с собой воевать
Предстоит много дней... С дерзновением
Рвусь вперёд брать с победой мои рубежи,
Чтоб дарить моим близким мгновенья
Неизбывного счастья, полёта в тиши,
С пожеланьем усердного рвенья!

Ты, Усть-Кара, не забудешь годы...
Да, бывали вёсны и морозы...
Мы просили слаженной погоды,
Ведь стучали ставни... Ливни, грозы...

Пусть над вами мирным будет небо
И удача счастьем постучится.
Земляки пусть не уходят в небыль,
Дорогие солнечные лица...

2022

Снова оставила на кассе карточку свою, об
этом сообщила по телефону продавец. Позво-
нила вслед мне, спешащей по неотложным де-
лам к автобусной остановке. Эх-ма! Траектория
движения автобуса, приближающегося к оста-
новке, уже высчитана почти до математической
точности, – и автобус мигом домчит меня до
назначенной цели!

Но надо вернуться за карточкой, спасибо
продавцу за своевременное напоминание.
И снова вперёд...

Автобуса какое-то время может и не быть.
Придётся идти по заполярным мартовским

Всё принимаю, как из Божьих рук,
Какое счастье: всплески синих волн,
Крылатых лодок монотонный звук,
Сплошное солнце и короткий сон!

За одуванчики, цветущие вокруг,
За многолюдье (в ту толпу спешу),
Из деревень приехавших подруг
Рукопожатья – всё превозношу!

Упряжкой белою умчался светлый день,
Вернее, растворился вновь во мгле
Полярный сладкозвучный чудо-звень...
Не размешай его в бесцветном зле.

Пусть будут помыслы всегда чисты,
Нам рядом жить, друг в друге светом быть.
Доверчивые взгляды – не мечты,
Мой милый Нарьян-Мар, тебе пребыть!

2017

Не всегда порою получается
Искренне кому-то рассказать
Всё о наболевшем... Сердце мается,

тротуарам, искусно вымощенным ледяными колдобинами, скорее всего, пытаться идти уверенно, но получится подобно игре начинающего пианиста, желающего извлечь жизнеутверждающие звуки, а вместо этого лишь клацание клавиш...

– Но как добрались-то? – спросите вы.

– Да так... Держась за лучики-руки солнышка!

Да, это Весна, это признаки настоящей Весны – всё рутинное сметается возвышенным! Разве не так? Что значит карточка? Денежный носитель. Разве в деньгах счастье? Голова даёт импульс движению души, даёт направление, оно не хаотичное, оно собрано в единое, в цельное – послужить чему-то всеобъемлющему, так нужному, важному в межчеловеческих отношениях.

Не спешите осудить, если её движения коснулись вас, капелькой брызнули, слегка пошатнули, ой, а может, даже вывели из равновесия. Не спешите ни в чём, это так важно... Извините, это Весна... Она нам так нужна... Весна с математической точностью попадания в цель... Тихо... Идёт оживление... заживление...

15.03.23

Ты знаешь, я знаю и многие знают
Во всей нашей милой округе родной,
Какими мы были, сегодня какие,
Мы мчимся вперёд, как в упряжке одной.

Мы те же, как прежде, с душой нараспашку,
И счастьем наполнены наши глаза,
Хоть в жизни бывает порою и тяжело,
Но молодость духа храним мы всегда.

Пусть некто порою в насмешку заденет,
Никчемную старость подложит когда...
О, друже, ты знай, от чужого всё вянет,
Не брали чужого, ты знай, никогда.

У нас всё в достатке – и молодость духа,
И чистое сердце, в нём радость всегда.
А если взгрустнётся, так это ж в полслуха,
В полслова крадутся к нам наши года.

Придёт вдохновенье, и сердце зажжётся
На добрые светлые снова дела.
А с ними всё слаженной жизнью зовётся,
Пусть будет она плодотворна, светла!

20.04.23

Казалось бы, всё ясно и понятно,
То – белый день, а это – ночи тьма,
А в межсезонье как-то всё невнятно
Диктуется – сплошная кутерьма.
С неразберихой этой не поспоришь,
И с точкою над «и» не поспешишь.

Осталось принимать как есть всего лишь,
Но как же всё-таки касается души!
Она то плачет, то уже смеётся,
Унылость примет, – снова лёгкий вздох.
А межсезонью как всегда неймётся,
Неужто приготовило подвох?
Так равнодушно мою душу студит...
Прочь от меня, не заведусь тобой!
Весна хоть взбалмошная, но она рассудит,
Пошлёт поток своей воды живой.

Природа проснулась, слегка потянулась,
И сбросив своё одеяло с ветвей,
Расправив листочки, встряхнув лепесточки,
Глядит – вечерочка-то утро мудрей!
А значит, значительно будет бодрей,
Светлей, первозданней – и мыслям простор,
И вторит тому птичек слаженный хор.

Мне говорят: «Подготовься ты к осени,
Мысли и чувства свои выправляй.
В пасмурном небе среди туч вместе с просинью
Солнышко в сердце своё принимай...»

Вовсе не нужно с погодой пасмурной
Отождествляться, без солнышка жить.
Жизнь наша с Богом пусть будет прекрасною,
С Ним нам надеяться, верить, любить.

Уступчивый первый снег

И снова снег растаял...
Для Осени расставил
По-прежнему негласные силки,
Чтобы она продлилась,
Теплом своим делилась,
Ведь впереди морозные деньки!

Какая радость выйти поутру
Во дворик, где снежок первейший лёг.
Снежинки не сметай, а посмотри –
Иголок грани нежностью полны.
Метлою грубо их не соскреби,
А пронеси в душе их чистоту.
И чувства, приуснувшие давно,
Пробудятся. И далее живи,
Люби людей, пусть чёрствостью полны
Их души, но проснётся в них весна,
Не исправляй, она придёт сама.

Лебяжьим пухом опустился снег на крыши,
Он расстелился от порога моего.
Мои следы по первопутку... вижу, вижу, –
Уже следов немало пролегло.

Уютно тем следам в наипервейшем снеге,
В сугробиках попрятались они,
Хотя б немножко побывать в мягчайшей неге, –
Зимы неласковой настали дни.

Осеннее

Ольга Ефремовна Латышева, член Народного литобъединения «Заполярье», переводчик, с 2021 года – аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики САФУ им. М.В. Ломоносова.

Смянхат ненадо' тохолкода

Россия ңарка яханана" 2023 по луца' вадавна тарем' таславы «Год педагога и наставника». Ыока хибярин' илева няби тохолкодава сехэрым' табадабэйңэ ихинан' смянхат тенева, юнета тохолкодава" ха"морца. Тарця хибяри юнета тохолкода, ненэця' вадам' нерня' минрена хибяри, ненэй не" поңгана нюртей ученой, профессор", те"над А.И. Герценом' нюм' нюбета университетхана ңацьмбой ңацекы" ненэця' вада тохолкодаңэ тарана Мария Яковлевна Бармич. Юнета тохолкодава" хуркари тэнз" учебник", толаңгобцие" книги, словарь" хамадамбэй. Тадтикахад ненэця' вада' нямна ңока научной манзаям' сертабэй. Манзь тара Мария Яковлевна те"над ңо" падна.

Юнета тохолкодам' харвабнанда хусувэй ненэця Ненэцие" автономной округад, Ямал' ниңэд, Таймыр ниңэд, тамна ңани" яхад ханяна ненэй" ненэця" иле", харто' тохолкодадаңэ нюмдеңгудо'. Тоходаннида тамна несэй яха"на иле".

Сяхаңгава' мань ңо" тохолкода манзаям' юнета тохолкодахана торомдамбивась. Те"над

Ольга Латышева

тенева, тамальңгана мань тенева" не ңацекы" ня' няби ненэця' вадам' минрена тохолкодан' еремяваць. Маня" пыда нянанда тоходануванзь сабе харваваць. Тадтикахад сямальңгавана нюртей урок' мальңгана сидна" хо. Мария Яковлевна тарем' мась: «Теневадм', тикы аудиторияхана мань вынд тер" не ңацекы" таня", мань тарем' таслав, мань группаханан' ненэця' вадам' торомдамбабто' тараваңгабя. Мань нян тутада"». Тарця вади намдвана" пуна, мертяковна юркына", юнета тохолкодана" хэван' нульяна". Тикы пуд хари" вадава" Мария Яковлевна' ня' торомдамба пяваць.

Тоходанвам' ёльце" махадан ханярина манзарабнан ңо" хари" вадава", культурава" нисьтыв юрмбю", ныхын' пирувна нерня' минресетын. Сяхаңгава' си"ми Мария Яковлевна табадавы луца' вадахад ненэця' вадан', няби ненэця' вадахад луца' вадан' паднава серт' тохолась. Теда' Этнокультурной центр таславы" серка"на, аспирантурана ңо" тарця манзаям' пэрңам'. 2016 похона нани' тохолкодав мань сертавы книжкаханан' «Сборник материалов комплексной экспедиции к канинским ненцам» научной редакторась.

Ибедорңам', хусувэва" Мария Яковлевна' нядайбтеңгода хибяриңэ толабидо'. По" ваераңга", валакада маня" Мария Яковлевна Бармич хэты вади тяха' савамбовна тенеңгуна". Пуданарка ядабтаваханани' Мария Яковлевна луца' вадавна нюмдевы падвы книжкахананда «Словарь языка канинских ненцев» тарем' нян' лахана: «Маня" вадава" юрбась ни серос". Тикым' нянада" падавась».

Самый достойный учитель (краткий перевод на русский язык)

По всему Северу России и далеко за его пределами знают и уважают Марию Яковлевну Бармич, языковеда, кандидата филологических наук, Почётного профессора РГПУ им. А.И. Герцена. Именно она является для многих северян педагогом-наставником. Её роль в развитии языка и культуры ненцев огромна, сколько ненецких детишек шагало вместе с ней по первым тропинкам в мир знаний, а сколько молодых людям она указала верный путь в будущую профессию и в жизнь в целом.

Сегодня многие её ученики выражают огромную благодарность за то, что учитель вложила в нас необходимые и очень важные знания. Будучи студенткой вуза, да и потом, спустя годы, я всегда чувствовала поддержку

Марии Яковлевны и веру в наши общие достижения.

В одном из недавних трудов она написала тем, кто у неё учился и тем, кто ещё будет у неё учиться: «Не забывайте наш ненецкий язык».

Посвящается М.Я. Бармич.

Написано рамках Года педагога и наставника

Осеннее

Наступившая осень с её частыми спутниками – туманами и дождями – уносит в далёкую тундровую жизнь, где на меня, озорную непоседливую девчушку в белой паничке, ласково смотрит молодая мама. У неё густые чёрные волосы, уложенные вокруг головы, – в те годы многие женщины, и молодые, и постарше, любили укладывать так волосы.

Та осень ничем не отличалась от других. Частые ямданки с летних пастбищ, протянувшихся с побережий Чешской губы в сторону посёлка, заканчивались почти в полумраке. Забот в эту пору у оленеводов много. С одним стадом, выросшим за счёт подросших оленят и окрепших оленей на сочной траве и ягеле, пропитанном влажным, морским воздухом, хлопот немало.

Именно в это сложное время в некоторых чумах закончились мука, сахар. Папа был среди тех, кто поехал в находящийся на маршрутах кочевий поселок хабейманзь*, в который заезжали лишь в крайних случаях. Путь был не близкий, в основном ездили одни мужики, а в эту поездку к ним присоединилась Насти паба*.

Хрупкая, небольшого роста Насти была расторопной и боевой ещё с молодости. Почему я хорошо её помню? Да потому что она являлась божаткой нашему отцу, а когда её шестеро детей подросли и уехали в интернат, она часто возилась со мной и братом. Так и стала она для нас Насти паба. Любила женщина рыбачить, и даже в отсутствие мужа ходила ставить сети. Иногда товарищем в ловле рыбы на сети она брала моего старшего брата, хотя он для таких дел был ещё мал. Бывало, закинет она его за спину с уловом гольцов и шагает по тундре, рассказывая ему незамысловатые истории и житейские сказки.

Целых два дня ждали тогда уехавших в посёлок. Ехать вперёд надо было один день и назад в сторону чума ещё один день. Их возвращение до сих пор всплывает в памяти. Помню, мама стала топить печь, как только залаяли наши собаки, также ожидавшие отца. Первое, что было вручено мне от уставшего, но довольного отца, это тряпичная кукла в образе младенца. Кукла полюбилась сразу, она потом ещё долго сидела со мной в маминой нарте. Не обошлось и без сладостей. Сонные и довольные, мы с братом, высунувшись прямо из балагана, распаковыва-

ли их, а затем с удовольствием пробовали конфеты в красивых шуршащих фантиках и печенье.

Днём уже гостили у Насти пабы. Стол щедрой хозяйки также ломился от привозных вкусностей. Мало знавшая толк во фруктах и овощах, я тогда впервые попробовала жёлто-красные сладкие яблоки. Когда я кушала их, они разваливались, рассыпались и падали на землю. Ещё долго я думала, что яблоки должны быть именно такими, как у Насти пабы. Тогда мне, только познающей мир малышке, те яблоки напомнили вкус холкабэй* морошки. Спустя время мама объяснила нам, что привозные яблоки за ночь обдало первым морозцем, потому сладкие яблоки стали мягкими, сочными и разваливающимися.

Ещё пару дней детишки из соседних чумов да многочисленные кормяшки угощались новым лакомством из огромного алюминиевого таза Насти пабы.

Паба* (ненец. яз.) – бабушка

Хабейманзь* (ненец. яз.) – покупать товар в посёлке

Холкабэй* (ненец. яз.) – зрелая

Кормилица

В деревеньках наших морошковую пору особо ждут, жалуют. Разговоры о ягоде начинаются ещё задолго до сбора, когда цвет идёт. Знамо, морошка на столе знатна ягода! Хороша она с сахарком и просто так, чуть кисленька, а вареньице, а печёности на морошке! А ещё и кормит семьи, у кого заработка нет. Бывает соберут её всей семьёй, сдадут приёмщикам да денежку хорошу выручат ребятам на школу.

Вот и сегодня у продуктового магазина без разговоров о кормилице не обойтись. Народ ждёт хлеб. Тут те, что завсегда собираются, те, что любят хлеб ещё тепленьким с румяной корочкой, с пылу с жару, ну и конечно те, что любят просто посудачить, так сказать, новости обсудить да косточки некоторым перемять. Вот две бабули принялись выяснять, как морошка нынче уродится.

– Морошка-то будет сейгод?

– Не знамо.

– А вот говорят, бабы с дойки-то ехали, дак в Савино-то всю сдуло!

– Да ты чё!

Дед Никиша, сидящий на нижних ступеньках, лениво приподняв голову в их сторону, забурчал:

– Сдуло, сдуло, а не хотите ли знать, что весь первоцвет-то сторел!

Руки старушек, подпиравших перила, тут же, как испуганные утки, взлетели. Закряхтели они:

– О-о-спади, оспади! Дак тепереча ждать второй цвет! Лишь бы и её не сдуло ветрами-то да не сторела бы, жарница-то не ожидается?

– Вчерась по телевизору в Москве жару показали. Даки после Москвы-то погода всегда такая же к нам приходит, – сказал о возможных жарких деньках выгружающий тары молоковоз.

– Даки типун те на язык! – недовольно цыкнул на него дед Никиша, ещё сам только что расстраивавший толпу на крыльчке.

– Глядишь пронесёт нас... Даки как нам без морошки-то? В прошлый год ведь не было! – присоединился к морошковым баталиям хлебовоз, подкидывающий хлеб по пять кирпичиков в тёмную дыру с торца магазина, с шумом уносившихся к принимавшей их продавщице.

– Хлебовозу весело, – со смехом, поднимая и унывших стариков, отвечает хлеб принимающая продавщица. – Вы что? Даки будет, будет морошка-то! Куда она денется. Даки в кустах-то даки в заветерье останется. Всем хватит! А пока берите ватрушки с прошлогодней морошкой, ещё вчерашние остались. Вам на чаёк всем докистанется.

– Аки и вправду, чё заранее расстраиваться-то? Чтоки будет, токи будет! На варю-то всё равно сейки год соберём! – подытожил утренние разговоры дед Никиша.

Ненецкая литература: от кратчайшей антологии к расширенному толкованию

Гость номера

Илья Воинов

Об авторе

Профессиональный журналист (в Союзе журналистов России с 1994 года) и редактор, культурантрополог и историк культуры. В разные годы работал в редакциях газет «Волна», «Правда Севера» и «Вечерний Северодвинск», руководил пресс-службой горнометаллургической компании на Колыме, был ответственным секретарем окружной газеты «Няръяна вындер» («Красный тундровик»), вел тематику Ненецкого округа в региональном аналитическом издании «Итоги и перспективы Архангельской области», работал пресс-секретарем и старшим научным сотрудником в Архангельском краеведческом музее. Лектор общества «Знание» и автор ряда публикаций по этнокультурным вопросам.

Текст данной статьи – адаптированная для публикации в журнальном формате версия лекции «Кратчайшая антология ненецкой литературы и квантовая запутанность оленей», прочитанной автором во время Фестиваля новых искусств «Белый июнь» в этом году в Архангельске. Частью лекции, вживую представляющей ненецкую литературу, было видео выступления, специально подготовленного для «Белого июня» заместителем директора Этнокультурного центра Ненецкого округа Ольгой Латышевой. Главной целью нашей лекции было пробудить интерес к ненецкой литературе и в целом к древней культуре ненецкого народа (практически особой цивилизации, живущей, с одной стороны, совсем рядом, а с другой – словно на иной планете), при этом очертив исторические и современные границы литературного пространства и максимально представив его наполнение.

...Жизнь в Тундре – это жизнь на самом краю Космоса, до которого рукой подать, особенно ясной полярной ночью, подняв взгляд к небу. Даже когда сознание напоминает, что ты стоишь на твердой почве, на поверхности планеты, то планета эта – сюрреалистический пейзаж до горизонта во все стороны, – предстает скорее иной, чем наша Земля, пригодной к жизни человека, но еще не освоенной им. Одежания народов Севера не случайно так схожи со скафандрами: многослойные, из непроницаемых материалов, с обособленной атмосферой

внутри и возможностью полностью втянуться внутрь защитной оболочки одежды-жилища.

Представляя расширенное толкование ненецкой литературы и литературы Ненецкого округа и ее антологию, автор не претендует на радикальную новизну подхода, но, как культурантрополог, предлагает прояснить и раздвинуть рамки понятия «Ненецкая литература», хотя бы для целей широкой дискуссии среди всех заинтересованных. Ведь значительная часть научно состоятельных и академически признанных филологических и лингвистических исследований рутинно относят к ненецкой литературе лишь тексты на ненецком языке, причем внимание зачастую сфокусировано только на той части корпуса текстов, что относятся к традиционному эпосу ненецкого народа или являются прямым его изложением.

Такой подход, хотя и служит надежным фундаментом исследования тематики, все же уступает в широте междисциплинарному культурантропологическому подходу, и консервирует уже выделенную проблематику, сужая возможности популяризации ненецкой литературы. Более широкая трактовка дана в академическом определении «Ненецкие писатели – это писатели, создававшие произведения на ненецком языке, независимо от этнического происхождения, гражданства и места проживания», но и она не всеохватна.

Ведь «Ненецкая литература» – понятие более обширное, чем только «Литература ненецкого народа» или литература только на ненецком языке как языке оригинала, или литература, созданная на территории Ненецкого округа (в составе Архангельской области) или других территориях традиционного расселения ненецкого народа. Понятие более обширное и этнически, и территориально, и хронологически, и в аспектах языков произведений, но, безусловно, сочетающее в себе все перечисленные признаки. От первых сочинений, созданных на земле Заполярья во времена Пустозерска до современных границ уникального художественного мира ненецкой литературы, от начал ненецкого языка и проблематики письменности северного кочевого народа до сложившегося стройного представления ненецкой мифопоэтической модели мира в виде текстов.

Судите сами: можно ли не отнести к ненецкой литературе творчество, например, писательницы и поэтессы Инги Артеевой, или Ольги Латышевой, потому что язык их произведений в оригинале – русский? Или взять фольклорные вариации на темы ненецкого эпоса, которые современный прозаик Александр Ледков (творческий псевдоним Вадако" Ларь), ненец, мастер декоративно-прикладного искусства, пишет на русском языке, а перевод на ненецкий потом осуществляют владеющие им коллеги.

На русском языке писал и журналист и прозаик Роберт Вылка (1960–1994), на русском

создают свои тексты журналисты и писатели (практически всегда совмещая эти виды творчества), много лет живущие и работающие в Ненецком округе и создавшие целый ряд произведений, посвященных тематике Севера, но не имеющих корней в ненецкой культуре, при этом вдохновленных жизнью в Заполярье. Относить или нет эти тексты к ненецкой литературе? Вопрос дискуссионный, для выработки ответов на который, не оставляющих за рамками ни одного аспекта непростого литературного процесса в регионе, мы сейчас и рассуждаем.

Для наиболее полного понимания истоков ненецкой литературы и ее нынешних горизонтов автор считает обоснованным в той или иной степени относить к ненецкой литературе следующие корпуса текстов на соответствующих этапах (в хронологическом порядке).

«Предшественный» период: первые сочинения, созданные на территории нынешнего Ненецкого округа, если говорить об Архангельском Севере, начиная от протопопа Аввакума в Пустозерске (на церковнославянском языке) – это не ненецкая литература, и тем более не эпос, но по территориальному признаку, и по нацеленности произведений (как и у ряда других, причем иностранных, авторов!), и по такому фактору, как вдохновенность окружением культурой местного народа, ее нельзя не упомянуть.

Отнесение этого периода к истории ненецкой литературы, пусть и в зачаточном виде, отнюдь не натяжка, если принять во внимание, что впервые (задолго до публикаций Николая Вылки в 1930-х годах) текст на ненецком языке был опубликован Н. Витсенем в конце XVII века. Это был перевод молитвы «Отче наш», напечатанный латиницей, – но на ненецком! Слова ненецкого языка в письменном виде!

В 1787 году в журнале «Новые месячные сочинения» была опубликована уже собственно ненецкая сказка «Вада-Хасово», а в 1811 году на основе этой публикации И. С. Фатером была предпринята первая попытка создания ненецкой грамматики. Христианские миссионеры отправлялись в Канинскую, Большеземельскую и Малоземельскую тундры и позже в XIX веке: в 1828–1830 годах архимандрит Вениамин изучал самоедский язык и переводил на него Библию. А так как соответствующей письменности еще не существовало в принципе, он сам ее создавал. Этот период можно обоснованно считать началом зарождения письменности ненецкого языка.

И хотя все эти опыты не оказали в итоге заметного влияния на формирование ненецкого алфавита, грамматики и письменной речи ненецев, важность данного периода видится в историческом закреплении территории в литературном ландшафте. И, как видим, литературы

еще нет, но есть ее зачатки, развитие которых связано со становлением письменности – как инструментария.

Далее – период становления ненецкой письменности (разных ненецких письменностей в попытках выработать единую) в последней трети XIX – первой трети XX веков.

Здесь важно отметить такую особенность культуры ненецкого народа, как ее богатейшая визуальность, наблюдательность ненцев к малейшим изменениям состояния природы, погоды, окружающего мира во всех его проявлениях (так, в ненецком языке около десятка названий нарт, от 15 до 50 названий снега и его оттенков, по данным разных исследований). И природное, врожденное у многих тундровиков дарование передавать эти образы в рисунке – самым известным примером такого таланта является великий Тыко Вылка. Подчеркиваем эту особенность мировосприятия и традиционной культуры ненцев, дабы показать ее самодостаточность в двух ипостасях: предания устной передачи и мощная визуальная составляющая, – в период до формирования письменности. Не литературная культура, не письменная, но богатая в своем своеобразии.

Период начала, становления и обретения статуса состоявшейся собственно ненецкой национальной литературы – с середины 1930-х по конец 1980-х годов.

Период расцвета и роста, количественного и качественного ненецкой (в широком смысле) литературы – с начала 1990-х годов по настоящее время, в котором можно выделить два подпериода:

бурного расцвета и развития (обусловленных социально-политическими и национально-политическими преобразованиями в жизни общества после распада СССР) – примерно до 2010 года;

и период зрелой литературы, с критическим подходом к уровню произведений, языкам, на которых пишут авторы, проблемам ненецкого языка и перспективам развития – с 2010 года по настоящее время.

При этом сочинения периода расцвета (помним про широкий смысл определения «ненецкий» в данном случае) – это тексты на четырех языках: тундровый ненецкий, лесной ненецкий, коми язык и русский, – созданные авторами, национально-этническая и культурно-этническая принадлежность которых самая разнообразная, и зачастую не «чисто ненецкая» (например, представители народа коми, пишущие на русском «тематически ненецкие» вещи; русские, пишущие на ненецком; ненцы, пишущие и на русском, и на одном из ненецких, или только на русском как на родном языке (или даже на русском, как единственном языке, которым они владеют), или уникальный пример творчества Лукерии Валеи, одинаково свободно и успешно пишущей на трех языках: ненецком, коми и русском.

В содержательно-смысловом аспекте можно выделить три основных пласта ненецкой литературы: максимально точное изложение традиционных сказаний, мифов, легенд, преданий и поучительных историй ненецкого народа, составляющих основу его культурной памяти; современное художественное переосмысление эпоса, изложенное в актуальной манере; литература текущего времени бытописательной и актуальной социальной сюжетности. Возможны и весьма часты заимствования, пересечения и наличие в одном произведении двух или более таких пластов, взаимные отсылки и аллюзии.

При этом любое из произведений может впервые увидеть свет как на ненецком, так и на русском или коми языке, языках других народов.

После неоднократных попыток формирования системы письменной речи для ненецкого народа и создания национальной грамматики, на научной основе ненецкая письменность была разработана в 1931 году. В соответствии с общей для всей территории СССР тенденцией латинизации графической основой для ненецкого алфавита была избрана латиница. Первый букварь на ненецком языке – Jadej wada («Новое слово»), составленный Г. Н. Прокофьевым, появился в 1932 году. В основу письменного литературного языка был положен большеземельский диалект. Письменность на латинской основе просуществовала до 1937 года.

Далее на смену латинизации письменностей народов Советского Союза пришла кириллизация: 1 июня 1935 года ЦИК СССР постановил перевести письменности народов Севера на кириллическую основу. В числе этих письменностей оказалась и письменность ненецкого языка. Новый алфавит был утвержден в 1937 году, Г. Д. Вербовым издан «Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь». В 1939 году А. И. Рожин создал первый ненецкий букварь на основе русской графики, а уже после войны, в 1948 году издан первый русско-ненецкий словарь (составители А. П. Пырерка и Н. М. Терещенко).

За точку отсчета современной (то есть укладываемой в рамки Новейшего времени) ненецкой литературы как цельной художественной системы обоснованно будет принять январь 1934 года, когда при редакции окружной общественно-политической газеты «Нярьяна вындер» был создан литературный кружок – к чему заместителя главного редактора Георгия Суфтина и сотрудника газеты Ивана Меньшикова побудили стихи и проза, которые присылали в редакцию читатели. Кружок чуть позже стали именовать литературной группой, а впоследствии – широко известным ли-

тературным объединением «Заполярье» (так же назывались первые литературные сборники группы), старейшим на всем Севере.

В числе авторов были Е. Соболев, Е. Талеев, С. Ноготысый, С. Ардеева. Впоследствии работу литгруппы прервала Великая Отечественная война, и литературный процесс в Ненецком округе возродился уже в 1950-е годы – во многом благодаря усилиям журналистов «Няръяна вындер» В. Михайловского и А. Тунгусова.

В 1930-х годах Ленинградским отделением Гослитиздата были опубликованы первые литературные произведения авторов-ненцев: сборник рассказов на русском и ненецком языках Николая Вылки (1911–1946) «На острове» (1936) и «Марья» (1938), переведенные и отредактированные В. Г. Вербовым. В них с поразительным мастерством рассказывается о жизни одной ненецкой семьи, счастье которой разрушилось от встречи с цивилизацией.

Зачинателем оригинальной ненецкой поэзии и литературы в целом по праву считается Николай Семенович Вылка (1911–1942) – собиратель родного фольклора, племянник художника и общественного деятеля, автора эпических сказаний Тыко Вылки. Николай Вылка – первый ненец в Союзе писателей СССР, его проза выходила на ненецком и русском языках. Он создал литературный язык, на котором и сейчас пишут ненецкие писатели. Однако, грамматика ненецкого языка за 80 с лишним лет так изменилась, что в современных изданиях его тексты даются в современной же транскрипции.

Великий представитель ненецкого народа Тыко Вылка (русское имя – Илья Константинович Вылка) (1886–1960) – ненецкий советский художник, сказитель, общественно-политический деятель, автор эпических сказаний, – один тех, кто стоял у истоков ненецкой литературы. Более известный как рисовальщик и живописец, Тыко Вылка глубоко знал и фольклор своего народа, еще в 1914 году он выпустил сборник «Записки о Новой Земле».

Большой вклад в развитие ненецкой литературы внес Антон Пырерка – ненецкий ученый-языковед, один из создателей ненецкой письменности, писатель и фольклорист.

Назовём основные имена этого периода развития ненецкой литературы.

В качестве примера творчества, относящегося и к довоенным десятилетиям, и уже к периоду уверенного становления ненецкой литературы в 1950-1980 годы, и демонстрирующего состоятельность расширенного толкования и понимания ненецкой литературы, в первую очередь приведем знаменитое имя Пэля Пунух – под которым с 1930 годов известен коренной северянин, уроженец Шенкурского уезда Архангельской губернии Тимофей Петрович Синицын

(1894–1971), – талантливый педагог, журналист и писатель, всю жизнь проработавший на Севере и в Заполярье, и много писавший о жизни тундры. Член Союза писателей СССР с 1936 года, Синицын стал первооткрывателем ненецкой темы в русской советской литературе.

Поистине уникальная личность, Тимофей Петрович начал успешную и заметную литературную деятельность ещё до 1917 года, а ставший знаменитым псевдоним «ненецкого писателя» придумал, дабы продолжать литературную работу и избежать репрессий по надуманным обвинениям за свою деятельность в годы иностранной интервенции на Севере, – по совету вступившегося за него «Всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина. Псевдоним Пунух был выбран Синицыным в полном совпадении значений с его фамилией – это маленькая птичка из семейства синиц, первой прилетающая весной в Заполярье.

Он был заведующим и первым учителем ненецкой школы-интерната на Новой Земле (1925), заведовал еще несколькими школами в Ненецком округе. Первый очерк «Под вой пурги» напечатан в журнале «Народный учитель» в 1928 году в Москве, и в том же году вышла книга «На Новой Земле».

Впервые псевдонимом Пэля Пунух была подписана книга «Не по шаману», увидевшая свет в 1930 году. О жизни ненцев он писал не как пришлый наблюдатель, а как человек, долго проживший среди северных кочевников и глубоко постигший особенности их быта, верований, обычаев, психологии, хорошо знающий думы и чаяния ненецкого народа.

Литературные произведения высокого уровня на родном ненецком языке создавал поэт, прозаик и переводчик Василий Николаевич Ледков (1933–2002). После окончания учебы на филологическом факультете пединститута им. А. И. Герцена в 1959 году вернулся в Ненецкий национальный (тогда) округ, работал учителем, а затем литсотрудником и ответственным секретарем окружной газеты «Няръяна вындер».

Тогда же Василий Николаевич начал писать стихи, которые публиковались в газетах «Няръяна вындер» и «Правда Севера», а также в альманахе «Литературный Север», журналах «Звезда», «Огонек» и «Сибирские огни». В 1960 году отдельным изданием вышел его первый сборник стихотворений «Детям моего стойбища». Годом позже в соавторстве с земляком Алексеем Пичковым издал сборник стихов «Далеко Сэрне моя живет». В 1962 году стал членом Союза писателей.

Именно Василий Ледков в 1962 году, будучи уже признанным ненецким писателем, представил, как ответственный секретарь «Няръяна вындер», тогда ещё начинающего автора Проккопия Явтысого при публикации в окружной газете его первого стихотворения «Мань ин’ ну» («Птицы спешат»).

Самое масштабное, знаковое имя этого и последующих периодов в ненецкой литературе – Прокопий Андреевич Явтысый (1932–2005): выдающийся ненецкий поэт, прозаик, драматург, художник, член Союза писателей с 1978 года, спортсмен и педагог. Прокопий Явтысый писал преимущественно на ненецком языке, поэзию и прозу, пробовал себя в драматургии. В стихах он передавал самые глубокие чувства любви к малой родине и землякам, воспевал красоту родного округа, прославлял людей Заполярья, неповторимость и хрупкость природы тундры, рассказывал о духовном мире и быте коренных жителей.

Творчество Прокопия Явтысого – прямое продолжение традиций и древних форм ненецкого эпоса, прежде всего яробц (или «ярАбц») – песни-плача – ненецкой баллады. Одно из самых известных своих произведений Явтысый неслучайно называет «Ярабцараха ил’», что в переводе с ненецкого на русский означает «Жизнь, похожая на «ярабц» (на русском издано под названием «Ненецкая баллада», посвящено событиям Великой Отечественной войны).

Другой признанный классик ненецкой литературы – Алексей Ильич Пичков (1934–2006): поэт, писатель и журналист, родившийся в Канинской тундре в семье оленевода, работавший после получения высшего образования в Ленинграде в Канинском «Красном чуме», а с 1957 года – сотрудником газеты «Няръяна вындер». Член Союза писателей с 1967-го года, автор более десятка сборников стихов и двух повестей, Пичков стал, воистину, народным поэтом в Ненецком округе. Его герои – родная тундра, оленеводы, рыбаки, охотники, а особое место в творчестве занимают стихи и проза для детей.

Алексей Пичков писал на русском языке, хотя его родным языком был ненецкий. Его произведения уникальны тем, что в итоге это доступная любому жителю России ненецкая литература без посредничества перевода. Мышление, внутренний диалог, – это одно, «внешнее» творчество в словах – другое. Но литература Пичкова – несомненно ненецкая (и снова обернёмся на классические определения, где обязательно фигурирует ненецкий язык как язык произведений).

Двигаясь вправо по шкале времени в хронологии ненецкой литературы, назовем еще несколько имен... Как отмечает Ольга Латышева, сегодня, в век глобализации и эпохи билингов, из авторов, пишущих на ненецком языке, можно выделить лишь несколько литераторов, и в первую очередь это ненецкая поэтесса, прозаик и переводчик Лукерия Валей, а также поэтесса Матрёна Талеева.

Стоит, конечно же, добавить ещё несколько имен, начиная с самой Ольги Латышевой с её циклом рассказов «Тундровые радости Маймы» – о ненецкой девочке Майме, которая ра-

стёт в оленеводческой семье, кочует с родителями и открывает для себя гармоничный мир тундровой жизни, а также Филиппа Ардеева («Мой Колгуев») и Ирины Ханзеровой («Мюд’тен. Аргиш памяти. Том 2»).

А в качестве показательного (и доказательного!) примера обоснованности расширенного толкования понятия ненецкой литературы, особенно на современном этапе, – имя живущего в Холмогорах прозаика Дениса Макурина: автора нескольких книг, обладателя ряда престижных российских литературных премий последних лет, с его книгой «Нёйто, идущий на край Земли» о жителях Канинской тундры.

И отдельно обозначим громкое имя российской ненецкой писательницы Анны Павловны Неркаги, родившейся в 1951 году в горах Полярного Урала, живущей и работающей в Ямало-Ненецком округе, пишущей на ненецком и русском языках.

Разными авторами в ненецкой литературе по-разному осуществляется творческое освоение и переосмысление фольклорного наследия. Иногда мифы, сказки, легенды, песни тесно вплетаются в ткань произведений, порой же народные мотивы служат лишь фоном, не являясь элементом идейного и сюжетного развития, помогают раскрыть характеры героев, передать атмосферу прошлого времени. Но в целом для ненцев в их литературном творчестве характерны реалистическое описание действительности, сохранение и даже некоторая идеализация устоев родового общества, – как константы во времени.

В последнее время высказываются идеи о реформировании ненецкой письменности в связи с тем, что в Большеземельской тундре, на диалекте которой базируется литературный язык, язык в значительной степени утрачен, а основной территорией сохранения и развития ненецкого языка стал Ямал. Критическое осознание тенденции спада в развитии и распространении ненецкого языка, на котором в обыденной жизни для повседневного общения, увы, говорят все реже, хотя текстов много, и много создается, многие умеют читать и писать, характерно для двух последних десятилетий.

Тем важнее становится объединение для выработки общего литературного пространства и устранения противоречий в языке, с сохранением диалектного своеобразия и местной аутентичности произведений, авторской передачи атмосферы, гения места. Объединяющим фактором может быть не только территориальность, но и общие истоки в эпосе, в сочетании с тематической направленностью – в образном преломлении в соответствии уже строго именно и только с ненецкой культурной традицией. А также единое мировоззренческое основание, воплотившееся в поэтической концепции мира

и человека, общее для писателей и поэтов разных поколений, разных этапов формирования и развития ненецкой литературы.

Особую важность и ценность приобретает уровень художественного перевода с ненецкого языка – как единственное средство распространения и популяризации национальной литературы. Необходимо особо подчеркнуть важность для ненецкой литературы (широту рамок которой мы обозначили и обосновали) культурной интеграции, – при сохранении всей уникальности, поскольку без интеграции с окружающими культурами, и освоения мультимедийного пространства не будут эффективны ни усилия по сохранению самобытности, ни по полноценному развитию литературы.

В этом аспекте большие перспективы у такой современной тенденции литературного процесса в Ненецком и Ямало-Ненецком округах, как создание на основе традиционных и модернизированных сюжетов национального эпоса графических новелл, комиксов. Это направление, с одной стороны, возвращает к визуальному характеру ненецкой культуры и мировосприятия, а с другой – делает традиционные сюжеты остро популярными и модными. Пожалуй, это максимально броская и привлекательная форма, особенно для молодежи, при этом на каком языке сделаны подписи к рисункам, на первых порах неважно. Да и для освоения азов родного языка это идеальный вариант.

☑ По данным последних переписей населения, в России живут почти 45 тысяч ненцев, из них на родном языке говорят примерно 22 тысячи. При этом ситуация с сохранением ненецкого языка значительно отличается от региона к региону. По словам заведующего кафедрой перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) Федерального университета доктора филологических наук, профессора Александра Поликарпова, которые приводит портал «Научная Россия», в НАО на ненецком языке говорят лишь 700 человек (в соседнем Ямало-Ненецком автономном округе ситуация значительно лучше). Поэтому сохранение ненецкого языка в нашем регионе является серьезной проблемой.

☑ Большинство современных ненцев знают только русский язык, и ненецким или совсем не владеют и не овладевают, или владеют на начальном уровне и не пользуются, но при этом всегда традиционно существовало взаимовлияние языков, и не только в прямом заимствовании слов, но и в построении речи, ее структуре. Ненцы были ближайшими соседями русских на Севере, начиная с XIII–XIV веков, и испытали интенсивное влияние русской культуры и языка. Они заимствовали у русских большое количество слов, обозначавших ранее не известные ненцам предметы и понятия.

И обратное явление: проникновения в русский язык ненецких слов, связанных в первую очередь с оленеводством, а также с названиями одежды и обуви, характерными для тундровых регионов: русские поселенцы, познакомившись с оленеводством, заимствовали лексику, относящуюся к езде на оленях и оленеводческому хозяйству, названия частей чума, наиболее распространенного вида жилья заполярных кочевников, зимней одежды и обуви.

Как рассказывает профессор Александр Поликарпов, на Пинежье говорят «баской», что значит «красивый». И есть ненецкое слово «наской», тоже означающее «красивый». Оказалось, что оно пришло в ненецкий язык от поморов, причем ненцы сегодня вкладывают в него более емкий смысл, чем, например, пинежане.

Другой пример взаимовлияния русского и ненецкого языков: в ненецком языке слово «лесак». На Пинежье есть похожее слово «лешак». Так называют лесного духа, мифологического лешего. Ненецкий «лесак» – это дьявол. По свидетельству носителей ненецкого языка, это слово также заимствовано у русских северян. Так через диалекты и говоры слова переходят из одного языка в другой, обогащая оба.

☑ На фестивале «Белый июнь» был представлен новый сборник – «Илья Константинович Вылко (Тыко Вылка): Труды. Творческая биография. Библиография», подготовленный сотрудниками Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова и авторами биографических статей: главным научным сотрудником Архангельского краеведческого музея Людмилой Симаковой, много лет работающей с личным фондом Тыко Вылки, и заведующей отделом современного искусства Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» Зоей Кулешовой, составителем альбома-каталога, посвященного Илье Константиновичу. Книга вышла в серии «Северная библиотека» ко дню рождения Тыко Вылки.

Ненецкий фольклор и его важность для современного литературного процесса также были одной из главных тем открытой дискуссии на главной сцене фестиваля, в которой участвовали писательница и переводчик Анастасия Строккина, специалист по музыкальному фольклору Анна Олимпиева и журналист и культуролог Илья Войнов.

Ароматы зимы

Светлана Гордеева

Об авторе

Член Союза журналистов России, Союза писателей России, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, художник и поэт. Живёт в г. Чебоксары. Родилась в с. Комсомольское Чувашской Республики. Стихи и рассказы публиковались в республиканских и российских литературных журналах «Дружба народов», «Кольчугинская осень», «Нижний Новгород», «ЛИК», «Родная Волга», «Самант» («Ровесник»), «Русский колокол», «Тетте» («Игрушка»), «Лифт», «Лили Марлен», «Славянская лира», в десятках сборников Международного союза писателей им. Св. Кирилла и Мефодия и других. Лауреат, призер многих республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, лауреат Первого международного конкурса переводов с болгарского языка «Москва-Варна», победитель Международного конкурса прозы «Золотая роза», первое место во всероссийском конкурсе детской литературы «Пегасик-2011» и др.

Автор 19 сборников стихов, 5 из которых – для детей, и сборника рассказов. По итогам республиканского конкурса «Литературная Чувашия: самая читаемая книга года» сборники стихов для детей «Верить в чудеса», «Веселая карусель», «Корзинка с грибами» в разные годы стали победителями в номинации «Радуга детства».

От автора

«Дорогие коллеги – литераторы Ненецкого автономного округа! Передаю вам сердечный привет из Чувашии! Хочу пожелать вам творческого вдохновения и вдохновенного творчества! Поэтам и прозаикам выпала счастливая доля творить, но вместе с тем это и большая ответственность. Вы, как никто другой, знаете о силе слова и его воздействии на умы и чувства людей. Желаю вам света, мира и добра, позитива, новых прекрасных произведений и преданных читателей!»

Ели тёмные под белым снегом
Будто замарали лапы белым,
Будто ночью на доске из неба
Рисовали и писали мелом.

Контуров лесов чертили будто:
Линией, штрихами, многоточьем.
Начертили белым мелом буквы,
Только неразборчив этот почерк.

Только звон колоколов под утро,
И лесов хрустальных торжество!
Сложатся в слова как будто буквы –
Рождество настало, Рождество!

Белый снег как послание с неба,
Что родился Спаситель на свет.
Он ещё в Назарете не был,
И ещё не оставлен Завет...

Тихо спит под звездой Вифлеема,
Окружён материнским теплом.
Но уже проступает несмело,
Что должно с ним случиться потом.

Опрокинув весь ход мироздания,
Он отменит понятие «смерть».
И никто не сумеет заранее
Лик Христа с плащаницы стереть.

Не отступит от воли незримой,
Хоть, слабея, попросит Отца
Пронести сию чашу мимо,
Он пройдёт этот путь до конца.

Белый снег как послания Бога,
Только кисти кровавых рябин
Нам напомнят весома и строго –
Он за всех на Голгофе один.

Сегодня снег дежурной медсестрой,
Которая всегда приходит рано,
Покроет белыми бинтами слой,
Чтоб заживить земли больные раны.

Сегодня снегом душу излечу,
Покроет он хандру и тучи светлым.
И я уже снежинкою лечу
Навстречу дню и утреннему свету!

Легки, воздушны, невесомы
Снежинки бледные в полёте.
Вы на земле больной и сонной
Совсем недолго проживёте.

В палаты белые закроет
В одеждах светлых медсестра
И будет к вам строга, сурова
Хозяйка клиники – Зима.

Мороз уже сковал, повесил
На двери кованый замок.
Он как Зима суров, невесел
И в сердце только холодок.

Зачем же вы сюда летите?
Дарить полёт, дарить красу?
Вам будет рад снегов любитель,
Но всё равно он ждёт весну.

Наконец-то наш город опять посетил светлый снег:
Самый нежный и милый
с надеждой на белый январь.
Он прошёл по крутым берегам серых заспанных рек
И уткнулся в неправильный мой
отрывной календарь.

Облетели листы января – середина зимы,
И с давно не целованных уст облетают слова,
Средь которых «прости» –
странный житель бессонниц и тьмы,
Пленник зим и разлучник –
теперь различим лишь едва.

Лишь вчера я дожди заплетала в слова на ветру,
Лишь вчера я ждала и листала страницы зимы,
А сегодня замёрзли дождевики и снег поутру,
Словно мой господин, повелел позабыть эти сны.

Всё теперь как всегда – белый снег и зима, и январь.
И в привычном уюте нет места тревогам и снам.
Собеседник, свидетель немой, отрывной календарь,
Только ты понимаешь и помнишь шаги по ночам.

Ароматы зимы

Ужасно хочется зимою
Глинтвейна пряного сварить.
Друзей собрать большой толпою,
Их всех согреть и угостить.

Он пахнет медом и корицей,
И виноградною лозой.
И от него светлеют лица,
Пусть кто-то был с утра и злой.

Уже на елочном базаре –
Лохматых елей хоровод.
И с ароматной елью в паре
Спешит к нам снова Новый год!

Манящий запах апельсинов
И шоколада, и конфет..
Подарок сладкий и красивый
Нам принесет весёлый дед!

Метель закружит каруселью,
Захватят праздники, как встарь,
Весь в мишуре, в сплошном веселье
Промчится скоростной январь.

А нам останутся лишь только
Обертки яркие конфет,
Полы все в блёстках и иголках
И праздников угасший свет.

И ароматы, ароматы
Накрытых к празднику столов,
Что были пышны и богаты,
И так вкусны, что нету слов!

Не изменяя всегдашних традиций,
Снег в декабре сыплет с неба стеной.
Белые ели и люди, и лица
Тоже светлеют от краски такой.

Белое, белое, белым накроет:
Небо с землёю смешал горизонт.
Белым и травы в поклоне наклонит,
Белую песню нам ангел споет.

Станет земля и белей, и светлее,
Всё к Рождеству очищая вокруг.
И купола у церквей побелели,
Белым сияньем осветятся вдруг.

Когда идёшь заветною тропой,
Которая выводит на пригорок,
И видишь драгоценный край родной,
Который с детства и любим, и дорог,

Который, как жемчужина речная
Лежит, маня, на берегу Кубни*.
И лес, как страж, от края и до края
В обхвате руки распростёр свои...

Ты понимаешь, что слова не смогут
Вместить всех дум о родине моей,
И никаким высокопарным слогом
Не передать привязанности к ней.

И всё же я хочу, стихи слагая,
В слова все чувства добрые вместить,
Сказать, как дорога земля родная –
За всё, за все её благодарить!

Кубня* - река в Чувашии.

С чем сравнить мне язык чувашский?
С песней матери, ласковой, нежною,
С пашней мягкой, с долиною снежною,
Или с милой заборной ромашкой?

Я сравню его с пением птичьим
И журчанием ручейков,
С милой музыкой твоих слов,
С чем-то очень глубоким и личным.

Он – и память о предках могучих,
И младенца несвязная речь.
Это золото надо сберечь.
Это дар, самый нужный и лучший!

Славный город Чебоксары*

Он и молодой, и старый,
Он с распахнутой душой –
Славный город Чебоксары,
Город милый, небольшой.

Растянулся на пригорке,
Ноги в реку опустил,
А потом от речки Волги
Пробежался на Залив.

Семь мостов прошёл неспешно,
Заглянул на косогор,
Где когда-то кремль успешно
Размещался с давних пор.

Красотой не обделённый,
Он гордится стариной,
Но и новостройки словно
Рыцари встают стеной.

Всё в нём ладно и красиво.
Всё для жизни, для людей.
Ввысь стремятся горделиво
Маковки святых церквей.

Солнце разлилось по крышам,
Блики света от воды.
Если, город, ты нас слышишь,
Знай, что мы тобой горды.

Чебоксары* – столица Чувашии

Гость номера

Дом со звездой

Нина Панина

От автора

«Меня зовут Панина Нина Борисовна. Я живу в Архангельской области. Родилась в Холмогорском районе, здесь и живу всю свою жизнь после окончания Архангельского Государственного педагогического института. Работаю учителем русского языка и литературы в небольшой деревенской школе.

Как-то в санатории услышала от женщин из Нарьян-Мара о вашей группе литобъединения ВКонтакте. Я пишу со школы, никогда не уделяя этому серьёзного внимания, для себя. Когда подключаются друзья и пишут: «Нам от вас ничего не надо, просто нравятся ваши стихи», – это для меня главная награда».

О России с любовью

Люблю Россию я за простоту,
Лугов её бескрайних пестроту,
Лесов её дремучих красоту,
Снегов её сыпучих чистоту.

Люблю за то, что Родина моя –
Богатая, могучая земля,
Прославлена историей своей,
Добившись, чтобы восторгались ей.

А мне по сердцу тихий уголок.
Большой России маленький клочок.
Ни красоты, ни роскоши тут нет –
А в этой простоте и есть секрет!

Любовь и нежность, тишина и грусть –
Всё это и зовётся словом Русь.
Проста, задумчива, достоинства полна
Россия – родина, как мать, одна!

Молитва матери

Тихонько старушка молитву читала,
Умывшись горячей солёной слезой.
При свете лампы она причитала –
Спасенья для сына просила с мольбой.

Он помнился ей белокурый мальчишкой,
Глаза голубые, с открытой душой.
«Спаси мне, родимый, спаси мне парнишку».
Забрали их, бедных, да сразу и в бой.

Ещё повзрослеть-то они не успели.
А мой не ругался, табак не курил,
А пули уже у виска засвистели.
«Дождись меня, мама», - он тихо просил.

Она всё мечтала: скорее б женился.
«Успею, мамаша», - шутил он в ответ.
У Бога просила: внучок бы родился.
Успею ль понянчиться? – Много уж лет.

Никто не ответит на это старушке,
Задремлет, тревожным забудется сном.
И снится на мокрой от слёз ей подушке:
Вернулся сыночек родименький в дом.

Дом со звездой

Заросло сплошь бурьяном, травой,
На пригорочке дом со звездой.
В сорок первом, военной порой,
Паренёк покидал дом родной.

Убивалась, тревожилась мать,
Оставалось одно: ждать и ждать.
«Возвращайся домой, бедный ты!»
Ещё не было этой звезды.

Он пришёл со звездой на груди,
Прошептал обречённо: «Прости,

Не сумел я себя сохранить,
Без ноги-то в деревне как жить?»

Пережили всё дружной семьёй...
По ночам ему снился тот бой,
Не давала война знать уснуть.
Видно, труден военный был путь.

А теперь его дом со звездой.
Пусть хозяин ушёл в мир иной,
Только память о нём не умрёт,
Помнит имя героя народ.

Пусть всегда будет мир!

Пусть всегда будет мир, пусть всегда!
Чтоб не рушились вновь города,
Чтоб спокойно ложилась мать,
Ей одно только нужно знать:
Пусть всегда будет мир, пусть всегда!
Чтобы в дом не стучалась беда,
Чтоб не гибли солдаты в бою
За родимую землю свою,
Чтоб закончилась эта вражда.
Пусть всегда будет мир, пусть всегда!
Вот опять наступила весна,
Эхом страшным грохочет война...
Не для этого мы рождены,
Пусть не будет проклятой войны.

У камина

Мы с тобой у камина вдвоём
За поленьями взглядом следим.
Помолчим, погрустим обо всём,
Понимая друг друга, простим.

Огонёчки искрятся в глазах,
Седина уж давно в волосах,
Но в душе ещё пламя горит,
Как в камине, искрится, блестит.

Никакие слова не нужны,
Даже звуки и те не важны.
Посидим пять минут в тишине,
Это важно тебе, важно мне.

Напряженье растаяло вмиг,
Лишь продлился бы этот миг,
Лишь твоя рука снова в моей,
Ты меня пожалей и согрей.

Пять минут тишины и любви,
Только губы твои и мои,
Мы на пламя глядим вдвоём,
Забывая сейчас обо всём.

Школьное фото

Потемнело, помутнело фото,
Изогнулось оно по углам.
Всё равно берегу отчего-то,
Никому никогда не отдам.

Посмотрите: сидят первоклашки.
Приглядитесь: да это же мы!
На потёртой жёлтой бумажке
Фотография из старины!

Пятьдесят с лишним лет – вам не шутка,
Пролетели мгновенно они,
Промелькнули, как будто минутки,
Год за годом, за месяцем – дни.

Первоклашки мои, первоклашки,
Тридцать пар распахнутых глаз,
В белых фартучках, в белых рубашках,
Как судьба раскидала всех нас.

Часы

В суете бесконечных проблем
День за днём незаметно летит.
Забываем о главном совсем,
Жизнь нам это потом не простит.
Ну а стрелки вперёд и вперёд,
Жаль, нельзя повернуть их назад.
День за днём, и так круглый год
Покоряют они циферблат.
Из минуток сложились часы,
Появляются две полосы:
Полосатая ты, наша жизнь,
Ты давай-ка, подольше тянись!
Не сбивайся с пути, не спеши,
Ещё новые ждут рубежи.
А часы всё идут и идут,
Ни минуточки не отдохнут.

Мои ученики

Сентябрь позолотой укрыл школьный сад.
Гурьбою весёлой ребята спешат.
Опять прозвенел, заливаясь, звонок
И в классе начался привычный урок.
Задачи, примеры, стихи у доски.
Пути к этим знаниям так нележки!
А сколько пытливо-пронзительных глаз
С надеждой и верой глядят каждый раз!
Непрост благородный учителя труд.
За выпуском – выпуск. А годы идут.
Как рада успехам я наших детей
И с радостью жду с разных мест новостей...

Учительский труд

В небе тёмном луна...
Лишь в окошке одном
Свет горит допоздна.
Кто не спит в доме том?

Там не спит педагог.
Проверяет диктант.
Вид – немножечко строг.
Составляет он план.

Под рукой Интернет.
Он в просторах его
Ищет нужный ответ.
Много дел у него.

А с утра – школа, класс,
Где уроки, кружки,
О семье классный час,
Стих у школьной доски.

От звонка до звонка
Всё в трудах педагог.
Жилка бьёт у виска –
Перегрузок итог.

Но всему вопреки
Он профессии рад.
Хоть пути нележки,
Труд – не ради награды.

И в преддверии праздника
Вам хочу пожелать,
Чтобы день ото дня
Все дела шли на «пять!»

И снова выпускной...

Тоска на душе. Разлетаются дети.
Здесь все говорили: «Какой трудный класс!»
А вышло, что лучше их нет на планете.
И вот наступил расставания час.
Текут по щекам слёз ручьи без стеснения,
А сердце пронзает безмолвная боль.
Ну что за работа? Сплошное волнение...
Ещё один выпуск. Закончена роль.
Ребята уходят, а мы остаёмся,
Отдав им частицу души навсегда.
Но время пройдёт, и однажды вернётся
Вновь каждый из них с добрым словом сюда.

Последний жёлтый лист

Позолоты октября не стало,
Под деревьями – горы листвы.
Этим летом тепла не хватало,
Недостаточно нам теплоты.

Пожелтело в саду, почернело,
Повернуло поближе к зиме,
А недавно цвело всё и зрело,
Было радостно, весело мне.

На ветру беспокойно маячит,
Бьётся маленький жёлтенький лист.
Бесконечно с небес дождик плачет,
Журавлей крик прощальный повис.

Лист невзрачный последний метался,
Настоящий, как видно, боец,
Он на ветке родной удержался.
Присмотритесь, какой молодец!

Былое и думы...

Вениамин Тунгусов

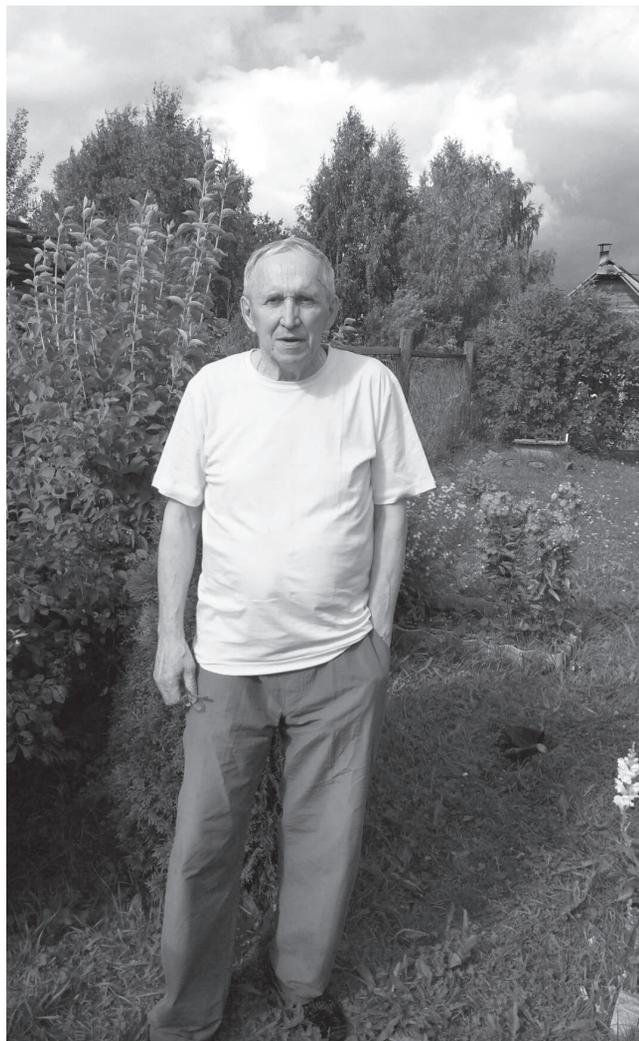
Как быстро вырастают сыновья,
И как однажды вдруг они взростеют:
И землю защитить уже умеют,
И радоваться пенью соловья...
Как быстро вырастают сыновья,
Шагнув на плац с крыльца родного дома,
И вот, в краю далёком, незнакомом,
Их ждёт уже теперь судьба своя...
Как быстро вырастают сыновья,
Пройдя через ученья, полигоны,
И, одевая новые погоны,
Кладут на плечи тяжесть бытия...

Армейское

Помню: учебной тревоги сигнал,
Снов разорвав теплоту, безмятежность
Нас из постелей в казарме срывал
И катапультной бросал в неизвестность.
Била дорога в подошвы сапог,
Бил карабин по спине, тяжелея,
Долгим и трудным был этот бросок,
Только мы всё ж оказались сильнее.
После учений – короткий привал
И, разбирая мгновения боя,
К нам командир, обращаясь, сказал:
– Вашей работой доволен, не скрою!
Только под утро вернулись назад,
Строем и с песней – с ней легче в дороге,
Пели про то, чтоб всегда для солдат
Только учебными были тревоги.

9 мая

Смотрю на пожелтевший календарь:
Застыло время в мае, на девятом.
Одевшись в бронзу, золото и сталь
Застыли вместе с ним его солдаты.
Им не пришлось дожить до наших дней,
Встречать над тундрой новые рассветы
И нянчить внуков старших сыновей,
Чьи жизни их победою согреты.
Они, кто под Орлом, кто под Москвой,
Кто на Днепре, а кто уже на Буге,
Шагнули с бруствера за этот мир живой
Навстречу пулемётной вражьей вьюге...
Смотрю на пожелтевший календарь,
Застыло время в мае, на девятом,
Одев шинели в золото и сталь
У каждого погибшего солдата.
И мы пред этой памятью святой
Все как один навечно побратимы.
В ней наши плоть, и наши кровь, и боль –
Тот сплав, с которым мы непобедимы!

Я годы легко и решительно сброшу
Всего на денёк, как заплечную ношу.
Чтоб сделать привал и поднять настроенье,
С роднёй и друзьями отметить рожденье.
А утром на завтра с лучами восхода
Прибавить все дни пролетевшего года
И ношу привычно на плечи закинуть –
Своя ведь не тянет, и дальше с ней двинуть!

Любимая тема

Ну что привязались к погоде:
Такая-сякая она?
Другой не предвидится, вроде
Нам эта – на все времена.
Ну что к временам привязались:
Такие-сякие они?
Не выбрали, эти достались,
Свои покаянные дни.
А к дням-то чего привязались,

Такие-сякие они?
Чего-то они разбежались,
Попробуй-ка их догони...
Смиренно принять мирозданье
И жить, коль не смоет дождём?
Терзает вопросом сознание.
Погода с утра. Подождём.

Триптих

Былое 1

Эта праздничная дата
Раз в году в календаре
Дорога, близка и свята
Старикам и детворе,
Молодому поколению,
Мужикам в расцвете сил.
Эх, не знаю, к сожаленью,
Скольких этот день скосил.
Сколько в очередях смято
За предметом красоты,
Сколько со сберкнижек снято,
Тьфу ты, просто на цветы.
Прямо светопреставленье
С этим самым женским днём
И сплошное удивленье.
Что нашли мужчины в нём?
Может мыслят прозорливо
За бутылкой на троих:
Станет женщина счастлива –
Будет праздник и у них?!

Былое 2

Кто выдумал тебя, о женщина,
На нашу голову мужскую?
С тобою жизнь не жизнь,
А трещина во льду,
Но без тебя тоскую.
Всегда замотана, заверчена
Уборкой, стиркой и работой,
Позабываешь, что и женщиной
Тебя увидеть нам охота.
И только в праздники нарядная
И от волнения смущённая,
От нас услышишь «ненаглядная»
И нам простишь всё не прощённое.
Кто выдумал тебя, о женщина,
На нашу голову мужскую?
Нам, видно, предками завещано
Всегда любить тебя такую!

Былое 3

Опять весна, опять восьмое.
Трясёт любимую страну:
Сметаем всё с прилавков с боем,
Как будто завтра на войну...
Цветы, шампанское, конфеты
И поцелуев миллион –
Всё это вам, родные, это –
Как быть, как сказка или сон!

Есть женщины в русских селеньях, –
Великий Некрасов писал,
Но, видно, тогда, к сожаленью,
Он ненецких женщин не знал.
Конечно же, я не Некрасов,
Быть им бы великая честь,
Но прямо скажу, без прикрасов,
Что женщины всё ещё есть.
С уверенной северной статью,
С хозяйскою жилкой в крови,
Такую из тундры сорвать бы –
Не выйдет, бульдозером рви!
Они на скаку остановят
Упряжку, Ямаху, Буран
И суп с топора приготовят,
Коль будет с продуктом изъян.
В карман не полезут за словом,
В обиду семью не дадут,
На труд и на подвиг готовы,
Достойно б платили за труд.
Поэтому верю: в бореньях
Запас ваших сил не исчез
И женщинам в наших селеньях
За это – и слава, и честь!

Снова праздник у нас на дворе –
День Печати на календаре.
Эй, коллеги, поднимем бокал
За того, кто её создавал,
За того, кто газету любил,
Кто печатал её и холил,
Кто остался верен судьбе –
Только с ней и больше нигде.
И за тех, кто сегодня в строю
Честно тянет лямку свою.
Словом, стих мой про вас, про всех
И про наш журналистский цех,
И доколе выходит печать,
Будем этот день отмечать.

В поисках символа...

Крестики и нолики, кошечки и кролики –
Нет у актуальности, нету нерва дня.
А для года нового, явно не хренового,
Не хватает символа, птицы иль коня.
Чтоб мечте – так вымахнуть,
Чтоб звезде – так высверкнуть,
Чтоб коню – так вытащить
Нас из борозды.
Да чего загадывать?
Да чего отгадывать:
Сбудется – не сбудется?
Мы же – без узды!
Силы есть и знания,
Опыт и старания,
И не самый худенький собрался народ.
Подналягем всеми как –
И прощай, Америка!
Пусть опять два берега.
Здравствуй, добрый год!

Помнит рябину, что к дубу приклонится
И колыбель, где баюкали дочь.

Жаль, что уходят не в ногу идущие,
Те, кто искали себя и нашли.
Песней сказав нам про время грядущее,
В память людскую напевом вошли.

Харута

Вертолёт завис небрежно,
Открывая взгляду даль.
Направление чётко держим,
Но откуда вдруг печаль
Наплывает как-то издали,
Где ажурных вышек нить?
Сколько лет тебя не видел,
Не могу тебя забыть.

Харута, Харута,
Ты и та, и не та,
А когда-то нас связала
Дел неброских суета.

Харута, Харута,
Дней весенних маята.
Задушевных песен россыпь
Здесь тогда услышал я.
И в душе моей тропинку
Протоптала харутинка.
Ты и та, и не та,
Будь счастлива, Харута.

Я с тобою не прощаюсь,
Говорю тебе – пока!
Лишь в стихах сказать решаюсь,
Что грущу издадека.
И порой всплывает это
Чувство радости за тех,
С кем немало песен спето,
С кем на сцене был успех.

Ручей

О чём поешь, о чём грустишь,
Ручей у сонной речки ты?
Куда, тропиночка, зовёшь,
В какую даль заречную?

Где озаряет млечный путь
Мою тропу заветную,
Стоят берёзки там и тут
И шелестят про вечность мне.

А звезды, – лишь рукой затронь,
Блестят в траве, колышутся,
А за селом поёт гармонь,
Знакомый голос слышится.

Остановлюсь и не уйду,
Дослушав песню звонкую.
Быть может, в ней ответ найду
И подпою негромко я.

Один стою, но не грущу,
Всё в жизни переменится.
Печаль на волю отпущу,
Где дымка в поле стелется.

Я буду ждать в тиши ночной,
Дышать пьянящей свежестью.
Пойду заветною тропой
И встречу друга нежного.

Из далёких лет стучит в окошко ветер,
Словно просит, чтобы вновь открыл я дверь.
И как прежде на пороге молча встретил
Ту, которой нет теперь....

Не даёт мне память жить спокойно,
Снятся эпизоды прошлых лет.
Лишь года бегут, как ручейки по склонам,
Но усталости от жизни нет.
С каждым годом я встречаю реже
Тех людей из давних детских лет.
Но по-прежнему улыбки те же,
И по-прежнему звучит: «Привет!»

На страницах пожелтевших,
Старых, выцветших газет,
Незаметно пролетевших,
Фотографии тех лет.

Лица юного «Хаяра»
И оркестр духовой,
Молодого Нарьян-Мара
Юный лик передовой.

И в твоей судьбе немало
Светлых будней, ярких дат.
Вспомни, как порой, бывало,
Веселился стар и млад.

Ты всегда шагаешь в ногу,
Даже в чём-то впереди.
Строишь новую дорогу,
По которой нам идти.

Тундра, полная богатства,
Люди, полные огня,
И олени так же мчатся,
Унося в мечту меня.

Я тебе желаю, город,
В 21 веке жить,
И такого же задора,
Чтоб невзгоды пережить.

Тихо свечка догорает,
Свет луны, мерцанье глаз.
Тень твоей улыбки тает,
Время бьёт разлуки час.

Подожди, ещё не надо
Наше время торопить.
Бог нам дал любовь в награду,
Надо всю её испить.

Знаю, мысли наши ясны,
Откровенны и чисты.
Не тревожь себя напрасно,
Мир наш – это я и ты.

Невозможная синь заполярных озёр.
И куда взгляд ни кинь, – бесконечный простор.

Вот такой получили в наследство мы край.
Здесь любить научились, зная,
жизнь здесь не рай.

Ты увидишь однажды сопок мудрую стать,
Не уйдя с горизонта, будет солнце вставать.

А зимою на тысячи вёрст белизна,
В чуме чай-кипяток, но ты выпьешь до дна.

А в конце пици скромной беседа пойдёт.
А дорога домой? Ничего, подождёт.

Мир величия скромн, как знакомый пастух.
Куст берёзки надломлен, чтоб костёр не потух.

Не дадим же и мы красоте умереть!
Тем и будем сильны, что сумеем сберечь.

Поэзия

Продолжаю дышать...

Елена Алёшина

Не ко времени

Стою на сцене... Открыть бы душу
И улыбнуться. Но слёзы душат...
Ком к горлу катит, в висках стучится,
Нутро вскипает больной волчицей.
Смотреть бы прямо, шутить лукаво,
Но мне свет ramпы – глоток отравы.
В луче горячем скелет сутулый,
Тру грим, ползущий по белым скулам.
Но жаждут толпы взахлёб смеяться!
И рвётся в клочья душа паяца...

Чужой...

Я живу в тишине, сквозь которую говорит
Мой уставший рассудок,
лишенный навеки сна,
И неважно, латынь, хинди,
идиш или санскрит,
Он кричит об одном и том же:
сквозь лёд окна
Я не вижу больше Звезды.
Ни луны. Ни тьмы.
Ничего. Просто, знаю,
внутри всё равно тепло...
Даже если во всех словарях
уничтожить «мы»,
Безрассудно однажды оттаит моё стекло...
И сквозь капли заглянет ко мне
золотой рассвет...
И ворвётся в оглохший мир
снова птичья трель...
Я вернусь к водопою, сдержав до конца обет,
И как лучшего друга встречу чужой апрель...

Свет в конце тоннеля

Нет между нами паучьих пут,
Связей вселенских нет.
Кончики пальцев, скучая, лгут...
Я – позапрошлый бред...
Будто пропетый не в такт куплет
В блюзовой песне – ты.
Плечи – не крылья... На взлёт – запрет.
Тают во тьме мечты...
Тихо ступаю всё дальше... Прочь...
Стук поездов затих.
И безвозвратно стирает ночь

Ребус следов моих...
Где-то под сердцем прижился страх
И превратился в клей...
Той фотографии у костра
Несколько тысяч дней,
Тот, кто мне снится, похож во всём:
Голос... Взгляд... Сидует...
Как безрассудно жить этим сном!
За пробуждением – свет...

Пройдёт

Ноет фальцетом под утро душа.
Сердце царапает тихая боль.
Я без тебя... Продолжаю дышать...
Только не помню от счастья пароль.
Будто туснее стал солнечный свет.
Кофе глотаю, не чувствуя вкус.
Зябну и кутаюсь в старенький плед.
И невпопад почему-то смеюсь.
Часто мне снишься... такой же родной...
Сны неподвластны, по счастью, смертям...
Нежно мурлычешь, танцуя со мной:
«Я никому тебя не отдам...»
Время когда-нибудь всё исцелит.
Но бесконечностью кажется год.
Если внутри отчего-то болит,
Значит, жива.
Это тоже пройдёт.

К 8 марта

Мужчины нас едва ль поймут,
Быть девушкой – нелёгкий труд:
Будь лучше всех! Детей роди!
Все магазины обойди!
Займись карьерой между тем!
Не создавай другим проблем!
Смотри, чтоб был доволен муж!
Посуду мой! Стирай! Утюжь!
Пропылесось и вымой пол!
И накрывай скорей на стол!
Борща на роту навари
И улыбайся! (не ори!)
Ватрушек больше, что ли, нет?
А что же будет на десерт?
Пора бы пригласить друзей!
Сядь на диету! Будь стройней!
Блюда-следы за красотой,
Чтоб стыдно не было с тобой!
Забудь про дорогой салон:
Сама состряпай причесон!
Сама наляпай макияж!
Сама себе устрой массаж!
Купи наряд! (недорогой!)
Будь умной, свежей, молодой!
И депиляцией займись!
Но лишней раз не заводись!
Не вздумай начинать болеть!!!
Ведь всюду нужно преуспеть:
Корми, укладывай детей!
Будь лучшей среди матерей,

Ведь непременно воспитать
Должна профессоров! Ты ж мать!
С детьми уроки приготовь!
Дари заботу и любовь!
Но всё же я, при всём при том,
Быть не хотела б мужиком!
Ведь то, чего в мужчине нет,
Есть в женском сердце – яркий свет,
Способный создавать уют!
Без женщин всем бы был... капут!
Как в чары женщин не попасть?
Ведь в них и шарм, и соль, и сладость,
И сверхспособность жизнь дарить
И вопреки всему – любить!
Прекрасным дамам всех времён
От человечества – поклон!

Не снится

Нет, не снится.
Страшнее кошмара земная явь...
Все трагедии прошлого
напрочь забыты вдруг.
Невозможно прочувствовать,
кто теперь враг, кто друг,
И признать сумасбродство,
что каждый виновный прав.
Знают истину воины света с мечом в руках:
Потому им не ведом
колючий и липкий страх...
Обезглавлены будут лишь те,
что душой мертвы,
А с Любовью в душе
станут прочно щитом живым!
Смерти смрад
и кровавые реки по всей земле:
В человечности хищники фору легко дадут,
Человека разумного душист наживы спрут...
Но найти неизбежно
должны мы ростки в золе!
Как суметь победить
пожирающий свет порок?
Тьме не быть на века,
вновь окрашен зарёй восток!

Глухая тишина

Серёжа Тайбарей

Притяжение

если бы я мог
я бы улетел на юпитер
взял бы с собой носки
и шерстяной свитер.
я ходил бы среди ветров,
кислотных дождей, дикого холода
я бы остался там навсегда
и умер бы там из-за голода
если бы я мог
я бы свалил на меркурий
я бы жарился там от жары
или спасался от огненной бури
если бы я мог
я бы рванул на венеру
я бы взял туда ящик вина
и напился бы там через меру
если бы я мог
я бы пожил на уране
прихватил бы с собой сигареты
покурил бы там утром ранним
если бы я мог...
но я живу здесь – на земле
я бы рванул отсюда подальше
но есть одно «но» – притяжение к тебе.

Не хочу ни любви, ни жалости,
Я погряб уже в этой тоске.
Мне бы сжаться до самой малости
И песчинкой скряться в песке...

Не смотреть на людские страдания,
Не сжигать моим сердцем всю боль.
Нет, не три, а одно лишь желание –
Чтобы я превратился в ноль.

Быть пробелом в чужом предложении,
Пустым звуком в чьих-то речах.
Стать желаю просто смирением
И бесстрашием в чьих-то страстях.

Но порою мне кажется всё-таки –
С этой болью я связан навек...
Если все с этой болью – я тоже,
С этой болью я – Человек.

Имею ли я право быть счастливым
В окутанные скорбью времена?
Миг радости считать несправедливым,
Когда звучит глухая тишина..?

Или терпеть в контузии звенящей,
Раскрыв глаза от страха широко..?
Свободу бросить на призыв манящий,
Что правильно, решить, а что – легко?

Ещё вчера земля чернее сажи
Скрывалась под дождями и росой.
Сегодня же красуются пейзажи
Под покрывалом, спят белизной.

Заполярная удача

Николай Миловский

смотрел на сжавшиеся кулаки Сян Юя.

То так и быть, Ин Чжэн расскажет бывшему однокашнику о своей удаче и не только.

Тяжело вздохнув, Сян Юй согласился подарить месяц жизни любимой корпорации и, стиснув зубы, трудился как кофемашина во время бизнес-ланча.

Спустя тридцать напряженных дней Ин Чжэн измерил кипиай трудолюбивого сотрудника, проверил по камерам, валял тот дурака или нет, наконец, опросил коллег, не портилась ли атмосфера дружеского сотрудничества по вине Юя? Придраться было не к чему – производительность выросла и свойственное отделу дружелюбие не пострадало...

«Однако, справился», – сдержанно удивился начальник. Окинул внимательным взглядом волосатые ручищи Сян Юя, обложенные мешками усталости стеклянно-сосредоточенные глаза, застывшую маской улыбку... Почему-то вспомнил фильм про Джокера и решил сдержать своё слово.

– Ты знаешь легенду о северном сиянии?

Сян Юй наморщил лоб.

– Это если ребёнок будет зачат под северным сиянием, то по жизни его поведёт за руку сама удача?

Менеджер кивнул.

– Все едут за этим в Мурманскую область, это в России, но!.. – он наклонился к самому уху собеседника. – Мои родители решили не ломиться в дверь, осаждённую миллионами. Они отправились за милостью госпожи удачи в безлюдное место.

Ин Чжэн молчал.

– Ну и что за место?! – не выдержал Сян Юй. Его голос зазвучал тонко с привизгом, видимо сказала переработка.

– Ненецкий автономный округ, – прошептал начальник, но работнику показалось, будто этот шёпот прогрохотал на всё здание.

«Ненецкий автономный округ!» – думал Сян Юй, пока дорабатывал, шёл до дома в смоге выхлопных газов и решил: пусть госпожа удача не ведёт его под руку, но он сможет обеспечить этой милостью своего ребенка!

Сян Юй умиротворился лицом, плодотворно доработал рабочий день.

И набрал самое длинное сообщение в своей жизни. Про свою работу, карьеру и секрет удачи, накопленных днях отпуска. Он представлял, как солнце подсвечивает изящество Ян Гуйфэй. Её жилая капсула могла похвастаться наличием окна, ещё в ней можно было сесть.

В оговорённое договором время перекура Сян Юй храбро подошёл к начальнику отдела, в котором совершал бесконечные переработки ради спасения родной компании от железной пасти дремлющего кризиса.

– Высокоэффективный Ин Чжэн, – обратился Сян Юй к менеджеру. – Мы пришли сюда работать ещё студентами, готовыми выслеживать без передыха корпоративную выгоду. Прошли годы, и вот я обычный клерк, а тебя судьба вознесла по карьерной лестнице. Поверь, я не сомневаюсь в твоих способностях и высоком трудолюбии, не каждому дано объездить удачу, но скажи, как тебе удалось ухватить судьбу за уздечку?

Ин Чжэн ответил, что волка не нужно учить охотиться, сотрудники корпорации сами должны понимать, как быть эффективными в конкурентной борьбе, поэтому пусть Сян Юй сосредоточится на своих обязанностях, а не завидует успехам других.

Наш герой был готов к этому, потому, выдохнув пронизанный никотином воздух, напомнил о мудром Чжугэ Ляне, доверившем свои знания и опыт благородному Лю Бяю...

Менеджеру пример не понравился. Ведь прозванный затаившимся драконом давал советы вышестоящим, а не рядовым исполнителям, вроде Сян Юя... Но вдруг глаза менеджера сверкнули идеей, и он сказал: если любопытный клерк поработает целый месяц с полной отдачей не только рабочие дни, а полную семидневку с двумя пятиминутными перекусами, пятью трехминутными посещениями туалета и пятичасовым сном...

Перечисляя условия, начальник с улыбкой

А вот прибежище Юя располагалось ниже уровня земли, да и сесть там не выходило, разве что поворочаться с боку на бок...

«Интересно», – ответила красавица, и тут их маленький чат завертелся, да так, что они договорились о поездке на самый Крайний Север в Красный город, в Нарьян-Мар.

Они познакомились прошлой весной. Он надеялся соединить части их зеркала в единое целое и летать вместе, как две утки мандаринки, до самых седых волос... Короче, погрузиться в эту старую добрую романтику. Однако карьерные амбиции постоянно разводили их орбиты. Но красавица написала «интересно», это шанс.

Наверное, высокопроизводительный труд на благо корпорации стоил ему многого, как и любая другая вежа в развитии. Поэтому дальнейшее Сян Юй запомнил группой экранов, плывущих в суете повседневности. На одном экране он с трудом выцарапал у эйчаров неделю отпуска; на другом они в кафе с Ян Гуйфэй обсуждают будущее своих удачливых детей. А тут дядюшка Чжан Цянь, непрерывно тараторя про бездонные перспективы своего продукта, везёт их к аэропорту, напоследок вручая визитки вместе с образцами чудо-стелек «Фу Сянь», потом сон, ещё сон... Всё.

Они приехали.

Правда, не туда. В смысле, добирались до русского города Петербург, и безупречная спутница затревожилась. И не зря. Ведь самолёты летали на Печору очень неудобно, так неудобно... Ждать вылета надо несколько дней, и после этого они могли провести в Красном городе только один день, потом бы пришлось быстро-быстро спешить в поднебесную.

Сян Юй разорвал рукой туман повседневной суеты и подумал.

– Автомобиль, – сказал он.

И будущие родители самого удачливого ребенка среди четырех сторон света вышли в царство информационной паутины искать варианты.

В конце концов они познакомились с Почтенным Камнем, судя по гугл-переводчику, русские любят экзотические имена не меньше китайцев.

Почтенный предложил интересный вариант с дальноточниками. Эти ребята заинтересованы доехать к цели как можно скорее, ведь это доказывает их эффективность, а значит, добавляет денег к заработку. Камень знал кого надо и обещал устроить за относительно небольшие деньги, раза в два дороже авиабилетов до Красного города.

Своим быстрым разговором и открытой улыбкой Почтенный Камень напоминал Чжан Цяня. Сян Юй подарил ему визитную карточку дяди и образец чудо-стелек «Фу Сянь». Ему казалось, что такие люди будут счастливы делать совместные дела.

Камень вежливо поблагодарил за подарок

и быстро познакомил китайскую парочку с водилой – здоровеннейшим мужиком, угрюмым, рябым, в потёртом пуховике и грязных кроссовках. Звался он Юрчиком, приложение так и не осилило значение его имени.

Осевшая под грузом фура казалась насупленной. Когда Юрчик устроил пассажиров и повернул ключ зажигания, она только чуть дёрнулась. Когда же он выбрался и дал по газам ещё раз, машина скрипнула и задрожала как в лихорадке. После третьего запуска колымага покачнулась, после четвертого же тронулась с места.

Вскоре залитый холодным светом КАД остался позади. Вдоль дороги потянулся частокол из тонких, высоких деревьев, без конца и краю... Поедешь по ней, так, наверно, заедешь в десять судилищ ада. На горизонте лениво догорала холодная осенняя заря, сливаясь с небом. Налево от дороги в темнеющем воздухе высились какие-то бугры или заброшенная ферма, может пятиэтажка с погасшими окнами. Было тихо, падал пушистый снег.

«Какая, однако, здесь пустота! – думал Сян Юй, когда вдоль спусков и подъёмов дороги выстроились заснеженные ели Республики Коми. – Ни человека, ни собаки. Не ровен час – нападут и ограбят, и никто не найдет... Да и водитель ненадёжный... Ишь, какая спинища! Этакое дитя природы пальцем тронет, так спина треснет! И морда у него зверская, подозрительная».

Сян Юй набрал иероглифы в приложении, и оно заговорило мертвенным голосом:

– Что, Юрчик, как у вас здесь? Не опасно? Не шалят?

Тот с улыбкой покачал головой и махнул рукой, а потом включил негромко магнитола. В кабине раздались звуки простой музыки и нитьё прокуренного мужика.

Эффективный работник посмотрел на ручищи водилы, беззащитную шею Ян Гуйфэй, едва развеванную горящими фарами тьму...

Сглотнув, он стиснул телефон и сильными ударами пальцев заставил приложение рассказать, какие они важные для Коммунистической партии Китая! Ведь только они двое владеют самым древним и мощным кон-фу! А ещё он, Сян Юй, знает, как нанести удар отсроченной смерти! И кстати, все китайцы возят с собой перцовые баллончики всегда! Даже спят с ними...

Юрчик хмыкал, искоса поглядывал на пассажиров, а в ближайшем посёлке остановился возле кафешки. Искатели северного сияния принялись разбираться в местной еде.

Оказалось, только шашлык.

Потом выясняли, как за него платить?

Легко, переводом.

За окном раздался знакомый скрип, визг!

Повторился. Они глянули в окно.

Колымага тряслась.

Ян Гуйфэй выбежала первой, Сян Юй следом.

Насупленная фура стремительно скрывалась вдали, только вонючее облако развеивалось около сарайчика с яркой вывеской.

А шашлык оказался невероятно вкусным.

– Каждому своё, – говорил телефон хозяина кафешки. – Кто-то строить умеет, другой компьютеры понимает, а я всю жизнь у мангала, закажите ещё, не пожалеете.

Взяли ещё, не пожалели.

Сян Юй попросил третью порцию.

– Мясо прекрасное, – промурлыкала Ян Гуйфэй, – но что нам делать дальше?

В итоге они принялись коннектиться с хозяином. Этот усатый мужик в широкой кепке оказался большим любителем MMORPG, стоял в клане, где китайцев была целая треть.

– За удачей приехал? А вот я работу искал, дядька тут давно живёт, помог. Ты здесь тоже мёрзнешь? Каждый раз, когда мороз, так на родину хочется, смотрю в окно на сугробы и думаю про Грузию. Потом придут люди, покушают мой шашлык, станут счастливыми, у меня тоска и проходит.

Тут дверь открылась. На пороге стоял человек в странной одежде, вроде толстовки, только длинной, до колен, да ещё из меха! Шашлычник заметно оживился и быстро сообщил об удаче, которая снизошла на китайских гостей без всякого северного сияния. Человек в мехах оказался оленеводом, он привёз оленину, а заодно попросил двойную порцию прожаренного на шампурах мяса.

Умяв несколько кусков, тундровик заинтересовался их ситуацией и предложил такое: есть снегоход, есть сани-волокуши, можно доехать к самому балку, в котором правоохранители дорожные сидят, там подвезут.

– А сколько надо заплатить? – спросил Сян Юй.

Оленевод высоко поднял брови, его глаза стали круглыми-круглыми. Потом рассказал о тундре, нелёгкой жизни в ней, а потом сделал вывод – если здесь начать помогать за деньги, то погибнуть придётся всем.

«Волк всегда боится голодной смерти», – вспомнил бизнес-тренинги Сян Юй.

А потом подарил гениальному шашлычнику на прощание демонстрационный экземпляр стелек «Фу Сянь» и визитку дяди Чжан Цяня.

– Ты веришь этому человеку? – шепнула Ян Гуйфэй.

– Так же как любому другому, – ответил он.

И правда, оленевод такой же первый встречный как и другие, не хуже, но и не лучше.

Волокуша оказалась большим коробом, его перед плавно закруглялся, а днище покрывала гладкая резина. Стоило им проехать метров сто, и Сян Юй помянул добрым словом кабину Юрчика. Неровности снежной ворги медленно, но верно принялись превращать китайских туристов в отбивную. Сколько он ни подкладывал олени шкуры под Ян Гуйфэй, девушка продолжала морщиться и ойкать при каждом сотрясении.

Ехали долго. Пушистые от снега деревья пустили длинную тень. Мороз принялся аккурратно запускать пальцы под одежду путников. Тут они остановились, оленевод походил со склонённой головой между пунктирных линий следов. «Собачьи вроде», – подумал Сян Юй.

Тундровик достал из большого металлического ящика на волокуше части ружья, собрал их, зарядил. Несколько раз показал китайцу, как взводят курки, а потом жестом изобразил нажатие на курок и звук выстрела. Потом быстрым жестом протянул ему коробку с патронами и начал отколачивать снег с гусениц снегохода.

Стемнело и они поехали. Серебристый свет луны заиграл снежными искрами. Снегоход лихо поднялся по наезженному склону вверх, когда слева и справа раздался вой, а между деревьев замелькали поджарые тени.

– Эй! Эй! Эй! – Сян Юй посмотрел на крикнувшего оленевода, тот ткнул в него пальцем.

– Паф! Паф! – он сделал вид, будто стреляет из ружья, и вернулся к управлению.

Сян Юй вздохнул. Взвёл курки, воззвал к духам предков, пусть помогут сделать всё правильно. Упер приклад в плечо, навёл мушку на ближайшую тень, краем глаза заметил лунно-бледное лицо Ян Гуйфэй и нажал курок.

Бахнуло. Приклад резко ударил в плечо. Красавица взвизгнула...

Волки отстали, самое главное было в этом. Менеджер выдохнул, убрал ружьё и крепко обнял девушку.

– Посмотри наверх! – В бездонно чёрном небе бескомпромиссной чистотой сверкали сотни ярких точек.

Девушка покачала головой.

– Это, конечно, красиво, – сказала она, – но ведь нас могли съесть...

Её прервал радостный лай. Сян Юй обернулся вперёд и увидел занесённые снегом конусы. Вокруг сновали фигуры людей и угадывались силуэты техники. Раздались радостные крики. Тундровик ответил.

Лихо повернув снегоход, остановился, их обступили со всех сторон и проводили в чум. Привычно начав забивать иероглифы в переводчик, Сян Юй едва не подпрыгнул, услышав, как рядом механический голос заговорил на китайском!

Оказалось, у парня по имени Божий Дар также установлен переводчик, и он отлично умеет им пользоваться.

– Тоже увлекался MMORPG? – полюбопытствовала Ян Гуйфэй.

Тот радостно закивал и принялся рассказывать про детство в интернате.

Их посадили за стол с нарезанными фруктами, конфетами в блестящих обёртках, беззащитно-тонко нарезанной сёмгой, но главное, – выдали по клубящейся паром миске шулюма. Самое то с мороза!

Поели. Привезший их тундровик поднял тост за храброго гостя, отогнавшего волков. Смысл им растолковал Божий дар. На Сян Юя уважительно посмотрели и выпили по стопке.

Тогда он попросил слово и рассказал про красоту звёзд в здешнем небе, про удачу, которую приносит полярное сияние, про людей вокруг него, явно любимых госпожой удачей больше всех, и как он их уважает.

Выпили.

Сян Юй подарил каждому по демонстрационному образцу стелек «Фу Сян» и дядину визитку. А ему вручили замечательную чесалку для спины, склеенную из костей, сплошь покрытых угловатой резьбой.

Седоусый оленевод предложил спеть, и его поддержали. Сян Юю было тяжело петь со всеми, он не понимал слова, а если бы понимал, не смог бы повторить. Но когда голоса дружно выводили «Хане-хане-хо», он старался вместе изо всех сил.

Выпили по третьей, седоусый заговорил. А Божий Дар объяснил, что завтра всем работать, поэтому пора спать.

Китайцы проснулись от странного шума. Будто сотни дощечек тёрлись друг о друга. Они посмотрели на старушку, колдовавшую у печки, оделись и вышли.

Ян Гуйфэй радостно запищала, – так она делала в моменты высшего умиления. Вокруг стойбища целое стадо оленей сосредоточенно тёрлось рогами о ветки едва торчащих из-под снега кустов. Девушка бросилась фотографировать. Сян Юй остался на месте. Он хотел впитать в себя каждый момент происходящего, как те кристально чистые звёзды, оставить мгновение живым впечатлением, не захороненным цифрой фотографии.

«Вот она, жизнь, – думал он, – пусть так будет всегда. Остановись...»

Тут пришёл Божий Дар и позвал ехать. Его снегоход сверкал на ярком солнце, а когда они двинулись, снег закрипел, будто печенье. Сгорание внутри цилиндров быстро домчало их к накатанному зимнику.

Они заговорили о погоде и северном сиянии, осудили удорожание бензина и запчастей, наконец, вдали зазвучал внедорожник. Божий дар яростно замахал рукой. Машина остановилась. Состоялся короткий разговор. Минуту спустя китайцы уже мчались в сторону Красного города, их друг договорился обо всём и на прощание обнял обоих.

Вскоре они подъехали к отелю со скромным названием «Заполярная столица». Сян Юй привычно подарил водителю стельки. Ян Гуйфэй договорилась о номере для новобранцев. Раздвинув занавески, гости из поднебесной принялись смотреть в окно.

Но северное сияние так и не появилось.

Наутро Ян Гуйфэй сказала:

– Любезный Сян Юй! Я никогда не забуду приключившегося в эти дни, но пришло время

признать неудачу. Наш отпуск подошёл к концу, и теперь необходимо вернуться на родину, дабы доказать свою полезность корпорации и тем заслужить Свободные дни...

Менеджер слушал и понимал правоту своей возлюбленной. В то же время он думал о бескрайних просторах, покрытых хрустящим снегом, о бегущей вспять волчьей стае, о суровых людях, готовых помочь не за деньги, а потому что ты человек и тебе нужна помощь, о звуке, с которым стадо оленей трёт свои рога и тонко нарезанной семге...

– Давай останемся, – предложил он, взяв её за плечи.

– Нет, глупенький, – красавица изящным движением выскользнула из его рук.

Пока она покупала билет, Сян Юй позвонил Ин Чжэну. И вроде разговор должен был получиться коротким: узнать какие там шаги нужно предпринять для освобождения от корпорации и всё! Но нет, начальник принялся говорить о волках, зайцах и сильных людях, которые хищники, а не жертвы. Гость Заполярной столицы прервал рассуждение о карьерном успехе, доказывающем преданность стае, просьбой замолчать, а потом рассказал, как распугал стаю волков одним выстрелом. После этого разговор не отходил от полезного вектора, и дело быстро решилось.

Ещё быстрее он решил остальные вопросы.

Проводил красавицу до самого выхода в накопитель.

Хотел на прощание подарить ей стельки, но передумал.

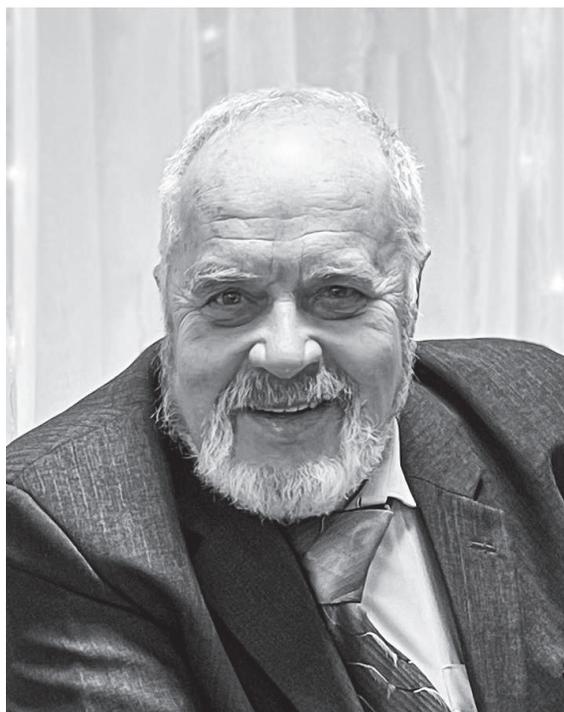
Перевёл накопления в рубли и начал просто жить.

Теперь его знают во всём округе. В Канинской тундре его зовут дядя Юра, в Большеземельской – дядя Саня, а на Печоре – Александр Юрьевич. А ещё в НАО теперь каждый знает, что за стельки такие – Фу Сян. Работает он в Красном городе, устраивает бывшим соотечественникам возможность обзавестись удачливыми детьми. Может рыбалку организовать, жизнь в стойбище, если закажут, охоту на волков организует со скидкой. Женится на нашей девчонке, из Красного.

Детки у них хорошенькие, один к одному. Говорят, стоит любому из них купить лотерейный билет, так обязательно выигрышный.

По велению сердец

Александр Салов

Захребётная курья

Здесь, на Крайнем Севере, длинная зима,
 Минус двадцать... Говорят, что стоит жара.
 В Заполярном крае царствует Зима,
 С нею Ночь Полярная и колдунья Тьма.
 Где же делось Солнышко? Сутки напролёт
 Сыпет с неба иней, снег, колючий лёд.
 Заблудилось Солнышко среди белых елей
 И, Морозом схвачено, светит еле-еле.
 Изморозь на ветках, изморозь в душе;
 И куда же деться?... Мнится: день уже,

Затопила баньку жаркую Соседка...
 Под дубовым веничком стонет сердцеедка.
 Стонет неужённая, песенку поёт:
 «Скоро лето жаркое на три дня придёт;
 Разукрасит зеленью берега курьи,
 Разрисует полночь красками зари.
 В эти: зелень, краски, летнюю жару
 Мы нырнём с тобою в курью – поутру»...

Захребётная курья –
 Протекла в ней жизнь моя.

Ручей

– Привет, Ручей! Куда течёшь?
 Быть может ты с собой возьмёшь
 Меня? Я буду песни петь тебе,
 Аккомпанируй только мне.
 Аккомпанируешь Весне?
 Лишь ей одной ты верно служишь?
 А нам – двоим? Я ей не нужен?
 Откуда это знаешь ты?
 Ты знал бы, как приход Весны
 Я жду... Надеялся и верил,
 Простит меня, придёт она.
 Держу распахнутыми двери,
 Букет подснежников с утра
 Стоит влюблённо у окна...
 О чём журчишь, Ручей? Постой!

– Ещё прошедшею зимой
 Та дева мне снежок дала,
 Поцеловавши, и ушла.
 И ни одна снежинка впредь
 Её не встретила. Поверь,
 Не рви подснежники, не жди,
 Смири желания в груди,
 Я кровь осеннюю ещё
 Несу в себе, как грех её...
 Хоть кайся, хоть клянись в любви,

Люблю тебя я очень...

Иных шальных красот немало видел я:
 Как с Пти-Питона, страсти не тая,
 Карибских островов вечерняя заря –
 «О Сент-Люсия, ты мечта моя!» –
 Мулатка песнею звала к себе меня...
 К чему звала, того не знаю я,
 Но, видно, у меня судьба такая,
 Люблю тебя я очень, Нарьян-Мар,
 Тогда, когда отсюда уезжаю.

В сиянии ночных огней Майорки
 Так ослепляет отражение дворца
 В прозрачных водах Лукоморья,
 Но ослепительней улыбка той девчонки,
 Туристам улыбавшейся с крыльца.
 Всё потому, и это знаю я,
 Что мне судьба отпущена такая,
 Люблю тебя я очень, Нарьян-Мар,
 Тогда, когда отсюда уезжаю.

В джунглях Камбоджи затерянный город,
 О чём ты тоскуешь безмолвно во сне?
 Толпой любопытной по тропам проходим,
 Каждый своё в твоей тайне находит.
 Джунгли презрев, ты признался лишь мне.
 И почему, Ангкор? Наверно знаю я,
 Моя судьба, предвидимо, такая,
 Любить, как жизнь, навеки Нарьян-Мар,
 Где «Марад сей»* к себе нас возвращает.

* «Сердце города» (ненецкий)
 – центральная площадь г. Нарьян-Мара

Стенанья не нужны твои,
К тебе уж не придёт она –
В реке вода так холодна.
Её я встретил в той реке
Под льдом,
 в замёрзшей полынье.

Подлёдный клёв

На льду рыбачат рыбаки –
Подлёдный клёв сейчас с руки.
И дома их детишки ждут,
Когда улов им принесут,
А магазинная порой
Воняет гнилью, не собой.
Ведь рыбка нынче дорога...

Чтобы была сладка уха,
Немало на морозе лютом,
Однако, в валенки обутом,
Согретых жжёнкою с утра,
Сидельцы, будто со вчера,
Чтоб повезло им сильно ныне,
Примёрзли к льдине...
Гляжу в бинокль на рыбаков –
Там у кого богаче клёв?
И что же дома я сижу?
Чего на лёд не выхожу?
Без рыбы вся моя семья,
Однак, нет клёва у меня
Всегда, во всём... на берегу.

Родник Птичий

В далёкой тундре
Плачет родничок:
«Как путь до моря
Тёплого далёк.
Горячих струй тепло
Не донести до моря».
Замёрзшая река
Не знает его горя.
Застыли берега,
Завьюжили метели.
А морю не хватает
Горячего течения,
Чтобы растаял лёд,
Сковавший его волны,
И были берега
Для птичьих стай свободны.

Во времени дыру ты проруби

Уж солнце село за село;
И стрелки стареньких часов
В мой нацелены виски,
Как беспощадные стрелки.

Не стоит время нам терять,
Тонка его седая прядь,
Далёкий путь к горам лежит...
И у ворот твой конь стоит.

И ты, прощаясь у ворот,
Косоворотки ворот рвал.
И в поцелуях жадных рот
Мне клятвы верности шептал.

Мы были преданы любви,
Но преданы любовью мы;
Дорогой пыльной, дорогой,
Ушёл ты, с фразою пустой.

Так вспомни милую свою;
Тебя милую я, люблю.
К чему я плачу? Тем плачу
Утасшей памяти лучу.

Мне душу не терзай, прошу,
Давно сама я в ней душу
Вспоминанья юных дней:
Среди священных гор ручей

Унёс мой стон, девичий стыд;
Адат черкешенкой забыт;
Дорога длинная в село,
Где ждали все тебя давно;

Меня ты за собой позвал...
И не один нас скрыл провал;
И братья зря меня искали
На незабытом перевале...

Мне запал в сердце миг любви;
Прошу тебя, ты сбереги
Далёкой юности запал,
Когда ты к утру засыпал.

Засыпал в памяти моей
Снежок жару июльских дней,
Лишь в несусветную грозу
Утру случайную слезу.

Уже всё уже путь назад;
Пропасть на нём не даст адат.
Бездонна пропасть забытья –
В ней тихо сгинет боль моя.

Я слезу с давнего былля,
И окупётся боль моя
В слепящей сини бирюзу
Размытой памяти слезу.

Во времени дыру ты проруби,
В ней боль мою и слёзы утопи,
И в этой проруби
 пусть для тебя
Исчезнет брэнность бытия...

Так, над дитём
 склонившись, мать
Слёз не смогла в себе сдержать;
Обычай гор решив сломать,
Покорно мужа стала ждать.

Дуэт

Нас не сводили мать, отец,
Не прихоть нас соединила,
А по велению сердец
Друг другу стали мы любимы;
Нам не судьба дала ту встречу,
И не гадалка намудрила;
Тоску сердечной раны леча –
Разлука нас соединила;
Нет, не вернёмся мы туда,
Где уготована судьба
Нам в одиночестве постылом
Мечтать о встрече с милой,
 с милым...

Я стану старой, некрасивой...

– Ты будешь мне
 желанной, милой
И в этих днях, когда и я
Таким же стану, жизнь моя,
Я буду старым, некрасивым...

– Ты будешь мне
 желанным, милым
И в этих днях, когда и я
Такой же стану, жизнь моя.

Зимний менуэт

Когда еле-еле
Средь сумрачных елей
Мелькнёт серебристый
Её силуэт,
На ветви ложится
Иней пушистый
И Мавка согреться
приходит ко мне.
Как будто во сне
Там на поляне,
Как в сумрачном зале,
Танцем в тумане
Вдвоём менуэт...
Старомодный менуэт;
Грациозный менуэт;
Шаловливый менуэт.

Избушка моя
Затаилась в сторонке,
Пугливой девчонке
Её не видать
Средь белых ветвей.
И медленным шагом,
С лёгким обманом,

Мавку веду я
К избушке моей.
Там в сумрачной зале,
Как на поляне,
Танцуем в тумане
Вдвоём менуэт...

Старомодный менуэт;
Грациозный менуэт;
Шаловливый менуэт...

Мне отчего-то жаль,
что на дворе весна;
в избе царит тепло –
красивая печаль
как изморозь на ветке,
легка и холодна...
Гостинец мой соседке
позёмкой замело...

Мне отчего-то жаль
последних дней мороз;
дни инеем легли
на ветви, как вуаль.
И в тяжесть верь – не верь
Души увядшей грёз...
Но хлопнет в сенях дверь –
Предвестница любви...

Мне отчего-то жаль,
что распрямить не смог
прогнувшихся ветвей;
как старенькая шаль
согреть уже не может
продрогших гостью ног...

Огонь камина множит
желанья всё нежней...

Весна – несчастная Зима,
что полюбила Лето...
А Осень от Зимы
отгородила Лето.
От злости пожелтела,
от ревности пожухла,
Что от дождей дорога
к Зиме в грязи разбухла.

И Лету не пробраться
к красавице Зиме.
А Лето так мечтает
о зимней белизне.
Так хочется прохлады
и даже – чуть-чуть стужи...
Но Осень на пути
нагромоздила лужи.

Ах, Лету б оглянуться
и вслушаться в капель,
в журчание ручьёв,
весенних звуков трель...
Но Лето догадаться
не может, что Весна –

обращена любовью
его мечта – Зима.

Я обречён

Я обречен
быть околдованным тобою,
моя декабрьская печаль,
когда за снежной пеленою
сокрыта сумрачная даль
залива. Даже наш приют
квадратной глыбою замёрз.
Здесь ничего уже не ждут;
И добрый дедушка Мороз
в предновогодние свои стихи
его на память не занёс...

Так за какие, Господи, грехи
я обречен быть
околдованным тобой,
моя декабрьская любовь?
Заснуть мне ночью не даёт
твой голос с трещинкою.
Боль твоей судьбы
мне в сердце льёт...
Мне б увезти её с собой,
под заполярные огни,
чтоб там, за снежной пеленой,
мне отпустил бы
Господи грехи.

Поэзия

О времени прекраснейшем любви

Несколько тихих фраз. Жест непривычный.
Взгляд безразлично-чужой. Так необычно...
Что-то случилось. Что? Что я не знаю?
Я виновата? В чём? Не понимаю.
Гаснет экран. Конец. Остановился
Жизни летящий поток. Мир изменился.

Татьяна Зуева

Краски поблекли вдруг, замерли звуки...
Миг – и проснулся страх скорой разлуки.
Время её пришло. Чувствую, знаю.
Только разлуку душа не принимает.

Чем больше узнаю его,
тем больше восхищаюсь –
Умом и добротой, и красотой души,
Натуры тонкостью. Я с ним преображаюсь...
Молюсь за здоровье его в ночной тиши...

Гений

Волшебный гений наслажденья
Приходит звёздною порой,
И страсти нежной вдохновенье
Владеет миром, правит мной.

Пою тебя, мой друг бесценный,
Живу, дышу одним тобой,
И голос сердца дерзновенный
Распоряжается судьбой.

Я к нему привыкаю, похоже,
Хотя знаю, что это негоже,
Что чужими мы будем всегда,
Встречи, проводы – блажь, ерунда,
Развлечение с пользой для дела.

Всё. Он любит поест. Полетела.

ММ

Он не любит меня совсем.
Я ему как диван в гостиной:
Посидеть, отдохнуть – а зачем
Ещё нужен предмет старинный?

Да и мне он приятен, мил –
Но не больше. К чему же тогда
Отдаю я ему столько сил,
Жду и балую иногда?

Очень просто: приносят свет,
Радость жизни заботы эти,
Прелесть тёплых лёгких бесед,
Кудри, руки, нирваны сети...

Он не только добр и умён,
Он красив, как герой Эллады,
С ним не страшно, не стыдно. Он –
Он мне отдых души, отрада.

Дай Бог горя ему не знать,
Долго, счастливо жить, достойно.
И меня иногда вспоминать,
Улыбаясь, светло и спокойно.

Я унесу с собою в вечность
Твой запах, голос, звук шагов,
Прикосновенья, бесконечность
И сладость ожидания, снов
Волшебных миражи и тайны,
Звезды паденья миг случайный
И нежность, песней песнь без слов.

Письма

Мне нельзя написать тебе: «Милый,
Мой любимый, единственный мой,
Без тебя мир бесцветный, унылый,
Хорошо мне быть только с тобой».

Я пишу о здоровье, погоде,
Где была, что купила, зачем.
О друзьях, новостях, о природе,
Что скучаю по городу М.

Но за каждой строчкой – «Целую»,
В каждой букве – надежда и боль.
Без тебя не живу – существую.
Незавидная, грустная роль.

Всё же счастлива я! Улыбаюсь
При одной только мысли о том,

Что увижу тебя. Часто, каюсь,
Все дела отложив на потом,
Улетаю на небо седьмое,
Серебристое и голубое.

«Мы будем ловить рыбу и пить белое вино...»

Мне снился сон, чудесный сон,
Как будто он в меня влюблён,
Как будто молода опять,
Мне, крайний случай, тридцать пять.

Над морем дымки нежный флёр,
Мы, как мечтала я давно,
Ловили рыбу, жгли костёр
И пили белое вино.

Я вспоминаю этот сон
И улыбаюсь... У меня
Есть тайна вечного огня
И лиры струн волшебных звон.

Когда никто не видит и не слышит,
Пою себе, как я его люблю,
Как каждый миг к нему любовью дышит.
«Продли мне жизнь! – я Господа молю. –

Продли, чтоб насладиться чувством нежным,
Которого не знала никогда,
Души полётом, таинством надежды,
Прозреньем сердца. Пусть идут года,

Наполненные счастьем ожидания
Нечастых встреч, волнением в крови... –

Останутся стихи, воспоминанья
О времени прекраснейшем любви».

Скорей бы дописать последнюю страницу,
Роман законченный на полку положить,
Тенета разорвать и вольной птицей
Продолжить путь свой. Горе – пережить!

Как начиналось всё светло и романтично!
Дорога, шёпот шин, луч солнца в волосах.
Клубились облака – так необычно,
Как-будто праздник был на небесах!

Подсолнухи цвели. Когда их вспоминаю,
Волною тёплой охватывает грудь,
Я улыбаюсь, все тревоги тают...
Былое счастье не перечеркнуть.

Калейдоскопом дней и лет промчалось время.
Восторженная страсть, мечты, надежды, боль...
Но ведь проходит всё! Исчезнет время
Страданий сердца. И – виват, Ассоль!

Вновь к алым парусам душа стремится,
Жизнь продолжается, я – вольная жар-птица!

Когда ты любишь

Лидия Сядейская

Светлая любовь

Ты свет в моём оконце,
Ты радуга зари,
Ты – в небе лучик солнца,
Я свет твоей любви.
Ты дождик в летний полдень,
Ты звёздочка в ночи,
Ты дуба крепкий корень,
Я – огонёк свечи.
Ты радость в моём сердце,
Ты сладкая печаль,
Ты в счастье моё дверца,
Я – верный твой причал.
Ты месяц в тёмном небе,
Ты – проводник в пути,
Тебе отдам себя я,
Чтоб вместе нам идти.
Я буду твоей тенью
Иль отраженьем звёзд.
Поутру лёгким пенем
Освобожу от грёз.
Мы вместе будем светом:
Ты – солнцем, я – луной.
Ты – дождиком весенним,
Я – утренней зарёй.
Ты будешь сильным ветром,
Я – радугой цветной,
Ты будешь моим мужем,
А я – твоей женой.

Когда ты любишь, не нужны слова.
Они рождаются в душе и воскресают,
Но если ты не слышишь их, тогда
Не удивляйся, сердце их не знает.
Не потому, что нечего сказать,
А потому, что спит душа молодая,
Не торопись же время подгонять,
Ведь жизнь – она чудесная такая!

Не торопись, придёт твоя пора,
И счастье своё встретишь у порога,
Любовь – лишь только сложная игра,
Ты подожди совсем ещё немного.
И расцветай под солнечным теплом,
Садовник сам найдёт к тебе дорогу,
Когда созреет выросший бутон,
В ЗАГС поведёт он деву-недотрогу.
Тогда найдутся и слова любви,
Их повторишь ты будущему мужу,
Сейчас же беззаботно ты живи,
Искать любовь совсем тебе не нужно.

На рассвете весеннего дня
Встаёт солнце над сопками белыми,
Спит ещё под снегами земля,
Не журчит ручейками весенними.
Ещё ветер любуется в снегах,
Заметая дорожки и впадины,
Иней пухом лежит на кустах,
Не видны ещё в тундре проталины.
Но уже радость в сердце живёт,
Всё застыло в немом ожидании,
И зима отступает, встаёт
По-весеннему солнышко раннее.

Звенят бокалы за столом,
Зажглись уж свечи,
И свет притушен, за стеклом
Чудесный вечер,
И льётся лёгкое вино
Рекою пенной,
А я кружусь, смотрю в окно
Снежинкой белой.
Звучит мелодия в саду,
Танцуют пары,

Снежинкой белою плыву
Над тротуаром,
Сажусь тихонько на плечо
К тебе, любимый,
Мне от любви так горячо,
Я таю, милый.
В твоих руках, как мотылёк
Заблудший, таю
Вокруг цветов, что подарил,
Как тень витаю.
И пьём мы лёгкое вино
За нас с тобою,
Искрится, плещется оно
Судьбы рекою.

Вечерние сумерки

Вечерние сумерки,
Что вы таите прекрасного?
Не видно ни зги,
Только падает снег с высоты,
Да ветер порывами
Кружит по нашему Красному,
Да рядом со мною
Идёшь потихонечку ты.
И лают собаки на скрип,
Что далёко разносится,
И эхо ночное
Заводит опять разговор,
И с тёмного неба
Звезда ко мне на руки просится,
Тяжёлая туча
Крадётся за нами, как вор.
Полярная ночь
Овладела не только сознанием,
Все силы уходят на то,
Чтобы встать и идти,
Вечерние сумерки
Светлого дня – продолжение,
В полярную ночь
После полудня могут прийти.

Малая родина

Мне родина малая снится,
И старенький домик родной,
Где трелью залиистой птицы
Меня приглашают домой.

Живя на широких просторах
Российской долины, в лесах,
Я видела окна в узорах,
Поля и деревни в снегах.

И русскую печь в каждом доме,
Журавль над колодцем, с ведром,
И баньку с печною трубою,
И старенький рубленый дом.

Там есть родники ключевые
С прозрачною вкусной водой,
Места, где луга заливные
С густою душистой травой.

Гусыни на плёсах пасутся
На зорьке у самой реки,
И дети меж ними резвятся,
На склонах сидят старики.

В кустах ивняка ходят козы,
Пастух – паренёк молодой,
Босой – топчет утречком росы,
Сбивая с травы их ногой.

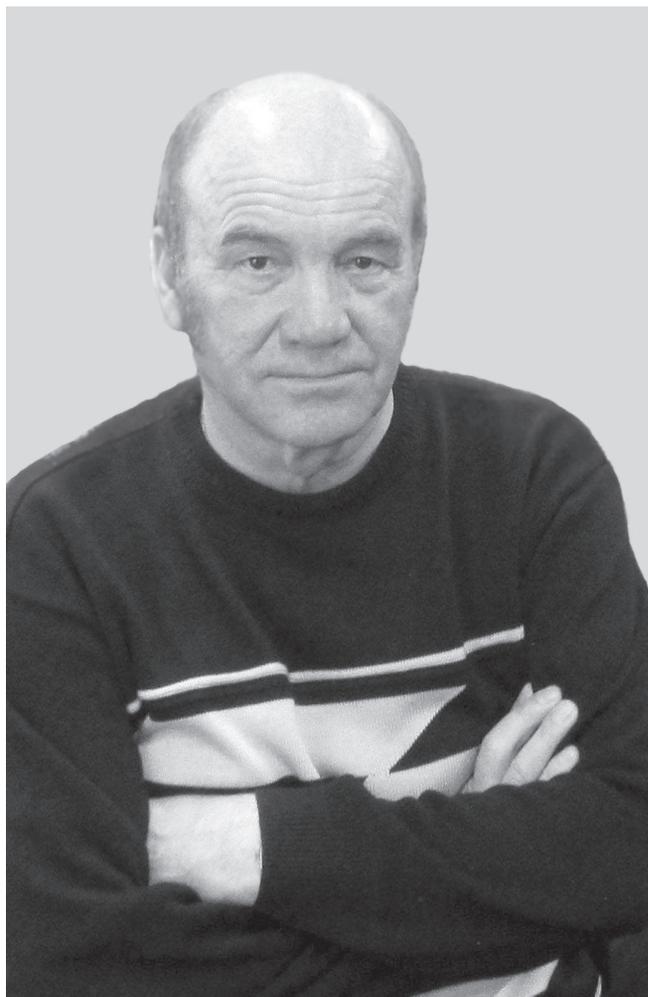
Живая картина из детства
Навеки осталась со мной,
И нет никакого здесь средства
Стереть иль забыть образ мой.

Зима

Пусть вновь трещат морозы стылым утром,
Пусть завывает ветер вьюгой злобной
По рекам и озёрам, тундре снежной,
Наметая пышные сугробы.
Я не устану ею восхищаться,
Моей прекрасной северной природой,
Не ведая другого в жизни счастья,
Любуясь первозданной недотрогой.
Она невестой предстаёт пред нами
В прохладном белоснежном строгом платье,
Холодными сияя жемчугами,
Фатою-дымкой заключив в объятия.
Прелюдия холодной зимней сказки
Пусть продолжается две трети года,
С невестой в белоснежном пышном платье
Мне расставаться вовсе неохота.
Придёт весна и дева Белоснежка
Уйдёт с большим весенним половодьем,
И на заре предстанет перед нами
Красавица-природа в новом платье.
И пусть гуляет в тундре свежий ветер,
Пусть воет по ночам, как волк голодный,
И расцветает тундра на рассвете
И оживает, скинув кров холодный.

Ностальгия

Звезда пленительного счастья

Олег Петрович сидел в кресле и тоскливо смотрел на серую муть за окном. Унылый дождь сеялся уже второй день, не переставая. Сырой ветер бил прямо в окна, и холодный влажный воздух в неотапливаемой квартире лишал его привычного уюта. Сам по себе дождь его не раздражал. Он мог в любой момент собраться и пойти, например, за грибами. С превеликим даже удовольствием: не на работу же. Только с обязательным условием: вернуться в тепло. Тепло Олег Петрович любил, а жару не переносил. Да и само слово «жар» всегда ассоциировалось у него с высокой температурой тела и градусником, а это – болезнь. Физическую боль до определённого момента можно терпеть, а заболевание уже пугает, потому что коварно и непредсказуемо.

А вот все словосочетания, образованные со словом тепло, воспринимались им как приятные, от которых тает сердце: тепло души, тепло сердец, тёплые воспоминания. И ему сразу же представлялись солнце или печка, а потом, в разной последовательности, мать, жена, дети,

Сергей Тарабукин

и все, которых принято называть таким же тёплым словом – родные.

Перефразировав известную поговорку, Олег Петрович пришёл к выводу: хоть сто раз повтори слово тепло, теплее от этого не станет. Он поёжился, плотнее запахнул халат и поджал под себя ноги для удобства и тепла. Потом уставился на экран работающего телевизора и сразу оживила в памяти «упрямая Настя» из песни Владимира Высоцкого, которая упрекала мужа за то, что тот «проникся страстью к глупому ящику для идиота». Сам он этой зависимостью не страдал, лишь изредка бывал в гостях у сказки, когда смотрел новости «по ящику». Реальная же Настя сама иногда просила включить телевизор: может уже война идёт, а мы ни ухом ни рылом. С юмором у неё всегда было в порядке.

Олег Петрович перевёл взгляд на жену, которая, подпирая подбородок кулаками, сидела за туалетным столиком и гляделась в зеркало: была у неё такая привычка. И с каким настроением она выходила из зазеркалья, такой была и погода в доме целый день. Его не напрягало, если жена вставала недовольная результатом ревизии себя любимой, проблемы начинались у него после её слов: «Я вот тут подумала...». Но, сейчас, судя по довольному выражению её лица, Олегу Петровичу ничего пока не угрожало.

Женаты они были давно, но любовь не прошла, а постепенно трансформировалась в тепло, которое до сих пор ровно грело их. Иногда, правда, градусы понижались или повышались, но никогда не зашкаливали. Выходит, за долгие годы в их отношениях хорошего всё же было больше, и это хорошее, как таблетки от давления, сглаживало амплитуду этих колебаний.

Олег Петрович продолжал искоса поглядывать на жену, гадая, о чём та сейчас думает. Но по её лицу, с задумчивой улыбкой, смотревшей в зеркало, понять было ничего нельзя. Глубина зеркала позволяла погрузиться в какое угодно пространство и время. И с кем угодно тоже.

Но вот улыбка жены стала шире, черты лица оживились, и она украдкой стрельнула глазами на мужа: не подсматривает ли, не ревнует ли к этим её виртуальным прогулкам. Затем убрала руки с подбородка и уже придирчиво начала отыскивать малейшие изменения на лице. Осмотр её, видимо, вполне устроил: она снова озорно улыбнулась своему отражению, заговорщицки подмигнула ему, затем приподняла пальчиком кончик носа и засмеялась.

Олег Петрович, всё так же незаметно со снисходительной улыбкой наблюдавший за женой, вдруг почувствовал, как откуда-то из груди поднялась горячая волна и захлестнула разум, вызвав чувство восторга и тепла. Какой-то давно забытый эпизод из далёкого прошлого настойчиво стучался в сердце, но память отказывалась ему служить. Он машинально перевёл взгляд на телевизор, и тут словно искра пробежала по жилам, резко всколыхнула память, и из «ящика» сразу же вырвался оглушающий звук, появилось изображение: река, песок и грохочущий магнитофон, вокруг которого в каком-то невысказанном танце весело бежала молодёжь.

Это не было соревнованием, кто кого перепляшет: был необузданный дикий танец молодых людей, нерастратенная жизненная энергия которых била через край. Смешиваясь с музыкой, смехом и истеричными воплями девиц, она, скручивалась в невидимую воронку, которая затягивала всё новых и новых отдыхающих, превращая происходящее в настоящий шабаш.

Там Олег Петрович увидел и себя, загорелого, лохматого, выделяющего невысказанные па в паре с какой-то небольшого росточка девчонкой в бикини с такой же лохматой стрижкой, как и у него. Она самозабвенно отдавалась танцу и её круглое лицо со вздёрнутым носиком сияло весёлой, брызжущей радостью жизни, солнца и получаемого удовольствия от танца. От девчонки исходил какой-то магнетизм, который притягивал Олега и вскоре он полностью находился под её обаянием.

В свою очередь и она, должно быть, почувствовала притягательную силу, исходящую от партнёра, и как-то удивительно легко, с удовольствием даже, доверилась этой силе. Окружённые общим биополем они с беззаботным, заразительным смехом продолжали лихо отплясывать, но их уже бессознательно влекло друг к другу огромное желание соединить свои руки, хоть на короткое мгновение, а глаза, смотревшие друг на друга, с надеждой спрашивали: «Сможешь полюбить меня? Ведь мы с тобой одной крови. Настоящие».

Магнитофон замолчал. Танец оборвался, но они, взявшись за локти, стояли, глядя в глаза друг другу, хохотали и ничего не могли с этим поделать.

Между тем жена Олега Петровича поднялась из-за стола и хотела было уже заговорить, но, взглянув на мужа, остановилась на полуслове: его глаза, подёрнутые плёнкой воспоминаний, не видели её, да и сам он был где-то далеко-далеко. Она давно привыкла к таким провалам мужа куда-то в прошлое, и каждый раз чувствовала радостное волнение: ведь невидящие глаза его, как правило, всегда были устремлены на неё, а, значит, как далеко бы он не был в прошлом, для неё всегда находилось место рядом. При этом у него была такая счастливая улыбка,

словно он только-только признался ей в любви. И так каждый раз.

Она подошла и встала напротив кресла, где он сидел. Олег Петрович поднялся ей навстречу, и так стояли они, положив ладони на сгибы локтей, и смотрели в глаза друг другу с мудрой, всё понимающей улыбкой.

«А помнишь?» – глазами спрашивал Олег Петрович жену, всё ещё находясь под впечатлением воспоминаний.

«Это было необыкновенно!» – отвечала она ему глазами же.

И было не важно, впопад ли они мыслили, но мысли эти были друг о друге независимо от виртуального времени и места, в котором пребывал в данный момент каждый из них. Если бы даже мысли их чудесным образом сошлись, единственное, что они могли бы позволить себе: вот так стоять, держась за руки, и улыбаться. Остальное было бы искусственным и ненастоящим. А у них в жизни всё было настоящее.

Чувства тоже.

Июль 2021 г.

Последний лист

Был серый, тусклый день с холодным пасмурным небом и порывистым ветром, свистевшим в ветках обнажённых деревьев и наметавшим сухого снега к бордюрам простуженных мостовых и тротуаров. Прохожих не было, а одинокая фигура мужчины, маячившая на улице, ещё больше подчёркивала сиротливую унылость города.

Мужчина в возрасте, сторбившись, еле плёлся по тротуару и ничего не замечал. Бывают минуты отчаяния, когда в душе у человека гаснет последний луч надежды, и он чувствует себя окружённым непроницаемым, беспросветным мраком. А погасил этот луч смёрзшийся, серый, тяжёлый от наслоившегося на нём песка ольховый лист, с лёгким скрежетом гонимый по асфальту холодным ноябрьским ветром. Время для мужчины схлопнулось. Все прожитые годы и всё, что с ними было связано, будто в одно мгновение сжались до маленькой точки, и этот непосильный груз, и сознание одиночества, поскольку он был бомжом и собственного дома, как такового, не имел, согнул его ещё больше и отнял последние силы. Он понял, что его иллюзорная жизнь кончилась.

– И умрёшь ты осенью с последним листом, – явственно услышал он в царапанье ненавистного листа голос цыганки.

Сейчас он уже не помнил, был ли какой-то праздник или просто выходной день. Хотя, не всё ли равно: весна же была! Тёплая и ласковая, цветущая и многоголосая. Люди выплеснулись на улицы города и нарядными ручейками стекали в парк, где их под музыку шумно и весело кружило по аттракционам. Он тоже был в этой толпе, тогда ещё совсем молодой, любил

жизнь, людей и потому щедро расточал ответные улыбки даже на самые незначительные знаки внимания от незнакомых людей, особенно женщин. Майское солнце сияло над головою, и вечная весна цвела в его сердце.

Поэтому и привлѣк он, наверное, внимание высокой красивой цыганки, увешанной бусами и браслетами.

– Ай, красавец! Позолоти ручку... Давай, дорогой, давай, красивый, погадаю! Всю правду скажу: что было, что будет...

Он, конечно же, не верил этим цыганкам, но в такой упоительный день для полноты чувств хотелось экзотики, поэтому легко согласился «позолотить ручку».

Цыганка взяла его руку, долго разглядывала, потом сказала:

– Вижу, всё вижу, касатик, про тебя... Счастья и любви будет много, но всё потеряешь... Горе вижу и лишения. Один будешь жить, но это будет твоя жизнь, греха на тебе не будет и зла не будешь держать на людей. Потом осыпятся годы твои, как листья в осеннюю пору, и умрѣшь ты с последним листом.

И, как бы взглядываясь в будущее, озвучила современная Сивилла этот, будто бы роковой для него, год.

А он особо и не вникал в её пророчества, не придавая им никакого значения, потому что она простодушно говорила про какое-то там новое тысячелетие. Забыл, залюбовавшись на цыганку, что за каждой весной идёт осень, у каждой дороги есть конец. К тому же, в настоящее время его занимали совсем другие мысли:

– Отмыть бы тебя, девка, да приодеть, – такая классная тёлка была бы!

И тут он увидел, как чуть заметная улыбка тронула губы цыганки, и понял, что его мысли не являются для нее тайной и, как ни странно, это внушило ему хрупкое доверие к ней, как сообщнице.

Потом он не раз убеждался в правдивости её слов, ибо они сбывались с пугающим постоянством.

Счастливо и в любви дожил он до нового тысячелетия, но, как и всё хорошее, белая полоса в его жизни закончилась. В вихре повседневных дел и забот он забыл о важных приоритетах в жизни и поэтому совершил много ошибок, оказавшихся роковыми. Немногие сознают своё предназначение, а оно – ключ к построению счастливой жизни. Он этот ключ потерял. А может и не было никакого ключа? Жить здесь и сейчас, радоваться каждому дню – вот и всё его предназначение? Поэтому и сломался при первом же падении, при первой набитой шишке.

В тяжких размышлениях о своей, будто бы потерянной жизни, им овладела полная безнадежность. Загнанность, безысходность искали выхода, и он без тормозов ударился в пьянство. Загул был тяжкий, беспросветный и беспмятный. Он обрелся у незнакомых людей

в захлампенных квартирах, плакался чужим людям, таким же алкашам, на свою непутѣвую жизнь. В редкие минуты просветления он сознавал глубину своего падения, но винил в этом почему-то жизнь, за то, что она с ним сделала, злобился на весь мир.

Прошло много томительных бессонных ночей и беспросветных дней, пока злость не лишилась своей силы, а вопросы – своей важности. Только тогда он признал свою вину: можно плакаться и валить всё на чужого дядю, а можно просто принять нынешнюю жизнь, как данность, и переплавить старый мир в новый. То, что сделал или не сделал, успел – не успел «в том мире», он стѣр из памяти – не судьба!

И стал бомжом. Жизнь пошла без самореализации, без успеха, но это была его жизнь: в удовольствие, пусть маленькими, зато своими радостями, где горестям, в общечеловеческом понимании, не было места. И греха на нём не было, и зла он ни на кого не держал, как, впрочем, никому и не делал, так что цыганка и тут оказалась права. Слабое, в общем-то, утешение.

Как-то осенью, через много лет, бомж забрѣл в усыпанный листьями парк, в тот самый. Атракционы уже не работали, и днём парк практически пустовал. Одинокое сидя на скамейке, он засмотрелся на водопад из разноцветных листьев. Он словно попал в сказку и долго, от души наслаждался волшебной симфонией природы, будто и не было никакой трагедии в жизни.

Внезапно, где-то в глубине сознания, возникло странное беспокойство, и что-то тревожное почудилось ему в этом плотном дожде из листьев. Их безмолвное падение вдруг стало внушать ему суеверный ужас, появилось ощущение неотвратимости надвигающейся катастрофы, невозможности избежать какой-то опасности. Вместо симфонии в ушах зазвучал реквием. Не поддаваясь панике, он начал искать причину внезапно возникшего душевного дискомфорта, а в висках пульсировало: «Осень, осень, осень...». И тут его при полной тишине вдруг придавил к скамейке голос цыганки из той далѣкой весны, где так легкомысленно и беспечно согласился «позолотить ей ручку»:

– И умрѣшь ты осенью с последним листом.

– Сбрендила, чѣртова ведьма! – в испуге ругнулся бомж. – Чушь какую-то несѣт!

Внезапно острая мысль пронзила его своей непоправимой горькой правдой: никакая это не чушь, а последнее предсказание цыганки, все другие уже сбылись. Но в близкую смерть не хотелось верить: и что с того, что осень? Что кончался год, как бы для него роковой?

И бомж, как за спасательный круг, ухватился за «последний лист» в словах цыганки. Какой последний лист? На каком дереве? Их вон сколько! Да и не все листья опадают: некоторые до весны держатся. И, как ни странно, он обрѣл покой, отнятый страхом перед смертью.

Но сказано же: от судьбы не уйдѣшь. Нерв-

ное потрясение, испытанное бомжом в парке, разрушило защитную систему организма, и последние дни он жил, преодолевая возраст и подступившие болезни. Тело, ещё недавно полное жизненных сил, перестало сопротивляться неблагоприятным условиям, в которых он жил последние годы. И вот только что покинула надежда, связанная с последним листом. Судьба.

– А закончится твоя бестолковая жизнь на дне «колодца», в теплотрассе, – посочувствовал бомжу его счастливый двойник из прошлого.

И тут такие разные чувства, как грусть-печаль по далёкому прошлому, внезапно захлестнувшая жалость к себе за бессмысленную нынешнюю жизнь, боль и горечь утрат, – эти два разных эмоциональных потока вдруг слились в его сердце, и это сердце, разбитое и изношенное, не выдержало.

За долгие годы скитаний где-то в глубине его подсознания таилось единственное желание: зажить когда-нибудь в собственном доме. Дом всегда был для него символом надёжной крепости и вечности. Да, вечности, потому что совершенно случайно, на каком-то памятнике на городском кладбище он прочитал надпись: «Вы ещё в гостях, а я уже дома».

И последней мыслью угасающего сознания было: «Вот я и дома».

Наутро дворник, убирающий территорию, был немало удивлён, не увидев бомжика, так он его называл, вылезавшим, как обычно в это время, из своей норы в теплотрассе.

Ноябрь 2022 г.

Неисповедимы пути Господни

– Я на избушку собрался, – звонит мне дед Миша, – скататься не желаешь? Посмотрим, есть ли грибы, ягоды, веников наломаем, на уху поймаем.

А мне что: не семеро по лавкам. Подпоясался – и готов!

Сарай, сколоченный из досок, который дед любовно называл избушкой, приткнулся боками к трём елям. Неприметный снаружи, внутри он имел всё для более-менее комфортного временного проживания: стол, три топчана и железная печка. Чуть в стороне от избушки стояла другая печка, символ летней кухни или беседки, часто – рестобара. Отсюда же, попив с дороги чаю, мы разбегаемся на разведку.

Я не в первый раз приезжаю сюда с дедом на лодке и неплохо ориентируюсь на местности. Но лес – это дикое пространство, где может случиться всё, что угодно. Он вызывает двойные чувства: одновременно завораживает и устрашает, потому как легко можно потеряться. Молва ходит, что в этом лесу – блуд, нечистый, значит, озорует. Знаю я этого озорника: когда-то несколько часов на одном месте кружил.

Деда Мишу я сто лет знаю и называю просто по имени, но все знакомые из-за преклон-

ного возраста зовут его дедом. Ну дед так дед! Он неконфликтный, легко сходится с людьми, любит поговорить. Да и я люблю с ним общаться: столько лет вместе работали, столько общих знакомых, а уж выпито...

Через несколько часов, закончив с делами, мы сидели за столом в патио. Ну, не закусочная же, в конце концов, не на троих же соображаем! О-о, даже ресторан, сразу повысил я статус беседки, увидев, как дед достал из корзины пятизвёздочную бутылку коньяка.

– Что празднуем? – полюбопытствовал я.

Дед поднял руку с ножом, покачал ею в воздухе, – мол, не мешай, и стал сервировать стол.

– Поставили мы как-то с Аликом, ты его знаешь, сетки на озере, и сидели вот так же, как мы с тобой, за этим столом, чай гоняли, – начал он рассказывать, в последний раз оглядев стол и разлив коньяк по стопкам. – И подходят к нам трое молодых людей: два парня и девка. Нет, не так: бросились к нам! Девка даже со слезами.

Место здесь не людное, так как попасть сюда можно только на лодке. Но мы же никакой лодки на озере не видели, и мотора не было слышно, а значит заблудились ребята. Так оно и оказалось.

Накормили мы их, чаем напоили. Только один из них почему-то всё время молчал и хмурился, даже чаю не попил.

А потом переправил я их на лодке через озеро и показал дорогу.

– И они тебе в благодарность – коньяк!

Дед заволновался и даже стопку обратно на стол поставил.

– Коньяк – это девушка, потом уже. Мне она чем-то ещё в лесу понравилась, а тут иду по городу, и вдруг кто-то с криком «Дядя Миша!» бросается мне на шею. А это она, чертовка, весёлая такая. И говорит, говорит... Когда восторг иссяк, уже сидя на скамейке, она рассказала подробности про тот случай в лесу.

– Дядя Миша, вы помните парня, который немного не в себе был и даже от чая отказался. Так-то жених мой был. Слава Богу – бывший. Задним числом можно всему оправдание найти: солнца не было, расслабились, леший закружил, не мы первые, не мы последние. Вот и мой тоже сначала не верил, что мы заблудились, а когда понял, – запаниковал, ясавэй хренов. А я ведь с самого начала знала, в какой стороне дом, но этот супермен ничего не хотел слышать. Для него я стала просто дурой, которой лучше бы заткнуться. Сильно это задело меня, и начали одолевать киношные смутные сомнения: когда это я дурой-то стала? А может он меня всегда за дуру держал? Злость какая-то появилась на него. Нет бы как-то разрядить обстановку, осмотреться, успокоиться или хотя бы по дереву постучать, но уж очень обиделась я на «дуру». И тут словно шепнул кто: испытай его. Забыла народную мудрость, что любовь, как и дружбу, не испытывают. Но любопытство взяло верх: далеко ли заведёт нас этот Сусанин.

И не заметила даже, как ласковое «мой» легко превратилось в презрительное «этот». Потом и сама перестала соображать, где мы находимся, и шла за ними, как потерянная, вся на нервах. Остальное вы знаете. А ведь любила я его, к свадьбе дело шло, а после этого случая словно прозрела.

Дед помолчал, потом заговорил снова:

– Говорят, браки совершаются на небесах. Вот я и думаю: если это так, то кто-то там! – он ткнул пальцем вверх, – был против этого брака.

Потом поднял стопку с коньяком и вместо «Ну, будем!», неожиданно спросил:

– За что выпьем?

Март 2023 г.

Поэзия

На берегах твоих, Печора

Любовь Фролова

Из шерсти валенки свалить,
А в них – такая благодать!

Летом после половодья –
Сенокосные угодья.
Ехали траву косить, –
Коровушек зимой кормить.
В лодке деревянной, налегке
Лес ловили дружно на реке.
На налимов ставили продольники.
Трудились все: и взрослые, и школьники.
1903 год. Мартин Ульсен на Печоре
основал лесозавод.

Речники, сыны поморов,
плоты сплавляли по Печоре.
Лес на экспорт пилили,
из леса жильё возводили.
Приятно плыть по Печоре – красе,
по Бушуевской косе.
Подняться по песчаному угору,
по Смекаловскому бору
С большой корзиной погулять,
белых и красноголовиков собрать.
Посмотри на их наряд, в красных шапочках
на ножках семьями в лесу стоят.
Над поляной голубельной
птички слух ласкают трелью.
Ягоды красивые, взгляд не оторвать.
На колени я склоняюсь ягоды собирать.
На берег прихожу из под угорка,
полно семилитровое ведро.

Кто не был в лагере в Диоре,
тот насекомых не привез на шевелюре.
Белый колесник ВТ-50
возил нас по речке Печоре.
А ныне детей самолетом везут
купаться на Чёрном море.
Жила в деревне мастер слова,
сказительница Голубкова.
В речке рыбка хороша.
Старушка – рыбная душа.
Скушала зельдиночку, спасибо ягодиночке.

Случалось быть на сплавах, на тоне.
Азарт рыбацкий испытать пришлось и мне.

Летний день такой прекрасный!
Утро с розовой зарёю,
Землю греет солнцем ясным,
Небо бледно-голубое.
Трели пёночки-веснянки
В сердце радость пробуждают!
Одуванчик на поляне
Нам головкою кивает.
Вот и Божия коровка
На ромашку села ловко.
Пчёлка над полянкой кружит,
Ведь с цветами пчёлки дружат,
Солнца ясного в разгар
Соберут с цветов нектар...

Мать-Печора – золотая жила,
Трудящийся народ всегда кормила.

На берегах твоих, Печора,
Иваны жили да Егоры,
Онисимы да Михайлы.
На всё у них хватало силы.
Анфисы, Парасковьи, Фали
Мужей своих благословляли.
Почётно мастером-то быть:
Дом построить, лодку сшить,
Печку русскую сложить
И корову обрядить.

В сетке рыба встрепелётся,
Страсть рыбацкая проснётся.
Здравствуй, рыба, мир наш тесен.
Килограмм в тебе все десять!

Ольховый куст, Угрависка
Красной рыбой славятся!
Казенка, Бабье озеро – ушица хороша,
А рядышком от этих мест – Устьянские бора.
На лодочке причалите, не сядете на мель.
Черника со брусникою, грибочки, голубель!
Мойбичер и Киселичное –
растёт смородина отличная!
Воспоминания и ныне ярки.
Это все от Господа подарки!
За красоту природы благодаренье Богу!

Пусть и ныне в речке рыба нерестится.
Этот миг уже не повторится.
Давно все это было, полсотни лет назад,
А ныне в магазине не тот уже азарт.
Рыбку купим без проблем пять кило,
а может семь.

Кулебяки с рыбой красной
в праздник кушать все согласны.
Стол для чая накрывай, кулебяки подавай!

У жителей болит сердечко.
Обмелела сильно речка,
Печора наша – людям благодать.
Кормилицу народную надо нам спасти!
Помогут власти без сомнения,
Пусть будет принято решение.

В памяти храню воспоминание,
Как мы, не сообщив своей родне,
В Великовисочное на бракосочетание
Решили ехать на стальном коне.

От Лабожского 10 километров.
К 16 часам не опоздать, успеть!
Нам Мендельсона вальс играли ветры
И двигатель оркестром начал петь.

Природа, как невеста, сияла белизной.
Была вся в платье снежном,
Со снежною фатой.

Был интересен молодых наряд:
Оленья малица одета на невесте,
Жених за рычагами – в совике. Был рад,
Что две судьбы в одну сходились вместе.
Так, в валенках с блестящими галошами,
Жених привёл невесту в сельсовет.
В надежде на прекрасное, хорошее,
Мы заключили без свидетелей завет.

Наивностью работников сразили наповал.
Нас поздравлял с законным браком персонал!

Обратно ехали мы мужем и женой,
Друг перед другом и пред всей страной.

Нам фары трактора дорогу освещали.
Деревья лапами нам снежными качали.
Разбужен был мотором сонный лес,
И месяц нам подмигивал с небес.
Полярная звезда в торжественном молчании
Сопровождала первое семейное свидание.

Внуку

Под родным Российским флагом
Строевым ты ходишь шагом.
Выглядишь вполне отважно
Ты в костюме камуфляжном!

В форме новой паренёк
Руку взял под козырёк.
По уставу, по приказу
Выполнишь команды сразу.

Приучают вас к порядку,
Под нагрузкою — зарядка.
Год идёт военная пора,
И перловка с мясом на ура!

Трудна армейская дорога,
Но Бог тебе дарует сил.
И мама с папой молят Бога,
Чтоб их сыночка сохранил.

Год пролетит военной службы,
И будет память об армейской дружбе.
Пусть будет в мире человечество.
С Днём защитника Отечества!

Рождество. Как много с ним надежды
Живёт в душе у каждого из нас.
На нарьянмарских улочках заснеженных
Добро и зло встречаем мы подчас.
Порой бывает в жизни очень туго,
Преследуют лавины неудач.
Желаю всем найти такого друга,
Кто успокоить мог бы сердца плач.
Кому излить мы сможем все тревоги,
Кто может все печали исцелить,
Чтоб к свету мог направить наши ноги
И мудростью Своею утвердить.

Ему не надо жертву, ставить свечку.
Его любовь сама горит огнём.
Ты только распахни своё сердечко,
Позволь себе идти Его путём:
«Не сплетничать, не мстить и не лукавить».
Пусть будет вечен нравственный закон,
Который во вселенной балом правит.
Поставь его на сердце как на трон.
Творец послал с небес благословенье –
Христос явился людям во плоти,
Чтоб каждый принимал сейчас решение –
Из двух дорог одну себе найти.

Я желаю вам солнца

Марина Филиппова

Родина у каждого своя,
Если говорить о том, где ты родился:
В старом доме, где рябина у окна,
Или в городе большом ты появился.
Степь, тайга, равнина, горы, море,
Поле, тундра, дождик, солнце, снег...
Родина у каждого своя,
И есть Родина одна у всех!

От злого слова сердце береги,
Оно как пуля, ранит глубоко
И разрывает сердце изнутри,
А заживает долго, нелегко.
От зла старайся душу убережь,
Ведь жизнь пройдёт – заметить не успеешь,
Как злоба душу изнутри сожрёт.
Коль справиться ты с нею не сумеешь.
От бед родных старайся оградить,
Дари тепла прекрасные мгновенья.
Ведь дни летят, их не остановить...
Дай Бог тебе на это всё терпенья.

Земляки! Я желаю вам солнца,
Пусть тепло согревает ваш дом,
Чтобы зависть, зло и несчастья
Никогда не ходили кругом.
Счастье мимо пускай не проходит,
Пусть не молкнут детей голоса,
И пускай над родимой сторонкой
Не померкнут сиянья цвета!
Я желаю, чтоб край наш богатый
Честным, добрым был славен трудом!
Я своими горжусь земляками,
Согреваясь их добрым теплом!

Осень – шустрая девчонка с золотой косой.
Ты куда? Постой немножко,
Я сейчас возьму лукошко,
Ну и в лес с тобой.

Осень листья разбросала по тропе лесной.
Вижу гриб, ещё семейка
Под пеньком, как под скамейкой.
Притаились, спрятались.
Их возьму с собой.

Осень – рыжая подруга, из листвы венок.
По тропе шагаем в ногу.
Что ж, показывай дорогу,
Мы с тобой неплохо, осень, провели денёк.

Я опять во сне к тебе приду,
Дурные сны руками разгоню.
Посижу с тобою рядом на кровати.
Взглядом заключу в свои объятия.
Было всё у нас: и боли, и терзания,
Мерили любовь мы расстоянием,
А теперь, как в старой доброй песне,
Хоть во сне, но мы с тобою вместе.
Нежно за руку тебя возьму,
Не отдам тебя я никому.
Сердцем, разумом, улыбкой, взглядом –
Мы теперь всегда с тобою рядом.
Вот рассвет уже в окно стучится.
Улечу из сна я синей птицей,
Чтоб предстать перед тобою во плоти.
– Милый, просыпайся! И прости!

О самом душевном и простом

Наталья Чурова

Постучался в окно тихий август.
Пригласил на свидание с осенью.
Не спеши, ещё солнцем побалуй
И коврами цветов, что россыпью.
Позади разноцветное лето
Улыбается мне на прощание.
Нежным солнцем душа согрета.
Была встреча, и вдруг расставание...
Подари мне, август, на память
Букет ярких цветов и рассветы.
Буду снова и снова ждать я
И встречать короткое лето.

Звучит тихая грустная песня.
Осень струны перебирает...
Подбирая аккорды для вальса,
Листопад танцевать приглашает.
Клён вальсирует плавно с берёзкой,
Золотистые листья роняя.
Ясень танго танцует с рябинкой,
Янтарём ковёр украшая.
Но смолкает мелодия вальса,
И танцоры наряд меняют.
В бальных платящих из атласа
Снежный вальс зимой обещают.

Каким бывает ветер?
Бывает злым и добрым.
Он иногда в ответе
За снег, за град и грозы.

Бывает он свирепым,
Бушует с дикой силой.
Бывает и чудесным
С улыбкою игривой.

Разгонит ветер тучки,
Чтоб было веселей.
И будет он попутчиком
Для яхт и кораблей.

Приносит дождик ветер,
Живительную влагу.
Он словно дамский веер.
Чудит, подобно магу.

Бураны и метели,
Друзья и братья ветра,
Ковры из снега стелют,
Шьют мягкий путь из фетра.

Но всех милее ветру,
Конечно Крайний Север.
Спешит к оленям в тундру.
Его там ждут, поверьте.

Кто сказал, что любовь – привычка?
Я не верю этому, нет.
Даже если на время разлука
И нет повода ждать букет,
Неуютно всегда, когда рядом
Нет того, с кем ты делишь тепло,
Кто вселяет одним только взглядом
В душу счастье. Да так, чтоб цвело!
Чтоб цвело бесконечно, безмерно,
Не дробилось на цветники.
Чтоб в букете цветущем, огромном
Счастье пело о нежной любви!

Я напишу стихи о светлой грусти,
О самом душевном и простом.
Меняет осень на деревьях листья,
И мы грустим о раннем и былом.

Грустим, что птицы край покинут милый,
Но ждём их возвращения домой.
И каждый раз весной говорливой
Встречаем птиц, и грусти нет былой.

Грустим, что тучи пеленают небо.
А значит дождь пойдёт холодный, злой...
Но из-за туч выходит солнце смело,
И грусть опять как ветром унесло.

Душа грустит. Ей надобно так, видно.
Грустит, тихонько мысли теребя.
Ложатся строчки на бумагу складно.
А грусть – всего лишь повод для письма.

Стучат колёсики по рельсам.
Мчит, вдохновляя, электричка.
Лечу, как облако по небу,
Спешу в края, в которых не был.
Привет, Литвиново! Усадьба,
В которой часто был Есенин.
Писал, творил, скучал немного,
Пел о России русский гений.
Пел о любви и о берёзках,
О глади дремлющих озёр,
Про сад осенний, где пылает
Любви рябиновый костер.

Дни становятся короче.
Даль туманней,
Дождик чаще.
Не грустите. Это осень
К нам пришла чуть-чуть пораньше.
Погостит она немного,
Щедро наградит дарами
И отправится в дорогу –
Вышивать ковёр снегами.

Стучит в окно холодный дерзкий ветер.
Горстями листья жёлтые швыряет.
Опять пришёл осенний долгий вечер
Без приглашенья в гости. Отворяет
Калитку старую со скрипом,
Бредёт по мокрой скошенной траве.
Перед камином посидеть он предлагает,
Вдвоем же веселее на душе.
Деревья плачут об ушедшем лете.
Грустят цветы. Дрожит река в тумане.
И лишь огонь в камине полыхает,
Как лето в ярко-жёлтом сарафане.

Я напишу тебе письмо
Из снежной и морозной дали.
Я расскажу тебе о том,
Как солнце в гости ждали.

Как ждали света и тепла,
Не торопили, знали время.
Глядели часто в облака.
Хотелось сбросить бремя.

А месяц полной темноты
Держал в плену светило.

Ни звёзд на небе, ни луны.
Ничто вокруг не мило.

Глашатай крикнул: «Отпусти!
Отдай обратно солнце!»
Но месяц вслед: «Не торопи.
Жди. Постучит в оконце».

Показалось солнышко – подмигнуло,
Лучики-реснички – распушило.
Вот моргнуло глазками – всё сверкает
И родная тундрушка оживает.
Заигрались лучики со снежинками,
Заискрился снег золотыми льдинками.
Ненадолго в гости приходило солнышко.
Золото рассыпало – всем по зёрнышку.
И за горизонтом скрылось незаметно.
Снова ждём мы солнышко непременно.

Спит река под снежным одеялом,
Копит силы до весны бурливой,
Чтоб вода звенящим переливом
Хлынула грохочущим разливом.
Чтоб омыть студёною водою
И взбодрить иголочками льда.
Влагой, что зовётся снежурою,
Сдобрить сенокосные луга.
И пробьётся молодая поросль,
Зацветёт красиво и свежо.
Каждая травинка дарит радость,
Излучает нежность и тепло.

Жизнь как тонкая нить,
И длина этой нити безмерна.
Невозможно измерить наш путь.
Нитка рвётся всё чаще, где тонко.
Если б знали, где кончится путь,
То узлов навязали б покрепче.
Только хочется ровный маршрут,
Без ухабов, без кочек, без трещин.

Но не стелется гладко дорога.
Не блестит, как натёртый паркет.
Мы бежим, спотыкаясь, и снова
Рвём узлы, снова вяжем. Зачем?
Объяснить невозможно и вряд ли
Это кто-то поймёт, разрешит...
Просто тонкие ниточки жизни
Каждый сам бережёт и хранит.

В тундру заглянуло солнышко,
Незаметно к стойбищу подкралось
И рассыпало тихонько зёрнышки –
Всё вокруг зарделось, засверкало!
Подхватили солнышко олени,
Усадили в нарты поудобней,
Чтобы путь им освещало дальний.
Солнышко, с тобой спокойней!

Доживём до весны

В декабре я уеду на юг,
Захватчу чемоданчик со звёздами.
Спрячу солнце в морозный сундук,
Ледяными украшенный розами.

В январе непременно вернусь:
Ждут друзья и, конечно же, солнышко.
Время сбросить полярную грусть –
Подойду к сундуку я тихонечко.

Поверну осторожно свой ключик,
Приоткрою чуть-чуть сундучок.
Подмигнёт, улыбаясь мне, лучик.
Просыпайся скорей, мой дружок!

Отдохнуло. Пора за работу.
Ждём на небе румяной зари.
Принимай на себя ты заботу –
Заполярный край озари!

В феврале будут вьюги, метели.
Пробивайся сквозь снег и пургу.
Знаешь, Солнышко, мы в тебя верим.
Словом добрым тебе помогу.

Растопи ледяные покровы.
Тундра милая вновь оживёт.
Не страшны никакие оковы,
Если сердце и любит, и ждёт.

Уж как солнышко высоко да подымалось.
Весну-вёснущу то солнышко
приближало нам.

Хоть морозно да студёно за окошечком,
Веселее на душе-то с красным солнышком.
Рады птицы да зверьё, да и всяк живой.
И пускай снега высоки скрыли всё собой.
Потихоньку сладит миром зима с вёсенкой,
Отогреет землю северную солнышком.

Мчатся олени быстрые,
Вздымая пушистый снег.
Вьются снежинки лучистые,
Скрывая олений след.
Слышится в тундре песня
Мудрых седых пастухов.
Радостны те мгновения –
Напутствие добрых слов.
Нарты скользят воздушные
По мягкому снежному пуху.
Несутся олени послушные
В стойбище к милому другу.

Да будет так! – воскликнула Весна.
Снега растают, птицы прилетят.
И будет жить Полярная страна
Как много сотен лет тому назад.

И солнце неустанно будет радовать.
А день и ночь уже не станут спорить,
Зачем им воробья шажок отстаивать,
Ведь победила дружба вновь в природе!

Весенний шум мы чувствуем острее.
Всё трепетнее птичьего голоса.
А в тундре на проталинках краснеет
Брусничка прошлогодняя. Зима
Её хранила от морозов жгучих.
Спасала от ветров, укрыв снежком.
Целебной ягодкой полакомятся птицы,
Спустившись на ковёр, покрытый мхом.

Зима передаёт права Весне,
Но уходить пока никак не хочет.
Весна – лишь днём хозяйка на земле,
А ночью всё ещё Зима хлопочет.
Сама устала, платье износилось.
И замок не сверкает белизной.
Весна же нарумянилась, умылась
Водой студёною из речки ледяной.

Акrostих «Картина»

Картины осени печальны, но прекрасны.
А на весенних радость бьёт ключом.
Рисуют мастерицы так изящно,
Ты полюбуйся заполярным полотном!
И вдруг увидишь птиц любимых стаю,
На родину пернатые спешат,
А осенью обратно улетают на юг,
грустит душа...

Глубокий майский день...
Прозрачна синь небесная.
А в шапках набекрень
Спят облака. Безбрежная
Им снится тундра вся в цвету,
В морошковой короне.
И наполняет высоту
Тундровый птичий гомон.

Приглашение на Север

– Крайний Север?! – дивились южане. –
Как живёте там? Холод дикий...
– Ничего. Приезжайте сами.
Вы увидите: Север – великий!
Ночей белых, небось, не видали
И сияние в небе звёздном.
А тундровые снежные дали
Удивят убранством морозным.
Приезжайте! Морошкой янтарной
Угостит тундра-матушка вас,
Одурманит багульник ядреный.
И на Север вернётесь не раз!

Внуки

Семейные портреты

Зинаида Корепанова

Как замечательно кем-то сказано: внуки – это прививка от старости. И это действительно так. С ними радостно и приятно проводить время, скучать не приходится. Со старшими внуками беседеешь, и они внимательно, уже с пониманием, слушают тебя. С младшим увлекательно играешь, гуляешь по городу, показывая местные достопримечательности. С ними будто заново мир познаёшь. В музеи, на экскурсии – ходим вместе. На творческие занятия, мероприятия – втроём!

В холода мы подкармливаем птиц, приносим еду бездомным животным: кошкам, которые живут в подвалах домов. В выходные дни все вместе выезжаем на природу! В любое время года. Сбор грибов и ягод. Игры на свежем воздухе. Походы. Ароматный, душистый чай. Напитываем организм позитивом и здоровьем.

А какое счастье, когда родные при встрече бегут ко мне, распахнув ручки. Три мои радости, солнышки, нежные, ласковые. Признаются в любви, крепко обнимают. Эмоции не пере-

дать! А ещё они дарят мне свои чудесные подарки – поделки, рисунки. Рисуют, лепят цветы, птиц – всё то, что люблю я.

Мы понимаем друг друга с полуслова. Скучаем в разлуке. Вместе едем в гости в деревню. Мне дорого то, что они с любовью относятся к моей малой родине, и с неподдельной радостью собираются в дорогу в деревню Андег.

Каждый из внуков – личность. Иван – рассудительный, много читает, добрячок, умелец, без труда собирает лего. Спортивный, занимается вольной борьбой уже пятый год, у него много наград: кубок, медали, грамоты! Любит Ваня и лыжный спорт.

Юленька ласковая. Красиво поёт. Любит танцевать. Занимается в Образцовом детском коллективе «Травушка». Девочка со вкусом, всегда замечает, во что одета я.

Младшенький ходит за мной по пятам, радуется. Показывает свой гараж машинок и книжечки с яркими иллюстрациями. На прогулках любит наблюдать за многочисленной техникой. Особенно нравится, как работают трактор, бульдозер, экскаватор. Дома продолжает игру уже со своей техникой.

Безусловно, заслуга, что они замечательные – пап и мам. Честь и хвала им. Английская мудрость гласит: «Не воспитывайте детей, всё равно они будут похожи на вас. Воспитывайте себя». Ведь как правильно сказано!

Я горжусь своими внуками и люблю их, баблую порой. Ведь время быстро летит. Незаметно вырастут, и уйдёт счастливая пора детства. Останутся у них тёплые воспоминания.

Какое счастье бабушкой быть

И с внуками жизнь снова повторить!

Внуки – это вдохновение, счастье, радость, продолжение жизни на Земле!

Весёлые уроки

Екатерина Коваль

Из библиотеки, где занимались малыши литературной группы «Шиповник», доносились громкие голоса и смех.

– Светлана Вановна, вот послушайте, что я сочинила, – сказала Иринка, вышла вперёд, подправила платице и с выражением прочла: – Мышка по полю бежала, все дрова пособирала.

– Ирочка, как же она, малюсенькая такая, дрова-то собирала? – улыбнулась Светлана Ивановна.

– Можно я, можно я? – тянул руку Петька. Не дождавшись разрешения, вскочил и продекламировал: – Ржавая cabina, колесо пробито, кузов вовсе как решето и сито.

Ребятишки залились смехом, в очередной раз напугав книжки на полках.

– Ну что же, для начала неплохо, молодцы. А теперь, хорошие мои, прочитайте-ка стихи настоящих поэтов, помните, я просила вас найти понравившееся, выучить и нам прочитать? Оленька, давай мы тебя слушаем.

Оленька встала и торжественно начала:

– Лидия Сядейская, «Белочка».

Вот диковинка какая

Прыгает по веточкам:

Золотистая лесная

Северная белочка.

– Да не золотистая, а серебристая, – пробасил Степан и расстроено добавил, – Светлана Ивановна, а чего она моё стихотворение прочитала, я тоже его учил.

– Ничего страшного, и ты прочитай!

– Нет уж, я теперь про Ольку прочитаю:

– Оля шла по мостовой, её скушал домовой! Вот! – сердито прочитал свой экспромт Степан и отвернулся.

– Стёпушка, как ты быстро сочинил, умница!

Только давай немножко изменим: Оля шла по мостовой, её встретил Домовой.

Степан, обрадовавшись похвале, повернулся к ребятам:

– А что, мне нравится.

– Вот и славно.

Петька толкнул в бок задумавшегося Вову. Тот от неожиданности поднял руку. Вообще-то ему совсем не хотелось ничего читать, ведь он не подготовился. Ладонки его вспотели, во рту пересохло, как в пустыне Сахаре. Он набрал в лёгкие побольше воздуха и начал тараторить:

– Родина, Родина, тропы оленьи... – и замолчал, опустив голову.

– Продолжай, Вова, хорошее стихотворение ты нашёл у поэта Алексея Пичкова!

Но Вова продолжал молчать. Тогда Светлана Ивановна предложила:

– А давайте подберём рифму к слову «оленьи», если угадаете, какая рифма была у Алексея Ильича, я вам прочитаю это стихотворение, оно очень красивое.

– Печенье!

– Варенье!

– От лени!

– Сомнение!

Малыши изо всех сил придумывали, и радостно, наперебой выкрикивали версии.

– Всё-всё-всё, молодцы, спасибо! Вы не угадали слово, но столько новых придумали рифм, что, конечно же, я вам прочитаю это стихотворение!

И Светлана Ивановна начала:

– Родина, Родина, тропы оленьи. Родина. В сопках родное селение...

Ребята заворожённо слушали мягко, волшебным образом звучащие слова и представляли: кто свой дом на берегу реки Печоры, кто рыбалку с отцом, кто поход с бабушкой за морошкой. А за дверью стояли ожидавшие их родители и тоже представляли: кто родительский дом, кто зимнюю рыбалку, кто вкусные бабушкины пироги, пышущие жаром...

Машина времени

Что такое осень – это небо,
Плачущее небо под ногами.
В лужах разлетаются птицы с облаками.
Осень, я давно с тобою не был.

Да, как и многим, наверно, сразу со словом «осень» вспоминается песня Юрия Шевчука. Но сейчас передо мной другая картинка. Юная, кудрявая, с хвостиками, с милой детской улыбкой она стоит в классе и смотрит в окно на благоухающий осенний школьный парк, где на скамейке сидят её бабуля и дедуля, волнуясь за первый рабочий день внучки, учительский день. Первоклашки наблюдают, не понимая, почему она вдруг замолкла.

Осень – её подруга. Юный педагог-организатор всю торжественную линейку прячет свои руки. Почему? Да потому что обожает лес, обожает сбор грибов с детства. Как она вчера старалась загрузиться домашними делами, но нет – всё равно убежала играть в прятки, как маленький пострелёныш! Это её отец научил, когда она ещё малышкой была. Однажды взял в лес, а ей хотелось с подружками играть, вот и ворчала всю дорогу: что за глупое занятие грибы собирать? Тогда-то отец и сказал, что это вовсе не безделица, а игра такая – «Прятки». Мол, они с грибами давно договорились, что я считаю тихонечко до пяти и начинаю искать. Если много их, грибов, найду, значит выиграла, а если нет – буду зимой только фото с грибами рассматривать, какие у деда есть. С того времени грибов на зиму вдвое больше запасать стали.

Вот Нину уже Ниной Петровной величают, а она до сих пор не может себе отказать в игре с волнушками да лисичками. Оттого потом и пальцы отмыть не может, что весь вечер обработкой грибов занимается.

А ещё осень – это букетик осенних листьев, это любимый дождь и лужи, которые так при-

Надежда Соколова

тягивают малышей. Какое счастье – бежать навстречу дождю, когда тёплые капли стекают по лицу! И почему взрослые пытаются тебя оставить, ведь ты мчишься по лужам и брызги летят во все стороны! Заливистый смех детей. В лужах отражается небо, солнце, весь мир!

А ещё и птицы, улетающие вдаль. Как же хочется сесть в самолёт и отправиться вслед за ними в неизведанные страны!

Первый снег или «Вальс снежинок»

«Пошёл первый снег, и почему бы не начать утро с зимней классики», – подумала я. В интернете сделала нужный запрос и... вот подарок – «Вальс снежинок» П.И. Чайковского! Зазвучала музыка. Удивительно, сотни лет изобретатели создают машину времени. А тут...

Представьте: огромный зрительный зал. С волшебного взмаха скрипичного смычка тысячи слушателей мысленно отправились в воспоминания, в прошлое. «Вальс снежинок» каждого уносил в свою зимнюю историю любви, радости, а может и разочарования.

Но светлая музыка всегда поселяет в душе умиротворение, наслаждение. У каждого свой вальс снежинок. Мой вальс на первых нотах напомнил мультфильм «Двенадцать месяцев», где зайчата и бельчата в зимнем лесу играют в чехарду и снежки. Потом перенёс в кукольный театр коллеги по творчеству, которая много лет мечтала о постановке этой сказки, и мы вместе исполнили мечту! Вспомнилось, как куклы оживали в руках юных актеров: зайчата катались с горки, задорно смеясь, а маленькие зрители, затаив дыхание, смотрели историю о маленькой падчерице с большим добрым сердцем...

Машина времени несла меня дальше в прошлое. Вот мы на буранах мчимся по зимнему искрящемуся снегу к Дому детского творчества, к моей младшей трёхлетней дочурке. Маленькая блондиночка в полосатой белорозовой шапочке и розовой курточке, светлолицая, с раскрасневшимися щечками, играет вместе с моими учениками в снежки и лепит снеговиков. Она нежно обнимает своего первого, совсем крошечного в сравнении с другими, сантиметров тридцать в высоту снеговичка. Сердце, глядя на неё, заливается счастьем.

Оттого, наверно, идут люди в концертные залы, чтобы хоть на миг вернуться в прошлое под волшебное звучание классической музыки.

Слово друзьям

Ирина Селиверстова

Уважаемая редакция Народного литературного объединения «Заполярье»! Уважаемые друзья!

Я преподаватель Архангельского торгово-экономического колледжа Селиверстова Ирина Александровна. Обращаюсь к вам со словом «друзья», потому что ощущаю огромную теплоту и радость от знакомства с тем делом, которым вы занимаетесь, – дарите нам, читателям, возможность познакомиться с уникальными людьми нашей северной земли, их добрыми и чуткими сердцами, жизненными историями, литературными талантами земляков-поморов.

Держу в руках альманах 2022 года, и сердце ликует от того, что имею честь читать произведения, собранные вашим коллективом. Могу только поклониться за такую россыпь глубоких, разных по жанру произведений, объединённых важной темой – любовью к родной северной земле, уважением к героическому прошлому Ненецкого края и его народу. Литературное творчество северян живо, оно развивается, совершенствуется, читается в альманахе, звучит на встречах самых разных людей, проникает в сердце и помогает Жить в наше сложное время, Любить и Верить! Верить в лучшее, светлое и доброе! Читая прозу, поэтические произведения, я как будто качаюсь на эмоциональных качелях, испытывая грусть, боль и невыразимое счастье от сюжетов и сочности, красоты языка произведений...

Когда-то критик В.Г. Белинский назвал роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни» девятнадцатого века. Наберусь смелости и скажу, что ваш альманах – это яркая и правдивая энциклопедия жизни уникального ненецкого народа в разные годы своего становления. Благодарю ваш коллектив за труд и подвижничество! Процветания вашему изданию! Будьте здоровы и счастливы!

Проза

Зарисовки о разном

Крылья

Все мечтают о крыльях, чтобы летать как птица. А я могу смело сказать, что они у меня есть. Я чувствую, что лечу, когда нажимаю на газ и пейзаж за окном начинает бежать. Фоном музыка по настроению. Я наслаждаюсь полётом! Хочется выжать газ в пол. Ощущение, что ты сейчас оторвешься от земли и взлетишь... Нет приятнее наслаждения!

Как легко потерять крылья. Стук! Скрежет металла... Приехала... Конечная, выходи.

Словно в тумане выбираюсь из машины, смотрю на произошедшее, на другого водителя... Мозг отказывается думать... Мне больно, плохо... Нет, я цела и мой «танк» тоже. А вот второй тачке повезло меньше. Слёзы текут сами собой. Не от боли – у меня отрываются крылья... отрываются-ю-ют... я в бессилии... вино-знаю...

Как перестать спешить? Я всё время лечу. Кручусь как белка, не успевая за своим колесом.

Не весело как-то. Беру ношу не по силам и тащу, думая, что смогу. А в один прекрасный день бах! И всё уже не в колесе, и не в седле, и не в своей колее. Я, вечно торопящаяся, с посекундными планами, вдруг сижу и никуда не тороплюсь.

Пока жду ГАИ, бесцельно осматриваю мир, проходящие машины, людей, думаю, размышляю. Всё запланированное отменено. Оказывается, это легко сделать. Раньше бы...

Ирина Маркова

Есть благородная профессия – педагог! Хотя до поры до времени я её не замечала. Но в один прекрасный день услышался голос... В тот момент я шла по коридору Дома детского творчества и выбирала кружок. Из открытой двери лился голос – светлый, радостный, будто ручеёк. Я робко заглянула. Она стояла у доски и что-то быстро говорила, мимика играла в такт словам, руки рисовали очертания предметов в воздухе. Класс слушал с замиранием сердца, как и я в дверном проёме. Выбор был очевиден, хоть я и не умела рисовать.

Дни тянулись мучительно долго в ожидании кружка. Я считала их и с нетерпением неслась в класс, чтобы вновь увидеть её! Учиться было несложно, ведь у доски был педагог, который с каждым днём всё больше вдохновлял, зажигал и поддерживал. Я с удовольствием погружалась в творчество с головой. Её мягкий, бархатный голос сопровождал в долину творчества, унося от реальности. Когда она говорила, мир терял чёткие границы, предметы оживали и преображались. Фантазия лилась рекой, омывала закоренелые мысли и разбивала на части, давая возможность проклюнуться росткам – зародышам идеи. С таким наставником не страшно осваивать новые берега в творчестве.

Спасибо, Ирина Михайловна!

Это как наказание. Нет, даже хуже, – стоит надеть ребенку очки, не знаю, как сейчас, а раньше смеялись и дразнили. Да, они некрасивые раньше были, а теперь... Теперь я выросла, никто не смеётся. Очки делают на любой вкус и кошелек. Некоторые даже хорошо зрячие люди стали их носить для стильности. Можно и пластиковые сделать, чтобы зимой к носу не примерзали, а на солнце чтобы затенялись. Казалось бы, все условия.

Но как-то раз я устала от них и решила посмотреть на мир глазами не через стекло. Думаєте, операция? Не, я трусиха. Да и очки свои люблю. Мир. Он такой чёткий, такой яркий, такой настоящий, когда в очках. Думаю, многие так думают. Но как велик соблазн посмотреть на мир другими глазами! Цвет глаз ещё можно поменять...

И вот я в линзах стою перед зеркалом. Это я или не я? Рассматриваю себя, будто знакомлюсь вновь. А у меня очень даже выразительные глаза! Я перевела взгляд. Всё такое реальное, такое настоящее и чёткое. Мои глаза стали ещё больше от удивления, я взглянула в окно, вдаль. Красота лица, детали. Мне, как художнику, этого вечно не хватает: вечно шурюсь, не вижу, а тут – ну и чудо! Как ребёнок разглядываю каждую травинку, веточку. Мир заиграл новыми красками. Он будто вышел за рамки картины... Или это я вошла в картину.

Поэзия

Когда ты в душе музыкант

Я на сцене. Немного дрожат руки.
Тихо в зале, предельно слышу свои звуки.
Сердце бьётся, душа же ушла в пятки.
Зритель хочет видеть меня яркой.

Полина Акимова

Я на сцене. Играют мои уши,
Отвечаю за то, что хочу слушать.
Руки помнят все ноты и нюансы,
Чтобы зритель в музыке купался.

Путь на сцену тяжёл и тернист, долгий.
Очень важно терпения набрать много.
Полюбить их: гаммы, этюд, прочее,
Чтоб сыграть, разбуди тебя, хоть ночью.

Шагая в жёлтой курточке,
Как будто бы листочек,
Шла серенькая уточка.
Был серенький денёчек.

Осенний дождь листвой шуршал.
Подумала: «Красиво»,
Пернатая, едва дыша
От красоты мотива.

Экспромт в ритме вальса

Зимний лес, тишина,
Ярко светит луна.
Все, кто спит до весны,
Видят тёплые сны.

Время – ночь, и сбит режим.
На часах три сорок девять.
Мы с бессонницей лежим
И не знаем, что поделать.

А бессонница – она
Очень наглая натура,
Засидится до утра –
Оно будет очень хмурым.

Можно с нею выпить чай
Или кофе – не столь важно,
Или сделать невзначай
Трёх дракончиков бумажных.

Можно также сделать то,
До чего в дневном порыве
И достаточно давно
Руки всё не доходили.

Есть магазин с названием «Рио»,
Там пёс гулял неторопливо.
Ему навстречу – пекинес,
Который хвастаться полез:
– Привет! Мне подарили мячик,
Смотри, как он отлично скачет!
А дома, вот, подушка есть,
Ещё в шкафу еды не счесть.
– Как здорово! А я – дворовый,
Ищу всё впечатлений новых.
Сегодня видел самокат,
Вчера на площади парад,
А завтра... Снова я дворовый.
Но будет впечатлений много,
Если на месте не скучать,
А мир огромный изучать.

Застолье. Вечер. Ходят люди.
А я, как самый хитрый кот, –
Увидел бутерброд на блюде
И сам себе сказал: «Вперёд!»

Я полз, как маленькая мышка,
Минуя стулья и детей.
О! Люди из столовой вышли,
Пойду-ка, заберу трофей!

А дальше было как в тумане:
Испачкавшись в тирамису,
Оставив шерсти на стакане,
Стащил-таки я колбасу!
И как обычно-то бывает,
Когда ты очень уж велик,

Кот может, что-то добывая,
Оставить множество улик.

И пусть ругается хозяин
За то, что некий обормот,
Всю шерсть свою в еде оставив,
Вину свою не признаёт.

А я смотрю на свои лапки,
На белоснежные носки...
Как вдруг дадут по уху тапком
За унесённые куски.

Печаль и радость,
Ложь и честность,
Ещё известность –
Неизвестность.

Несчастье – счастье,
Поздно – рано,
Солнце – ненастье,
Лёд и пламя.

Взлёты – падения,
Смех и слёзы,
Молчание – пение,
Жар – морозы.

Упорство – праздность,
Да и нет,
Печаль и радость.
Жизнь – момент.

В открытую форточку белой ночью
Вдруг залетел любопытный комар.
Песню свою о лесах и о кочках
Начал он петь, демонстрируя дар.

Мчал по квартире – по комнатам, кухне –
В поисках публики, то есть людей.
Пел он, старался, летая над ухом,
О стаде оленей, о стае гусей.

Но песни его людям нравились мало,
Уж очень регистр у солиста высок.
И сел он на стену, пока не поймали,
Смотреть до утра тундры красочный сон.

Опускается тихо вечер,
Серебристый падает снег.
Шепчет добрые сказки ветер.
Этих сказок хватит на всех.

Загорается рассвет,
Ничего прекрасней нет!
Наступает новый день,
Прошлое уходит в тень.

Новый день

Нина Коваль

Урожай даров природы –
Щедрой Осени привет!
Вот такой он, наш Сентябрь, –
Маг, волшебник и поэт!

Красок палитрой раскрасил все листья,
Бронзовой, алой, янтарной, кирпичной!
Краской поярче, чтоб видел весь Мир,
В стиле барокко, в стиле ампир!
К югу летящим в далёкие страны
Птицам велел собирать чемоданы.
Манят брусничкой полянки у бора,
Гроздья смородины красной и чёрной.
Лес посетить грибников зазывает,
Нынче отличных грибов урожай.

Листья сложились в красивый узор,
Радуя глаз многоцветьем!
Счастья и радости всем круглый год,
Ну и в ближайшем столетии!

Кое-что о приметах

Вышла жаба на дорогу,
Не торопится домой.
Есть народная примета –
Будет дождик проливной!

Если шубку намывает
Твой усатый котофей,
Очень верная примета –
Чайник ставь и жди гостей!

Оводы играют в небе
И подрались воробьи,
Соловей выводит трели.
Ясен перец: солнца жди!

Подражая Саше Черному

А вопросов толпа так и кружат над вами,
норовят все понять и по полкам сложить,
и замучают всех, докучая речами,
И советы, как жить нам, пытаться вручить.

Налетят, разожгут и умчатся, как рой.
Мудрый царь Соломон нам оставил заветы:
береги свой покой и с глупцами не спорь!

Время жемчужное – белый восторг!
Радуясь солнцу, простору, зиме,
Крылья расправил орёл в вышине.
Будто из сказки, где гномы и феи,
Мчит паровоз сквозь пространство и время.
Ели, кокетливо снегом шурша,
Шлейф из иголок украсили блёстками,
Словно на бал Королева Зима
Их пригласила с берёзками!

Не искали, и не звали,
Сам пришел,
Налил нам чаю,
Угостил пироженкой.
Пожелал, искрясь улыбкой
Нам всего хорошего!
Новый день – как чистый лист
книги под названьем ЖИЗНЬ!

Лампа бабушки Дарьи

Леонтий Чуров

Об авторе

Пишет рассказы о тундровиках и тундре, где провёл детство. В конце 1980-х, начале 1990-х работал фотокорреспондентом газеты «Няръяна вындер». В 2010-х активно публиковался в газете «Выбор НАО». Рассказы опубликованы в журнале «Северяне», г. Салехард.

Живёт в посёлке Красное. Глава Сельского поселения «Приморско-Куйский сельсовет» Заполярного района Ненецкого автономного округа. В 2019 году написал и издал книгу «Ветхозаветная история посёлка Красное».

В прежние времена электрическая лампочка на чорее у чума была доброй традицией. Особенно осенью. Керосинку типа «летучей мыши» вешивали в экстренных случаях, когда путники или пастухи долго не возвращались. Теперь не все оленеводы держат про запас ту самую керосинку, всё чаще её можно увидеть запылённой в охотничьих избушках. Но мой рассказ будет именно о ней. И людях, которым она когда-то светила вечерами.

Перед тем, как рассказать эту историю, любопытно будет совершить экскурс на сто лет назад и вспомнить, как привычная нам лампочка пришла в тундру.

Когда в домах использовали лучину, в чумах горел костёр. Он давал тепло и свет. Дёрганое пламя бросало на конус жилища причудливые тени, принимавшие образ сказочных героев. Парадоксально, но с приходом Советской власти в чумах стало темнее. Заботясь о быте тундровиков, большевики привезли им железные печки. Тут-то и понадобились керосиновые лампы. Обычно на чум хватало двух штук. Керосин, как и вечно ломающиеся стёкла, можно было купить – их начали поставлять.

Первые импортные мобильные электрогенераторы появились в конце 1980-х годов. В колхозе «Харп» (Ненецкий автономный округ) они были в каждом чуме, 0,6 квт хватало за глаза. Эксплуатировались они жёстко, а бензин порой был совсем не для японских движков. Часто ломались. Поэтому керосиновая лампа не покидала чум. Интересно, что ремонт диковинных агрегатов порой проводился совсем по-русски. Я помню, как брат Саша отремонтировал один из них довольно оригинальным способом. Движок станции всё время захлёбывался и глох – микроскопический, неразборный, всеми перекрученный карбюратор не справлялся. На помощь пришёл деревянный

чопик с зарубинкой, вставленный в топливный шланг. Станция «обалдела» от такого подхода, но работала ещё очень долго.

В наше время мобильные электростанции стали неотъемлемой частью каждого чума, как и налобные светодиодные фонарики. Уже можно не иметь красиво украшенной тасмы¹, а вот без налобного фонарика оленевод представить трудно. Сейчас по степени оснащённости электроприборами чум почти не уступает обычному дому. У некоторых кочевников есть даже стиральные машины. А уж о телевизорах, ноутбуках и смартфонах вообще молчу.

В детстве я часто гостил в чуме дяди Васи и дядны² Маши. Вот и в то лето был у них. Уже прошёл День оленевода, который в Ненецком автономном округе и у оленеводов-ижемцев празднуют 2 августа, в Ильин день. Меньше месяца оставалось до школьного вертолётта.

Во второй бригаде стояло два чума. Бригадиром числился Михаил Прокопьевич Канев по прозвищу КаневМиш, прошедший Великую Отечественную войну. У всех коми-ижем-

цев есть прозвища. Они не обидные, чаще состоят из имени, отчества и фамилии, иногда к ним добавляются яркие черты человека. Его супругой была Дарья Алексеевна. Она же единственная чумработница. Бабушка Дарья – так называли её все. Вырастив одиннадцать детей и бесчисленное количество внуков и племянников, она продолжала заботиться о других. Это у неё было в крови. По большому счёту бригадиром была она. С таким же успехом могла руководить и колхозом. Бабушка всегда ходила в традиционном ижемском наряде, её речь состояла из гремучей смеси русского языка и коми вперемешку с ненецкими словами.

Пастухами в бригаде были двое их сыновей Михаил и Иван. На каникулы приезжал внук Саша, на пару лет младше меня. Вот с ним вместе мы и провели то лето.

Мой дядя, которого все называли ЛеоВась, тоже прошёл Великую Отечественную. Ему было уже лет шестьдесят. Всю жизнь провёл в тундре, не курил и не пил. Дарья Алексеевна всегда ставила его в пример сыну Ивану, равняясь, мол, на крёстного.

То лето дядя Вася провёл без хозяйки. Дядна Маша осталась в посёлке.

День стал короче. Света, попадающего через макодан³, уже не хватало. Пришла пора доставать керосиновые лампы. Нашли в поклаже одну единственную. Бабушка Дарья долго и громко выясняла, куда делась вторая, кто и где её забыл. Виновные были найдены. Иван громко огрызался, супруг робко отвечал, а Михаил (МихМих) просто молчал.

На чум одной керосиновой лампы было маловато. Обычно для равномерного распределения света её подвешивали выше на шести за печкой. Для этого использовали нехитрое приспособление – вертикальную металлическую пластину с отражателем размером с чайное блюдце вставляли в кольцо. Отражатель был мутным и уже мало что отражал. Перед ним вставляли фольгу от пачки из-под чая, тогда эффекта было больше. Как-то я предложил поставить зеркало, но дядна Маша категорически это отвергла. Вспомнив про гадания со свечой, я понял, почему.

Выяснилось, что найденная лампа не пригодна для крепления на шести – её «ножка» не проходила в кольцо. На следующий день бабушка Дарья дала задание это исправить...

Жизнь на летовке шла своим чередом. Каждый день мы с Сашей ездили за дровами. Во время юркования завязывали упряжку и добирались до ближайших зарослей. Вырубая самые крупные, привозили к чуму, измельчали и складывали. В печке они горели неохотно, но других дров не было.

Пастухи в это время занимались своими делами и, как могли, подлечивали копытчатых⁴

олений. По разговорам мы поняли, что стадо собираются гнать к морю, но нас с собой не возьмут – оставят на хозяйстве. Оленям очень нужна соль. А у морской воды можно не только спастись от оводов и комаров, но и поесть солёной травы. В ней много минералов. Олени от такой пищи быстрее набирают вес, становятся здоровее.

Исторически сложилось так, что прямого выхода к морю наша бригада не имела. Но участок, отведённый у воды для кормления оленей, был. Для этого животных нужно было прогнать через территорию других бригад. Обычно пастухи уходили со стадом на пару недель. Без чума, налегке. Правда, случалось это не каждый год, а лишь когда было немного копытчатых и не донимали оводы. Ещё один фактор – грибы. Если они появлялись слишком рано, прогнать стадо, не смешав его с чужими рогаками, становилось практически невозможно.

В том году было всё в порядке, договорённость с бригадами была. К тому же на побережье можно было половить сёмгу. Обычно сетки ставили и проверяли на отливе, даже лодка не нужна. В наши времена так ловить, конечно же, запрещается.

Про лампу вновь заговорили вечером. Выяснилось, что керосина для неё осталось на пару раз, а вторая канистра – с соляжкой! Михаил Прокопьевич пытался объяснить, почему так получилось, но у Дарьи Алексеевны была своя версия. Конечно, здесь можно было бы привести весь их диалог. Но боюсь, что перевод на русский не передаст всех тонкостей шестнадцати падежей ижемского диалекта коми языка. Если же совсем кратко, смысл разговора матери с Иваном был примерно такой:

– Я вас просила взять у лётчиков керосин, когда был вертолёт на Дне оленевода. Сама ведь не пойду с канистрой. Капля в голову попадёт, и ничего вам уже не надо!

– Керосином надо было раньше запастись. И вообще, берегите сами свои лампы! Я к морю ухожу.

Дарья Алексеевна привыкла, чтобы последнее слово оставалось за ней.

– Уйдёте, но ведь вернётесь. Не на войну же собрались! А мне тут шить вам нужно, глаза совсем уже ничего не видят. Заведите себе жён, пусть они за вами присматривают!

Лампа продолжала стоять на столе в правой хозяйской стороне чума, тускло освещая левую сторону. Перед сном с правой стороны послышалось ворчание, что в чуме мало мяса и дров – вдруг дожди пойдут. С левой ответили, мол, копытчатых телят хватает, а дрова пацаны на рубят и привезут.

Утром провели большое юркование. Быков решили не оставлять. Привязали пару авок

к возам – пригодятся за дровами съездить, и лишних собак, чтобы не увязались за стадом. Пастухи собрали свой нехитрый скарб: палатки, продукты, одежду. Сетки и посуду под рыбу брать не стали. Такой нехозяйский подход насторожил Дарью Алексеевну, но ей ответили, мол, не за этим едут.

– Все с рыбой живут, кроме нас, – сердито ответила бабушка.

После обеда мужики уехали. В двух чумах остались женщины, Михаил Прокопьевич и мы с Саней. Тут-то и вернулись снова к лампе. Когда муж отказался помогать, Дарья Алексеевна подозвала меня и внука, и сказала, что надежда только на нас.

На следующий день мы с Сашей под пристальным вниманием бабушки думали над техническим решением самой острой проблемы в чуме – как вставить лампу в держатель-отражатель. На её тонкой «ножке» было блестящее колечко. По логике собравшихся там должна быть резьба. Значит, «ножку» можно открутить. Целый час мы пытались это сделать, но безрезультатно. Тогда решили действовать радикально – отпилить её. Достали из мастерского ящика трёхгранный напильник и провели «ампутацию». Казалось, сейчас заправим лампу остатками керосина, вставим в держатель, повесим повыше, и в чуме будет светло. Но не тут-то было. Дунув в «ножку» и очистив её от опилок, я увидел стгнившее дно. Переглянувшись с Сашей, мы поняли, что с этого момента в чуме вообще нет лампы. Такого поворота и позора мы не ожидали. Почему-то сразу вспомнили Ивана и его нежелание трогать эту вещь. Он явно что-то знал, но не сказал.

– Мыля эстон руз?²⁵ – недоумевала бабушка Дарья, разглядывая нашу работу.

В эту трудную для нас минуту на подмогу пришёл Михаил Прокопьевич. Он предложил чем-нибудь залить дно. Свинцом – первое, что пришло мне в голову. Дядя Вася как раз недавно научил меня расплавлять свинец без банки и практически без огня.

На деле всё действительно просто и практично. В палке или толстой ветке нужно сделать небольшое углубление. Получится что-то вроде бесформенной ложки. Положить туда кусочки свинца, бросить пару живых угольков и раздуть их. Свинец расплавится очень быстро. Его сразу можно выливать в подготовленную форму.

Мы расплавили дробь из одного патрона. Аккуратно залили в основание лампы. Свинец быстро застыл. Он стал похож на куст кораллов. Сквозь него было видно свет. Дырки решили закапать расплавленным капроновым фалом. Нашли подходящий кусок – толщиной с большой палец. Укрывшись за возом от ветра, водили чадящий дымом фал над отверстием лампы, в неё падали тяжёлые чёрные капли. Дело шло к вечеру, пора было закруляться.

Нам ещё нужно было оповестить соседние бригады о том, что стадо ушло к морю. Главным связистом у нас была, конечно, бабушка Дарья. О мобильных телефонах тогда только в фантастических романах писали. Но централизованная связь была. На главной базе колхоза «Харп» в посёлке Красное стоял свой радиозел. В отведённое время на закреплённых каналах все, кто находился на отдалённых участках – оленеводы, рыбаки, охотники, сенокосчики – выходили на связь. Утром – с 8.00 до 9.00, вечером – с 16.00 до 17.00. В эфире можно было услышать:

– Кто на связи? Я «Плут-7».

Это был позывной радиозела в Красном. Наш бригадный позывной отличался от него только цифрой – «Плут-2». Бывало, что позывные менялись. Это зависело от того, на каком канале выходишь в эфир: «Луна» или «Роса». Со временем менялись и рации: от простенького «Карата» до более мощной «Ангары». Вечной проблемой были батарейки или аккумуляторы для питания радиостанции. Они быстро садилась, отсыревали. Подзаряжать аккумуляторы в тундре было негде. Потому ухитрялись оживлять то, что было под рукой. Например, из больших круглых элементов 373 пассатижами вытаскивали графитовый стержень и замачивали в крепком соляном растворе. Такой реанимации хватало ненадолго – только чтобы выйти в эфир. Металлические батарейки обстукивали молотком, и они ещё немного работали. Аккумуляторы старались подзарядить на буровых, но те встречались редко, не на всех маршрутах бригад.

Портативные динамо-машины на треногах не любили. Их нужно было крутить с большим усилием, они противно визжали, заглушая звук из маленького динамика. Для рации нужна была длинная антенна, её роль обычно выполняли два связанных хорея. «Антенну» направляли на центральный радиозел, противовес «смотрел» в другую сторону. Он был ниже, и олени постоянно сбивали его рогами.

На сеанс связи собирались все. Было интересно услышать последние новости, например, где находятся бригады. Качество связи часто оставляло желать лучшего. Тогда каждый присутствующий выдавал свою версию услышанного. Иногда кроме шороха ничего не было слышно. Но это тоже было результатом, говорили: «К плохой погоде». Из всех бригад в эфире выделялись вторая и шестая. Штатными радистами на них были Дарья да Марья! Марья – это дядна Маша. Она была радисткой, когда они с дядей Васей ямдали в шестой бригаде. Две подружки постоянно устраивали переговоры в эфире на радость всем слушающим. В тот день голос Дарьи Алексеевны был единственным женским. Прозвучало кодовое слово о месте встречи. Кому нужно было, тот его понял.

Ужинали при свечке. Тест на герметичность показал, что наша лампа все ещё протекает. Расплавленный фал закрыл видимые дырки, но керосин бойко капал с отрезанной «ножки».

Утром мы сразу принялись за керосинку. Михаил Прокопьевич, примерив диаметр отпиленной части, стал выстуговывать из сухой палочки чопик. Хорошо, что мы не отпилили «ножку» под самый корешок. Вскоре деталь была готова.

– Совсем тонкая жестянка, – посетовал Михаил Прокопьевич на состояние лампы.

– Тряпочку внутрь положите, – не унималась Дарья Алексеевна.

– Не мешай со своими тряпочками. Лучше делом займись...

Аккуратно забитый чопик выглядел светлым пятнышком на старой керосинке. Пробная заливка показала, что ничего не протекает. Это был самый триумфальный момент за последние дни. Свершилась мечта бабушки Дарьи! Мы с Саней по-детски радовались, что тоже приняли в этом участие.

Ещё одна задача на день – добыть мясо. Вокруг чума оставались олени, больные копыткой. Бороться с этой болезнью трудно, профилактики нет. Но лечить животных нужно. Для этого полностью зачищали поражённое копыто и обрабатывали препаратами: брызгали аэрозолем «Кубатол» и ставили укол пеницилина. Обычно лечили быков, на телят не разменивались. Вот за телёнком мы с Михаилом Прокопьевичем и отправились, вооружившись винтовкой. К вечеру вернулись с мясом.

Лампа уже была на шесте, начищенное стекло блестело. Её конструкция «обросла» новыми деталями. Наш красивый чопик был обмотан тряпицей, а под ним висела пустая консервная банка! Чтобы снова не исказить падежи ижемского диалекта, перескажу диалог супругов на русском языке.

– Керосинка ваша снова потекла, – начала ворчать бабушка Дарья.

– Так деревяшка набухнет, и больше ничего капать не будет, – ответил Михаил Прокопьевич.

– А сейчас мне что делать? На продукты капает, сами кушать такое не будете.

– Ну, тряпку-то хоть убери, чтобы вони меньше было.

– Как без тряпки-то? Сразу говорила, что её туда положить надо...

Для нас же главным было то, что лампа освещала весь чум.

Через несколько дней ночью залаяли собаки. Под причитания бабушки Дарьи, зажигающей лампу, внутрь ввалился Иван.

– Что? Повесили всё-таки? – сказал он. Глаза его блестели.

– Чего по ночам ездите? – начала она ворчать. – Олени где?

– Скоро придут, – ответил он. – Там на санях прибрать нужно. Подсаночных не отпускайте, а то уйдут. Всё, я спать.

Мы с Саней вскочили, и стали лихорадочно одеваться, было любопытно, что же там на санях.

– Говорила ведь, возьмите посуду! Рыбы им не жалко, – донёлся голос бабушки Дарьи за чумом.

К обеду подтянулось подгоняемое пастухами стадо. С ними же приехал и наш ровесник из соседнего чума Костя. Хвастался, что нашёл интересные полавки и канат из жилки, теперь у его упряжки будут красивые чалаки⁶ и пелейни⁷.

Вечером собрались все пастухи. В чуме стало привычно многолюдно и уютно, хотя слегка и пахло соляжкой – тряпку из банки так и не убрали. Было много разговоров об оленях, о рыбалке, о школьном вертолёте. А потом все быстро улеглись и уснули – дорога вымотала. Последней, затушив лампу, легла Дарья Алексеевна. В тишине слышалось её шептание, но понять можно было лишь одно слово – «благодарствуй».

¹ Тасма – кожаный пояс

² Дядна – дядина жена

³ Макодан – дымовое отверстие в чуме

⁴ Копыточные олени – животные, страдающие некробациллёзом. Чаще всего эта болезнь поражает конечности, поэтому её называют «копытной», «копыткой». Животных она поражает, когда тепло приходит.

⁵ «Почему тут дырка?» – перевод с коми языка.

⁶ Чалак – костяная или деревянная пуговица на упряжке для оленей.

⁷ Пелейня – уздечка в упряжке для оленей.

Сарапан

Коми-ижемский костюм – связующая нить между прошлым и будущим.

Сарапан – так на коми языке звучит русское слово сарафан. Буква «П» для меня в этом слове – память. Расскажу о событиях, которые помогли понять, насколько важно знать свои корни.

Спускowym механизмом в деле погружения в семейную историю стал платок прабабушки Анны. Надев его на голову, захотелось завершить образ коми-ижемки, облачиться в традиционный сарапан и почувствовать себя частью рода. Разговаривая с подружкой о родословной, я узнала, что в её доме хранится старинный головной убор моей прабабушки Анны. Очень захотелось на него посмотреть, прикоснуться, согреть душу.

Прабабушку звали Анна Егоровна Рочева, в девичестве – Терентьева. Уроженка деревни Няшабож Ижемского района Республики Коми большую часть жизни прожила в Ненецком округе: сначала в Хоседа-Харде, а потом в городе Нарьян-Маре. Анна Егоровна свято следовала культуре коми-ижемцев, говорила на родном языке, всегда ходила в коми-ижемской одежде, красивом репсовом платке с бабаюр (шапочка, придающая голове красивую форму). Головной убор в жизни коми женщины был не просто логическим завершением костюма. Он как огромная ценность передавался по роду, входил в приданое, а иногда для разделения наследства такие платки разрезали и делили между сёстрами.

Незадолго перед уходом из жизни прабабушка передала моей подружке платок и бабаюр для выступлений в коми ансамбле. Анне Егоровне было важно, что эти вещи не будут лежать в шкафу, не потеряются. Подруга с радостью вернула мне семейную реликвию. Поч-

Марина Коротаева

От автора

Уроженка Ненецкого автономного округа, родилась в городе Нарьян-Маре. Окончила Нарьян-Марский педагогический колледж им. И.П. Выучейского, затем Санкт-Петербургский университет культуры и искусств. Очень люблю шить, собираю родословную.

ти через 30 лет старинный головной убор вернулся в семью. К платку срочно понадобился сарапан. С этого началось близкое знакомство с коми культурой.

Сегодня остро стоит вопрос сохранения традиций, ведь вместе с ними есть риск утратить национальные черты. Именно поэтому востребованы проекты, направленные на сбережение и воссоздание народной культуры. В этом году мне довелось поучаствовать в одном из таких проектов. Этнокультурный центр организовал открытую мастерскую «Комиён пасьгасям» («Оденемся по коми») по пошиву коми-ижемского костюма. С января по март все желающие мастерили сложносочинённый наряд под руководством опытного мастера Надежды Дуркиной и бдительным присмотром Ольги Коцюбанской. Почётный работник культуры Ненецкого автономного округа, председатель регионального общественного движения «Изьватас» Ольга Михайловна на протяжении долгого времени изучает культуру коми-ижемского народа и является признанным экспертом этой темы.

Проект не носил массовый характер, он индивидуален – чем и привлекателен. Незнающий человек не пойдёт шить национальный костюм, если у него отсутствует понимание, зачем это нужно. У меня есть определённые навыки рукоделия, но пошив коми-ижемского костюма оказался процессом достаточно сложным. Всё началось с подбора тканей для сарапана и кофты. Ткань понадобилась непростая: для сарапана – жаккард, для пошива кофты – индийский шёлк (нашла в своих запасниках, как будто ждал своего выхода!)

Пока шила, узнала много нового про коми-ижемскую культуру и язык. Познакомилась с женщинами, которые бережно хранят память о предках. Александра Степановна Пономарёва из Каратайки рассказала, как сохранила бабушкин свадебный коми костюм, по которому специалисты Этнокультурного центра воссоздают аналогичный наряд. После долгой кропотливой работы (распарывала, перешивала – особенно складки на подоле) на свет появил-

ся женский коми-ижемский костюм: сарапан, кофта-сос и фартук. Всё выдержано в традиции! Прабабушка Анна была бы довольна.

Первый выход костюма состоялся в конце апреля в том же Этнокультурном центре. Мой сарапан с ходу в карьер попал на выставку «От традиций к этностилю». Было почётно и приятно видеть свою работу среди ста других изделий признанных мастеров. Традиционные народные костюмы и наряды в этностиле, головные уборы и украшения ручной работы представили на выставке местные рукодельницы Людмила Кустышева, Надежда Дуркина, Ольга Выучейская, Людмила Зимина, Мария Красовская, а также гости из регионов Лариса Ряднова из Ростова-на-Дону, Татьяна Шеулина и Снежана Малашина из Вологды, Ирина Гаврилюк из Москвы.

Торжественное шествие сарапана продолжилось 12 июня. В этот день по призыву ЭКЦ НАО – «Надень народное на День России» все желающие облачились в национальные костюмы и прошли в дефиле по площади Марад'сей. В едином кругу собрались люди разных национальностей и во всеуслышание рассказали о своей культуре.

Дальше – больше. Международный день коренных народов я полностью провела в коми-ижемском костюме: стала участницей очередной красивой акции Этнокультурного центра «Свой среди своих». Вместе с Ненецким автономным округом 9 августа 2022 года национальный наряд надели 1 300 человек из

двадцати регионов страны. С трепетом и большим уважением представляла я коми костюм, рассказывала, что сшила его сама. На голове у меня был старинный головной убор от прабабушки Анны. Говорят, в этот день моя походка стала степенной, а посадка головы – гордой.

Поводы надеть сарапан появляются постоянно. Коми чтения «Нравственные основы традиционной культуры коми народа», межрегиональный фестиваль коми культуры «Визула ю» («Быстротечная река») и полюбившиеся нарьянмарцам песенные и танцевальные вечерки, что регулярно проводит неутомимый Этнокультурный центр. В такие моменты особенно остро ощущаешь незримую поддержку близких и чувствуешь сопричастность к важному и нужному делу. Нужному в первую очередь себе самому.

Не верите? Сарапан соврать не даст!

Сарафан коми-ижемского костюма (сарапан) является самой важной его составной частью. По покрою делится на косоклинный и прямой. Шьётся из богатой шёлковой или бархатной ткани. Длина подола – до пят, ширина – до 5 метров, носится на тонких лямках. Благодаря подъюбникам и множеству складок напоминает колокол. Женщине нужно носить его по-особенному, она должна двигаться так, чтобы сарапан чуть-чуть качался из стороны в сторону. Так талия выглядит особенно стройной, а сама женщина – ещё более статной и величавой!

Дебют

В ожидании весны

Наталья Данилова (Чувикова)

*Посвящается Жене, а также всем,
кто в меня верил и поддерживал.*

Километры... километры... километры
Расстояния тысячи – более...
А над нами разные ветры,
Оба – словно в чужой воле.

Паутин социальные сети
Не помогут – не дотянуться,
И надежды тонкие нити
Как гитарные струны рвутся.

Как во сне, ставишь утром чайник.
На стекле от дождя полосы...
Разум, чтобы не впасть в отчаянье,
Даст ответы на все вопросы.

Суета... «Не заметила, здравствуйте...»
(«Ты как ужик!» – взрывается в памяти...)

– Да, приехала... Нет, ещё в отпуске...
(«Моя радость» – и губы как в пламени)

– Эй, ты где? Что? Погода радует:
Солнце выглянуло, но ждём дождя...
(Как в тумане,
провалившись в бездонный взгляд:
– Ты чего?
И слышу: «Я ничего, просто люблю тебя...»)

Столько в этих глазах любви –
Эту нежность ни с чем не спутаешь!
Снова вечер, зажглись фонари...
Что же мы натворили, глупые!

Время лето уносит всё дальше.
Сны тревожней, и небо – ниже...
Никакой в этом нет фальши –
Расстояния не ближе...

25.08.2019

«Казнить нельзя помиловать» – сама
Поставлю запятую, ты прости...
Ты знаешь, жизнь у каждого одна,
И тот, кто любит, должен отпустить...
И отпускаю... Для того, чтоб жил.
Чтоб был любим, чтоб был согрет любовью,
Чтоб утром кто-то чаю заварил
И тихо полежал у изголовья.
«Чтоб был любим» – выводит мозг клише...
Но, вдруг проснувшись, сердце закричало:
«А кто-то здесь подумал о душе?
Иль обо мне? Давайте всё сначала!»
«Казнить нельзя помиловать» – кого:
Тебя? Себя? Политику? Проблемы?
И чувства – тоже «к ногтю» – для того,
Чтоб понимали: в мире перемены!
Давай ещё на казнь закат, рассвет,
Шум моря, звёзды, горы, водопады –
Всё, что любви даёт зелёный свет –
Ведь людям-роботам всё это и не надо!
И что за казнь? Кто будет палачом?
Сама казнишь, дождавшись приговора?
Или людей молва – злословия мечом?
Или шекспировский сюжет – вражда сторон –
По рукоятку нож засадит до упора?
«Не надо казни – я уйду сама.
Оставлю память, жизнь, наполненную светом».
Чиста, вся в белом, непорочна... Ты – Зима?
Но лишь улыбка мне была ответом...
20.10.2019

Баллада

Сквозь моря, океаны
Из заснеженных гор,
Сквозь снега и туманы,
Сквозь тайги разговор,
Сквозь метели и вьюги
В вольный тундры простор,
Чуть живая, однажды
Прилетела Любовь.

Тихо села на камень,
Уронив два крыла,
И спросила устало:
– Это ты позвала?
Я летела сквозь бури,
Выбиваясь из сил.
Мои крылья упали:
Подлечи, приюти.

Что сказать? Что напрасно,
Мол, явилась на зов?
Смотрит месяц бесстрастно –
Он хранит разговор.
Что сказать? Очень долго,
Мол, плутала в пути:
Птицы в тундре умолкли,
Снег холодный летит...

Я присела на камень
И, вздохнув, обняла.
Та, к кому ты летела,
Уж давно умерла...
Пара выстрелов в спину –
Всё... И сердце молчит...
В неживую равнину
Хоть кричи, хоть стучи...

Но Любви не сказала
Я ни слова в ответ.
Месяц смотрит устало:
Снег забрал его свет
И алмазную россыпь
Кинул под ноги нам.
Приглашу любовь в гости –
Отдохнет пусть. А там...
11.12.2020

У каждого есть право на ошибку,
Есть право принимать за правду ложь,
На грубость – право отвечать улыбкой,
И даже спину подставлять под нож!
Есть право уходить, не хлопнув дверью,
Когда тебя бранят – не прятать взгляд,
Конечно же, есть право на доверие,
Пусть целый мир решит, что виноват!
Есть право у тебя в себе закрыться,
Доверившись однажды подлецу,
Но также право есть опять влюбиться,
Пусть не ко времени, не к месту, не к лицу!
Ты сам решаешь, веришь ли ты сплетням,
Иль всё же не опустишься до них.
Есть право, вдруг поверив сплетням этим,
Всегда спросить – без страха, напрямик.
У каждого есть право честно, прямо
Сказать кому-то: «Не люблю, прости...»,
И не участвовать в дешёвой мелодраме,
Стараясь след измены замести.
Не модно слово «честь» в эпохе этой,
Но как бы сложен ни был выбор твой,
Есть право оставаться человеком
И слушать сердце, не кривя душой.
29.03.2021

В ожидании весны

Запуталось сонное солнце
В паутине из веток берёз.
Под тягучею патокой неба
Землю дымкой укутал мороз.
Воздух чист и хрупко-хрустален,
Полной грудью его не вдохнешь –
Перехватывает дыханье,
Жалит, жжёт от холода нос.
Город тонет в облаке пара,
Что идёт от домов, от людей.
Ждем весну – зима тоже устала
От метелей и тёмных ночей.
19.03.2021

Просто жить

Бывает, слышу я с заботою слова:
А может быть достаточно чудить,
Влюбляться, рисковать, играть на грани фола?
Не по течению, а в водовороте жизни плыть,
Нырять в пучину вод,
чтоб выплыть снова?
А может, ну их: поиски себя,
Ошибки, странности, причуды?
Зачем дать сердцу вспыхнуть:
Пламя не туша, сгореть дотла...
И возрождаться, скинув пепла груды?
Нет, я не осуждаю в этом их – тех,
Чья жизнь идёт спокойно и неторопливо,
Тех, кто шагает, лишь соломку подстелив,
Кто знает, что всегда он справедлив,
И мнение его уместно,
И слова его правдивы.
Нет, не берусь судить я, просто путь другой
Был мною выбран, и я вновь готова
Ломать преграды, выросшие вдруг стеной,
Бросаться в омут жизни с головой,
Закрыв глаза, шагая в пропасть снова!
Я всё же не жалею ни о чём:
О том, что, расставаясь, вновь любила,
Что не сдавалась, споря горячо,
А проиграв, не дрогнув, уходила,
Себя не предавая в споре том.
А коли выскажет мне кто-нибудь упрек,
Что, мол, мои ошибки много значат,
Я не отвечу – людям невдомёк,
Что в тот момент я не могла иначе,
И все просчеты – лишь мой жизненный урок!
Поэтому я продолжаю просто жить!
Упав, идти вперёд, а не сидеть в засаде!
И не за что-то – просто так людей любить,
И помогать, не помня о награде,
И обязательно, хоть чуточку – чудить!
15.12.2020-25.02.2021

Одноклассникам из 11-а ГСШ, 1990

Дорогие мои одноклассники,
Ничего, что у нас судьбы разные!
Мы такие же девочки, мальчики,
Школьной юностью накрепко связаны.
Нет той школы в селе под берёзами,
Классов тех, коридоров тех памятных,
Где мечтали скорее стать взрослыми,
Где учились, чуть-чуть хулиганили...
НВП, информатика, химия
И какой-то ещё Катаяма Сэн –
Мы, конечно же, всё это выучим,
Но сейчас нам пока не до них совсем!
Пять Наташ, Света, Нади две, Леночки,
Два Сереги, Иван, Славик, Яшенька,
Аня, Ира, Марина и Нелечка,
Основательный, вдумчивый Сашенька.
Мы дружили, любили и ссорились,
И в записках делились мы тайнами,
На ходу сочиняли истории
И краснели от взгляда случайного.

На обед кто домой, кто – в столовую.
С нетерпеньем ждём школьного вечера.
На физре – полупластики новые,
А дежурный дрова носит к печкам.
В классе шёпот – все делятся новостью.
Вновь весна за оконными рамами,
И любовью, скорей, а не строгостью
Полон взгляд Валентины Ивановны.
Облака гонит ветер барашками,
Вновь урок, но ведь нам не до этого –
И ворчит недовольно наш Сашка:
«Там какая-то личность приехала...».
Вновь суббота – домой интернатские,
Мы ж на танцы опять собираемся.
И обидно мальчишке становится,
Что девчонке другой парень нравится.
Тридцать лет... Нет, не верю я времени!
Нет троих: Яши, Нади и Славика...
Пусть поймут и простят наши семьи:
Наша юность – в сердцах одноклассников!
03.02.2021

Нарьян-Мару

В морозной дымке город северных сияний.
Внезапно заморозив всех, укрыв в домах,
Резвится холод, как мальчишка на свидании
С красавицей-зимой, одетой в пух и прах.
В честь этого даёт зима закрытый бал.
Все в белом бархате нарядных туалетов.
Кружатся в вальсе парами деревья и дома
Под музыку шагов, по снежному паркету.
Хозяйка бала, заскучав от тёплых дней,
Кокетливо флиртуя, холод привлекает:
То манит сполохами глаз, то вдруг на ней
В разрезе берегов соблазном лёд сверкает.
В разгаре бал, вуалью лёгкой пар клубит.
Томимый страстию, на всё способен холод!
Подарки щедрые избраннице дарит:
Уже не мальчик он – мороз, силен и молод!
Сидящим по домам, нам, любящим тепло,
Не суждено понять порывов страсти этой.
Недолог век любви: растаять суждено
Снегам, уйти зиме, когда наступит лето.
14-19.01.2021

И в любую стужу, вьюгу и метель
В дом моих родителей мне открыта дверь.
Мамочка, родная, голосом дрожа,
Говорю спасибо, что выбрала меня.
И за всё, что знаю, что умею я,
Это всё тебе лишь и благодаря.

Скрипом под ногами белый снег притих.
Прибежать бы к маме и обнять на миг,
И твоих сединок россыпь расчесать.
Знаешь, мама, будто в детстве я опять.
28.11.2021

Вместо тысячи слов – обнимай!
Вместо шума и гама – прощай!
Вместо сотни вопросов – целуй!
Вместо злости – люби и танцуй!

Сколько в мире и так темноты.
Сколько глупой пустой суеты.
Сколько зависти, сколько вражды,
Отпусти это всё и живи!

Каждый миг наполняй лишь добром
И цени его, береги дом.
Береги своих близких, родных.
Лишь в поддержке рождается стих.

Вместо грусти скорей улыбнись.
Вместо хмурого взгляда – прижмись.
Вместо колкого слова – прими.
И за всё в мире благодари!
09.01.2022

Синебликая, златосочная.
С голубикою непорочная.
Клюквой писана, разносолая.
Ты и дикая, ты и голая.
Разноцветная и контрастная.
Ты счастливая и несчастная.
Зимой тихая, безучастная,
Летом дикая и прекрасная.
Весной скромная, молчаливая,
А в осенний день не ретивая.
Всеми красками ты стесняешься,
Догола совсем раздеваешься.
Поешь песнь свою ты тундровую,
Сочиняешь быль свою новую,
Завлекаешь к себе нечаянно.
Увлекаюсь тобой отчаянно.
Ты смотри вокруг, замечтаешься,
Как в олений мир вмиг влюбляешься.
В дом морошковый, где не виден край,
Попадешь сюда и пиши «прощай».
Теплом Севера зачаруешься
И красотою залюбуешься.
Край ветров зовёт, он приветлив к нам.
Скажет ласково: «Ань торова»* вам!

* (в переводе с ненецкого языка «Здравствуйте»)

Снег ложится на плечи мои,
На ресницах стремительно тает.
В зимний вечер родились мечты,
В зимний вечер я их отпускаю.

Столько лет снег хранил наш секрет,
Никому не давая намёка,
Каждый год посылая привет.
Где бы ни были мы, с кем и сколько.
И когда-нибудь, годы спустя,
В спешке нашей безудержной жизни,
На седой голове снег, блестя,
О секрете напомним капризно.

И мы вспомним, что где-то вдали
Друг у друга с тобою мы живы,
И как быстро проносятся дни...
Может быть, мы бы были счастливы?

Я тебе благодарна за всё!
И за то, что ты выбрал другую,
И что вдохновением для сотни стихов
Остаёшься... и я не ревную...
27.07.2015

Экспромт о Ханавэй ся

(в переводе с ненецкого «Соколиный обрыв»)

В горизонтах тундровых озёр,
Среди дикой природы в глубинке,
Открывается взгляду простор
Бесконечной свободы картинки.

И взирая на всю красоту,
Простоту непорочного края,
Принимаешь его доброту,
Всею душою его восхваляя.

Мысли, словно свободный полёт,
Разлетаются, негу внушая.
Я встречаю здесь новый восход,
На земле соколиного рая.

Пусть в рутине обыденных дней
Остаются все склоки и дразги.
У камина, в сиянье огней
Начинаешь вновь верить ты в сказки...

Спешу домой

Ольга Викторова

Об авторе

Ольга Викторова – уроженка заполярной Воркуты, однако первые поэтические строки были сложены ею на волжских берегах, в Твери. Там училась, работала, стала мамой двух детей, которых она называет своими главными и лучшими произведениями.

Обладательница Гран-при областного фестиваля авторской песни (Тверь), дипломант всероссийского поэтического фестиваля (Рязань).

В начале 2023 переехала в Нарьян-Мар, поскольку считает его лучшим местом на Земле.

Суп без соли

Суп без соли, без сливок кофе –
Пресно, горько, но нет забот.
Все без всех в самом деле – могут,
Могут, правда... Да только вот

Лучше в зеркало. Выкинь паспорт,
Он считает не ту весну.
Суп без соли? Вот так бы сразу...
Проревись. К твоему рассказу
Дай-ка горькой тебе плесну.

Если рядом, то крепче спится.
Если близко, терпима боль.
Породнились – не разродниться.
Придышались – не разлучиться.

Кофе-сливки. И суп, и соль.
Прямо в зеркало. И по-русски,
Без лукавства, себе самой:
Всем без всех в самом деле – пусто.

Два гудка: «Я спешу домой».
10.02.2023

Незначительное

Солнце тонет в студёных сумерках. Календарь
Постранично худеет, считая и их за день.
Середина зимы, и уставший пуржит январь,
Придорожным отвалом разметив от света тень.

Светофоры мигают стрелками. Маета.
Взгляд цепляет витрины яркие, все подряд.
Что-то сложнопереводимое бормотать
Продолжает с утра оживший торговый ряд.

И в обветренных лицах прочтётся едва ль уже
Нечто ценное, крайне важное, наяву...
Каждый будто в созревшем

внутреннем мятеже,

Правда, факт этот незначителен большинству.
15.01.2023

Помолчим?

Я молчу тебе навстречу, не сердись.
Разве вечер наступил, чтоб мы шумели?
Серебром виски припудривает жизнь,
Пока мимо пролетают дни недели.

Помолчим? Пусть будет авиарежим,
Сообщения извне в сети повисли.
Мы с тобой друг другу лучшие врачи,
В тишине слышны отчётливее мысли.

Я молчу тебе навстречу, чуть дыша.
Да, и пусть нас мир за дверью не услышит!
Помолчим? И я запомню, как душа
В унисон с твоей душою вместе дышит.
05.01.2023

Предноябрьское

Жухнет в предноябрье трава –
Серебром по полю разыскрилась
И стоит печальна, чуть жива.
Осень среднерусская случилась...

Молча растеряли все листы
Стройные белёдые берёзы.
Предрассветье. Небеса пусты –
Улетели. Скорые морозы.

Разворошило мысли,
Изложенные в муках
Столетия назад.

Прославленные дети
Чернильниц разномастных,
Гонимые весёлым
Проклятым сквозняком,
В сценариях давнишних
Напутали детали
Из ветхих манускриптов,
Исписанных пером.

Но разберутся ль в правдах
Незрелые потомки?
Найдутся ли среди оных
Пытливые умом?
История вершится
Лишь теми, кто пытался
И овладел с успехом
Бумажным языком.
29.03.2022

Мартовское

Подморозило. Переменчиво.
Озираясь, балует ясное.
И машины воркуют встречные,
Черно-бело- и -разно-красные.

Подморозило. Белым инеем
Окна старых домов подёрнуты,
Их могучие тени длинные
От звенящих лучей отвёрнуты.

Подморозило. А по лужицам
Дети корку, смеясь, растрескали.
И забавится им, и дружится,
И играет в дни прелестные.

Подморозило. Мартом дышится,
Вопиюще- и ярко-утренним.
И едва уловимо слышится
В каждом встречном ребёнок внутренний.
09.03.2022

Как ты

Я совсем не умею, как ты,
Написать заигравшийся свет.
На палитре смешать и разлить на холсты,
Как цветут, торопясь, полевые цветы,
Не стыдясь вопиющей своей красоты,
Как целует их нежно рассвет.

Я совсем не умею, как ты,
Написать полутени в саду.
Там в знакомый ручей ты налил чистоты,
Простоты и прохлады, и детской мечты.
По укромным местам ты попрятал мосты,
И по этим мостам я иду.
Мне такое ещё не дано,
Чтобы кисть отзывалась, шутя.

Ты проснешься с рассветом, откроешь окно.
Может, будет подарком мне чудо одно?
Пусть уляжется мягко в ладони оно,
Чтобы жизнь написать для дитя.
21.02.2022

К вечеру

Затихала – пронзительно, чисто, –
И разъяснилась, и затемнела.
Обнимала прохладой росистой
Не спеша, но голубить не смела.

Сладким мёдом разлилась по крынкам.
Разнотравьем пахнула допьяна.
Торопила девичьи косынки
Собираться, пока до тумана.

Лес темнила неровной оборкой,
Будто гласа людского чуралась.
Ни души! Августовская зорька
К вечеру почивать собиралась.
12.02.2022

В этом белом

Там, в этом белом, что-то
Спутало мыслей ясность,
Солнце на небо, в праздность,
Выкатило в субботу.

Что-то – спугнуло ветер,
Он и затих в печали.
Ели его качали
В такт через две на третью.

Ярче вспыхали краски.
Землю засеребрило.
Там, в этом белом, было
Тихо и так прекрасно!

Медленно просыпалось
И разлилось повсюду:
Там, в этом белом, Чудо,
Чудо на свет рождалось.
06.02.2022

Голосом матери

Я спою тебе голосом матери
Тем, что помнится с детских лет,
Когда тапки уснут под кроватями,
Когда в доме погасят свет.

Я спою тебе голосом девичьим,
Тем, что вечно внутри живёт,
Когда сонным укроется вечером
Этот дом, будто б нет забот.

И сквозь песню мою напомнимся
Предалёких немало зим...
Это я ли? Успеть опомниться
И нестись за собой другим!

Там мечты представлялись планами,
А весь мир был такой большой!..

Я спою тебе нежно, пламенно.
Я спою для тебя – душой!

Я спою тебе голосом матери,
Что голубит своё дитя.
Ты усни. Только обязательно
Там, во сне, отыщи себя.
20.01.2022

Не смотри

Не смотри на меня – так.
Вовсе даже и не смотри.
Вот ладонь – там где был кулак.
Что снаружи, то и внутри.

Отрицанье отринь прочь.
Для меня иной правды нет.
Вдруг что я – и могу помочь?
Вдруг не куплен ещё билет?

Каждый свой повезёт воз,
Я поводья приму те.
Не сужу, да и ты брось.
Завтра – вилами по воде.

По делянке – тележий стук,
Каждый камень на ней – любя.

Не смотри на меня. А вдруг
Ты во мне разглядишь себя?
19.11.2021

Мамочка

А ты не помнишь? Я вот помню, мамочка,
Как ты меня из садика везла
На старых-старых разноцветных саночках,
На тех, что нам соседка отдала.

А ты не помнишь? Я вот помню искорки
Снежинок, заблудившихся в платке.
И ветер помню северный, неистовый,
И огоньки оконцев вдалеке.

Тетрадок стопку, каждый вечер новую,
И у настольной лампы словари.
И книгу сказок. Перед сном. Знакомую.
Ну, да и пусть же! Мама, повтори!

Белёной печи жар. По воду валенки
На босу ногу, скоро со двора...

А ты не помнишь?
Это я!
Я – маленький!

...Я помню это. Будто бы вчера.
15.08.2021

Дебют

Ангелы не спят

Об авторе

Активист северодвинского отделения ненецкого землячества «Тосавей», одна из победительниц конкурса четверостиший, посвященных 15-летию Клуба земляков НАО.

Автобиография

Я родилась 9 января 1977 года в Нарьян-Маре. Мои родители Ольга Михайловна и Василий Алексеевич Дуркины, живут в родном городе. Они вместе уже 50 лет.

Закончила нарьянмарскую школу N 1, университет в г. Северодвинске по специальности «Социология». Замужем, есть дочь и два сына.

Немало моих стихов посвящены любимым родным. Моя жизнь очень событийна, что способствовало рождению многочисленных зарифмованных строк. Считаю своё творчество скромным, не расцениваю свои сочинения заслуживающими широкого признания. Моё творчество можно отнести к разряду бытовой поэзии, которой я делюсь со своим личным близким окружением. Хотя в моем арсенале есть несколько авторских песен в сотрудничестве с Александром Заваринским - северод-

Людмила Инчевская

винским шансонье, композитором, автором и исполнителем песен.

Вообще я человек творческий, всегда была близка к сцене, мечтала стать актрисой. С детских лет выступала на сцене. С 10 до 15 лет занималась в юношеской студии нарьянмарского Дома культуры, принимая участие в городских культурно-массовых и общественных мероприятиях.

Ещё моей отрадой был Образцовый хореографический ансамбль «Морошки», руководителем которого является Надежда Хира.

Актрисой я не стала, около 20 лет моя профессиональная деятельность была связана с кадровым делопроизводством. Разве что добрые взаимоотношения с коллегами вдохновляли на рождение рифмованных строк в их адрес или на какую-то тему. И всё-таки вне основной работы я состоялась, как банкетный ведущий, детский аниматор, кульмассовик-организатор на профсоюзном уровне и в трудовом коллективе.

Мне очень нравилось заниматься организацией и подготовкой счастливых дней рождений, свадебных событий, корпоративов и других праздничных событий. В 2021 году я окончательно ушла в сферу организации праздников. В душе я актриса, пусть в формате детской анимации и банкетной буффонады. Мне нравится перевоплощаться и играть разных персонажей.

Отношу себя к категории оптимистов, которые «крутят» нашу Землю. Вокруг меня много добрых интересных творческих и талантливых людей - это мои любимые родные, верные друзья, надёжные коллеги и партнёры.

Верю, что впереди меня, моих родных ждут яркие добрые и счастливые события. Даже если я их не зарифмую, то в любом случае улыбки и радость моих моей семьи будут главной доброй счастливой поэмой в моём сердце!

Бабушке

В память о любимой бабушке Визир Парасковье Фёдоровне

В слове «бабушка» детство и нежность,
В этом слове надежды причал,
Это памяти долгая вечность,
Для меня это весь Нарьян-Мар!

Это Калюш, шанёжки из печки,
Добрый оклик любимых внучат.
Это травы у северной речки
И в порту невысокий причал.

Это прялка и пряжа из шерсти, –
Веретено в умелых руках...
Это песни, что с бабушкой вместе
Напевали в родимых стенах.

Это игры в лото вечерами,
Это вместе пшено перебрать...
Это утро, что греет лучами,
От которых не хочется спать.

В слове «бабушка» столько заботы
И дыхания наших лугов,
Где мы с бабушкой по субботам
Брали много ягод, грибов!

Слово «бабушка» словно лекарство
От простуды, от бед и тревог.
Это внуков целое царство,
Это бабушкин рыбный пирог!

Это множество добрых событий,
Что навеки в сердце моём.
Это памяти крепкие нити
И в наследство семейный альбом.

И пусть наше прощанье с тобою
Той последней печальной весной
Будет поводом вспомнить былое,
Всё, что связано в жизни с тобой!

Пусть светла, как белые ночи,
О тебе моя память всегда!
Я люблю тебя, бабушка, очень!
Хоть и нету больше тебя!

2016

Ангелы не спят

Я знаю, ангелы не спят –
Им снов не видно, –
Они на всех любя глядят.
А нам обидно,
Что мы не слышим никогда
Их крыльев шелест,
Но чувствуем их чудеса,
И в этом прелесть.
Мы ощущаем их душой,
Мы ими дышим.
Они везде, всегда с тобой...
А мы не слышим.
И веря в светлые мечты,
В любовь и счастье,
Не надо, люди, красоту
Вам рвать на части.
Старайтесь сохранить на век
Всю эту прелесть.

Иначе может человек
Услышать крыльев шелест,
Когда у ангела они падут на землю,
То душу ангел окропит кровавой тенью.
2012

От счастливой любви

От счастливой любви не идут за порог.
От счастливой любви не бегут наутёк.
От счастливой любви не прячут глаза.
От счастливой любви светит в небе звезда.
От счастливой любви живут вопреки.
От счастливой любви не пишут стихи.
2012

Маяки

Любят не за что-то, – любят вопреки.
Как в просторы моря светят маяки,
Чтоб с пути не сбился каждый их моряк,
Чтобы не попали в беспощадный мрак.

Ведь у моря много бухт и берегов,
И глядят в бинокли сотни моряков,
Манят слева, справа, сзади, впереди
Дальним ярким светом эти маяки.

Но вопреки соблазнам путь верный моряку
Сердце лишь подскажет к родному маяку.
2012

Дождь идёт, идёт, идёт.
Каблуки стучат, стучат.
Я бегу вперёд, вперёд!
Сердце бьётся ритму в такт.

Солнца нет, и нет луны,
Снега нет, и даже звёзд.
Только тучи-корабли
Безмятежные, без гроз...

Лишь фонарь один, другой,
Освещают путь домой...
Освещают вечер.
2005

Проза

Тайный друг

Ирина Ржаницына

да и стали телефон подключать. Их было два на выбор: белый и тёмно-бордовый, оба словно переливаются, красивые. Выбрали белый.

Стоит телефон, красуется, поднимешь трубку – гудки идут. А кому звонить? Телефонов-то пока нет ни у кого. Скоро и друзья телефон поставили. Вот уж горячий был денёк: каждый хотел набрать цифры, крутя диск и, услышав на той стороне «Алло?», начать разговор. А уж когда телефон начинал звонить, все бежали наперегонки, всем хотелось поднять трубку. Баба Маня улыбнулась, так ясно представляя эту картину, как будто это было вчера. Через год каждый житель деревни желал провести телефонную точку, и, хотя эта услуга была уже платной и телефон надо было самим покупать, очередь на установку была большая.

Бабушка Маня посмотрела на стационарный телефон и вздохнула: несколько лет уже как от домашнего телефона отказались, а выбросить жалко. «Зачем деньги платить, сейчас все мобильным телефоном пользуются», – сказала дочь и подарила небольшую трубку с крупными цифрами. Сзади на корпусе телефона большая тревожная кнопка. «Это на случай, если срочно надо позвонить. Вдруг что случится, нажмёшь – и сразу мне сигнал поступит», – объяснила дочка.

Да, удобно, но не лежит душа к этой трубке. А вот домашний телефон, с диском, – это вот родной. Она даже подняла трубку, но в ней – тишина. Баба Маня вспомнила, как устанавливали его. Тогда это в диковинку было, работники местного ЭТУСа уговаривали жителей деревни бесплатно телефонных точек установить, даже аппараты дарили, но люди отказывались, словно боялись чего-то. А вот они с мужем и детьми посоветовались и решили – пусть будет. Пришли монтажники, провели провода, в стене просверлили дырку для выхода прово-

Со временем телефоны стали меняться, появились аппараты с несколькими трубками, с одной из них можно было ходить по комнатам и даже во дворе дома. Но этот, первый телефон, в семье бабы Мани берегли. Несколько раз дочери, приехав в гости, пытались выбросить аппарат за ненадобностью, но баба Маня всякий раз вставала на его защиту. Он был другом, он напоминал о прежней, счастливой жизни, когда вся семья была в сборе, он был связующим звеном, когда дети разъехались. Сколько радостных вестей получали они через телефон: внук родился, младшая дочь защитила диплом, у внучки зубик первый прорезался. Были и тревожные моменты. Когда мужа увезли на операцию, она сидела у телефона и, словно гипнотизируя, смотрела на него. А когда раздался звонок, боялась поднять трубку. «Разве можно его убрать, разве можно предать друга?», – баба Маня поймала себя на мысли,

что говорит вслух, и расправила запутавшийся провод.

Дети давно зовут переехать к ним, но она никак не могла решиться покинуть родной сердцу уголок. Сегодня как-то особенно было тяжело и одиноко. Отвлекать их звонками не хотелось: знала, насколько они все заняты. Но, видимо, всё-таки придётся готовиться к переезду. Жаль только, что этот телефонный аппарат, с которым столько всего связано, придётся оставить здесь. «Прости, дружок!», – смахнув слезу, сказала баба Маня. И вдруг телефон зазвонил.

Баба Маня как-то испуганно посмотрела, оглянулась: неужели показалось? Но телефон настойчиво продолжал звенеть. Дрожащей рукой она подняла трубку:

– Алло? – в горле пересохло, и голос её звучал сипло.

– Добрый день! Сегодня замечательный денёк, правда? – жизнерадостно произнёс кто-то. Голос был приятный и располагающий к общению.

– Простите, это кто?

– Не удивляйтесь, это ваш друг – телефон. Много лет я живу в вашем доме. Вы для меня – семья. Как я вас понимаю, дорогая моя хозяйка! Ведь когда-то меня распирало от гордости от своей значимости. Когда дети ссорились, кто первым возьмёт трубку, я испытывал радость, что играю такую важную роль в жизни вашей семьи. Сколько секретов я хранил! Сколько вместе с вами смеялся и плакал! Когда же во мне перестали нуждаться, испытал ужасные минуты боли, разочарования, одиночества. К счастью, меня оставили, пусть как сувенир, но оставили! Когда вы своими нежными руками вытирали пыль с моей поверхности, я был счастлив! Давно хотелось заговорить с вами, но боялся напугать. Сегодня же почувствовал, насколько вам плохо, и решил заявить о себе. Не грустите! Вы не одиноки! Я буду вашим собеседником! Когда выговоришься, становится легче, а слушать я привык.

Баба Маня долго не могла вымолвить ни слова. А телефон взволнованно продолжал:

– Почему вы молчите? Вам плохо? Вот потому я и боялся заговорить с вами. Скажите что-нибудь, не молчите.

– Да-да, я слышу. И не могу поверить, что это правда. Меня же посчитают за сумасшедшую, если кому расскажу.

– А вы и не говорите никому. Я буду вашим тайным другом. Когда вам будет скучно, раздастся звонок от меня, договорились? А уж темы для разговоров мы найдём. Вы же меня считаете своим другом, а друзья должны поддерживать друг друга в любой ситуации... Кто-то к вам стучится, наверное, почтальон пришёл. Не переживайте, я позже позвоню.

Баба Маня аккуратно положила трубку на аппарат и пошла открывать дверь. На пороге стояла младшая дочь.

– Мамочка, у меня выдалась незапланированные выходные, и я решила к тебе приехать, – обнимая мать, сказала она. – Когда мы с тобой говорили по телефону на прошлой неделе, мне очень не понравился твой голос, а сегодня ты молодцом, просто светишься изнутри. Я очень рада.

Баба Маня в самом деле словно помолодела: морщинки разгладились, глаза лучились счастьем.

– Не люблю я по мобильному телефону разговаривать, он голос искажает. А ты проходи, доченька, на кухню, я сейчас быстро блинчиков пожарю, с клубничным вареньем будем чай пить, как ты любишь.

Проходя мимо телефона, она погладила его и шёпотом произнесла: «Спасибо!»

– Мама, а может за эти дни соберём твои вещи и ко мне на зиму переедешь?

– Нет, доченька, никуда я не поеду. Теперь я точно знаю, что всё будет хорошо, – ответила мама и как-то загадочно улыбнулась.

Зарисовка-загадка

Вошла несмело, оглянулась. Покачивалась зелёная высокая трава, ласкаемая лёгким тёплым ветерком. Листочки на деревьях о чём-то перешёптывались.

– Не ждут меня, не ждут, – грустно подумала она.

Посмотрела на высокое голубое небо, по которому, словно нежась, медленно-медленно плыли облака-барашки, вздохнула и пошла дальше.

Мимо неё пробежала ватага ребяткишек. Они весело кричали что-то, обгоняя друг друга.

– И ваша беззаботная радость с моим приходом закончится, – опять грустно вздохнула она. Потом не спеша прошла по улочкам деревни. Почти в каждом дворе в красочных клумбах яркие цветы: петуния, календула, бархатцы, астры, хризантемы и даже гладиолусы. В некоторых дворах ароматно пахло сено в стогах.

– Да, щедрым на тепло было лето в этом году. Довольны люди. Давно замечаю, что летом люди выглядят более счастливыми, помолодевшими. И улыбка чаще озаряет их лица. Велика сила Лета! Недаром его так ждут! Как хорошо, когда тебя кто-то ждёт! Как хорошо быть нужной кому-то, – размышляя так, она незаметно дошла до опушки и присела на пенёк. – С моим приходом всё изменится: красота померкнет и люди перестанут чувствовать себя счастливыми.

От этих мыслей стало невыносимо грустно, она почувствовала себя одинокой, никому не нужной и горько заплакала. И сразу небо потемнело, набежали серые тучи, ветер усилился, полил дождь. Выплакавшись, она почувствовала лёгкость. Набрав побольше воздуха, выдохнула полной грудью – и сразу несколько листочков на деревьях пожелтели. Среди зелёной

листвы они отливали словно золотом.

– Как красиво! – услышала она звонкий радостный возглас.

Оглянувшись, увидела молодых девушек.

– Ой, а я гриб нашла, – весело воскликнула вторая.

– После такого дождичка пойдут грибки. Спасибо осени – её работа.

– Да, красавица-осень на подходе. Много нам красоты и даров принесёт.

Услышав похвалу в свой адрес, Осень (а это была она) приободрилась:

– Значит, и меня ждут с радостью! Значит, и я нужна.

Она встала, подняла голову, золотые кудри рассыпались по её плечам, и лёгкой походкой, полноправной хозяйкой пошла по лесной тропинке.

Вот половина августа прошла,
Крадётся незаметно осень в гости.
В палитре ярко краски развела
И кисти приготовила к работе.

Третьего сентября в посёлке Уемский Приморского района Архангельской области состоялся ежегодный съезжий праздник «Малинова Уйма». В этот день объявили победителей межрегионального конкурса «Нерассказанные сказки Сени Малины». Цель конкурса заключалась в том, чтобы приобщить людей разного возраста к культурно-историческому наследию Поморья, сохранению и развитию устного народного творчества и возрождению поморских традиций. Участникам нужно было написать сказку или небылицу по двум номинациям: «Новые истории старых знакомых» – сказки о Сене Малине, Перепилихе и других героях произведений С. Г. Писахова и «Расскажу всю суццу правду» – сказки-небылицы о своих родных местах.

Из нашего округа дипломы участников конкурса получили Светлана Безумова, Наталья Чупрова и Виктория Боброва. Ирина Ржаницына стала дипломантом III степени. Поздравляем!

Вот она, байка – призёр конкурса!

Ирина Ржаницына Как Сашка баб обманул

Было это давно, хлеб ещё по норме давали. Ситного мало пекли, не всем хватало, поэтому и очередь за хлебом с четырёх часов утра занимали. Первую партию хлеба завозили в центральный магазин, затем, часа через два, вторую партию везли в магазин, что на окраине села стоял, в народе его называли «маленьким». Всем хотелось купить хлеб пораньше, ведь надо на сенокосе работать до позднего вечера, а к вечеру хлеб можно и не достать, да и маленький магазин открывался позже и закрывался раньше, а самое главное, завозили туда только ржаной хлеб, а всем ситного хотелось.

Вот и сегодня, несмотря на раннее утро, у центрального магазина уже столпились женщины. Кто побоевее, нашли ящики и сели на них, кто-то облокотился о стену магазина, кому же не хватило места, чтобы сесть или опереться, стояли так или нахаживали круги. Все сплетни уже были пересказаны, о погодных

Уж появились пряди на кустах,
Покрытые осенней позолотой.
Мазки художницы видны и на цветах:
Листочки отливают рябью жёлтой.

Этюд закончить осень не спешит,
Но скоро заиграют буйством краски:
Смешает желтый с красным – сотворит
В лесу осеннем золотую сказку.

приметах тоже поговорили.

– Нам бы сюда Сеню Малину, ох повеселил бы нас, небылиц наплёл. Намедни внучка его истории читала, так ухоталась я, – сказала Нюра Михеевых.

– О, гляньте, бабоньки, у нас свой Сеня-Малина идёт, – оживлённо произнесла Фёкла Ивановна, указывая на Сашку Просвирнина, паренька лет десяти, – ишь, как чешет.

Сашка был известен тем, что искусно, но безобидно врал. За враньё его прозвали Калачом. Он быстро шёл с колхозного хлева – помогал матери по утрам.

– Сашк, а Сашк, соври что-нибудь, а? Повесели.

– Некогда мне, бабоньки, с вами балясить, в следующий раз как-нибудь, – не останавливаясь, сказал Сашка.

– Ох, порато занятой. Куды торопишься-то так?

– Да, очередь у меня занята у маленького магазина, там с вечера хлеб завезли, сёдня там ситним торговать с утра будут. Мамка на рабо-

ту шла, очередь заняла, мы вторые, вот меня и отправила пораньше, – и Сашка вприпрыжку побежал.

– Как очередь?!

– А мы-то, дуры, сидим, лясы точим.

– А я думаю-гадаю, чегой-то соседки моей нет, она ведь всегда среди первых, вот притча-то в чём – она уж, поди, там первая.

– Ой, бежим, бабоньки, может, успеем купить.

– Анна, займи на меня, когда я ишшо со своими ногами доковыляю, – поднимаясь с ящика, крикнула вслед убегающей девушке Прасковья.

Сашка тем временем, весело насвистывая, шёл к дому.

– Дед Михайло, слышал: бабы-то сёдни соревнования по бегу устроили, – крикнул он Михайлу Ивановичу, что чинил сеть во дворе соседнего дома.

– Поди врать-то.

– Вот ещё, делать мне нечего – врать. Суща правда, не веришь, сходи посмотри сам. Скоро должны будут по центральной мостовой бежать. Я бы сам с удовольствием посмотрел, да мне мамка наказала корову на выпас выпустить да братишек накормить.

– Ну, коли соврал опять, уши надеру, – сказал дед, кряхтя вставая с лавочки.

Опираясь на посох, дед Михайло поковылял к центральной мостовой. Пройдя несколько шагов, он остановился в изумлении: по мостовой, действительно, бежали женщины.

– Надо же, не соврал малец!

Первой к магазину добежали самые бойкие – Лида и Зина. Подбежав к двери магазина, они увидели огромный амбарный замок. Посмо-

трели на замок, друг на друга и давай хохотать:

– Вот ведь Сашка, сорванец, опять обманул!

– Пока очередь не сбилась, надо назад бежать.

– Не-е, пусть остальные тоже прибегут: быть обманутыми, дак всем.

Когда Сашка сидел за столом и фуркал чай, бабы, собравшись у маленького магазина, ругали его на чём свет стоит.

– Ну, попадись только нам, шельмец. Очередь-то всю сбили, тепереча без хлеба остаемся.

– Вот ведь брехун какой, а? И ведь так правдоподобно говорил. А торопился-то как, будто и впрямь опаздывал.

– Касть худа! Ой, опристала, дайте присесть куды ли. Ноги-то, видно, отробили своё, не слушаются, – причитала Прасковья.

– Ну, што, бабоньки, кто победил? – подходя к магазину, зычно крикнул дед Михайло.

– Тьфу на тебя, напужал! Орёшь как иерихонская труба.

– Ты о чём это, дед Михайло? Приснилось что ль тебе чего?

– Так Сашка-сосед сказал, что соревнования у вас по бегу.

– Вот ведь враль какой, а?! И тебя обманул. Ладно мы-то, дуры, купились, а ты-то рядом живёшь – до сих пор привыкнуть к его шуточкам не можешь.

– Бабоньки, а што его ругать-то?! Сами виноваты: «Соври, Сашка, да соври!» Вот он и соврал. Пойдём лучше обратно. Там уж, поди, пришёл кто-нибудь, придётся заново очередь занимать.

С песней в дорогу

Ирина Селиверстова

Усть-Уса, скромная и необыкновенная

«Деревня деревней. Позади семь часов пути, чтобы посмотреть небольшую деревеньку», – эта устойчивая мысль вызвала лёгкую грусть. Но так как мы ехали из Нарьян-Мара, центра Ненецкого автономного округа, не с экскурсией, а для выступления перед жителями села Усть-Уса соседней Республики Коми, чувство радости доброго дела быстро погасило уныние. А дальше было столько ярких открытий, что воспоминания о поездке остались самые богатые и красочные.

Всё началось с того, что Народный коми ансамбль «Югд шонді» Дворца культуры «Арктика» после продолжительного поиска аудитории для выступления выбрал далёкое село Усть-Уса, где говорят, знают, понимают коми язык. Тем более, что двум участницам ансамбля село было знакомо с детства. Немногие в нашем округе знают коми язык, хотя это одна из самых многочисленных народностей региона. Мало кто ходит на наши концерты, и певуньям коллектива мечталось побывать в понимающей языковой среде.

Меня заинтересовало само название – Усть-Уса, поэтому я сразу «попала на крючок». От понравившегося названия можно смело шагать к познанию. Хотелось открытий на месте, поэтому не стала в интернете искать сведения о селе и его особенностях. Так загадочнее.

В пути по безбрежной тундре

«Югд шонді» – разновозрастной коллектив, важно было устроиться в дальнюю поездку так, чтобы и доехать, и силы для сольного выступления сохранить, и обратный ночной путь преодолеть в один день. Об этом беспокоились заранее, встречались с ответственными людьми, напрягали руководителей, и в результате ехали комфортно, свободно, тепло, уютно на двух автобусах. Каждый мог и посидеть, и полежать. Водитель по первому требованию останавливался, радовался вместе с нами встречному оленю, удравшему от нас в тундру; оленеводческому стойбищу вдали; куропаткам вдоль дороги, потревоженным и взмывающим вверх, быстро исчезающим на фоне однообразной серо-белой тундры; встающему солнцу, волшебным превращающемуся из маленького шарика в розово-золотистый небесный разлив. Участницы ансамбля – люди, знающие природу тундры, рассказывали подробности обита-

ния птиц, животных, растений, очень интересно слушалось. Получается, что в этой, почти бесцветной массе вокруг, столько жизни!

В столовой на Харьяге закупили воды «Ва» из Коми и очень вкусные пироги с налимом и рисом, с картошкой и мясом. Добротные, ароматные, сытные, да просто вкусные в конце концов! Приятно. Покупатели – сплошь проезжающие на автомобилях, снегоходах, вахтовках, снегоборочных машинах мужчины, спрос на товар простой, но чёткий, ответ – тоже. Дворовая приветливая собака Гуляш встречала каждого и лакомялась угощениями.

Приём по усть-усински

По всеобщей традиции сфотографировались у композиции-стелы «Полярный круг», у шарика, как обычно говорят. Вскоре дорога повернула на Усть-Усу, и сразу всё стало по-другому. Словно свернули в прошлое. Тихо, безмашинно. Пейзаж утыкан тонюсенькими высокими елями, как рыбными скелетиками, которые едва держат огромные белые шапки снега, зачастую сгибаясь под тяжестью, но тянутся к солнцу. А тени синие-синие, как платки небесные раскинуты! Невысокая линия электропередачи, нетронутые «цивилиза-

цией» обочины, и вот мы уже въезжаем в село Усть-Уса. Улочки выются, отрисованные следами снегоходов, домики серенькие, голубенькие скромно в сугробах прячутся, поленицы разнокалиберные в каждом дворе, памятник Победы у школы, серое здание ДК в половине жилого дома... Но вот тут-то и началось приятное.

Нас встречали на улице, широко улыбаясь, пригласили вовнутрь, посадили за накрытый длинный стол, накормили. Это был стол объедения, удовольствия и чего-то ещё из далёкого детства. Суп-пюре – именно он, пушисто-коричневый, наваристо-переваристо-картофельный с маленькими аппетитными кубиками мяса и обалденным вкусом сытности, аккуратности, добропорядочного изящества. Горячая уха и бутерброды со свежей сигаовой икрой на сладкой булочке, салатик сухонький, но такой вкусный и лёгкий из хлопьев варёной картошки и рыбки без какой-либо приправы! А пирог с картофелем – не остановиться!

Потом, как по волшебству, столы были убраны, стулья расставлены, сцена предоставлена. Концерт при полном зале. Зрители даже из города Усинска приехали специально послушать нас. Пританцовывали в такт песням и дружно аплодировали. Нам и концертному ансамблю ДК «Арктика» – виртуозным музыкантам. Это было упоительно! Работники усть-усинского ДК сработали программу до мелочей – профессионализм и ненаигранное гостеприимство.

Пейзажная экскурсия

Первая экскурсия была по селу. Вышли да пошли по улочкам. Просто всё и аккуратно. Никаких профметаллических заборов замечено не было. Кто огребается, кто дрова колет. И вдруг храм из-за поворота показался, свежего дерева, блестит на солнце – это церковь Живоначальной Троицы, обновлённая, отреставрированная после испытаний 20 века, возвращённая верующим в 1990-х годах. А потом наш экскурсовод Нина Ивановна и говорит: «У нас ещё и на первом этаже люди живут». Оказалось, что дальше церкви дорога уходит резко вниз под гору к реке. Спускаешься и открывается потрясающий вид на речные просторы – река Уса впадает в Печору. И широта эта звучит гимном в душе. Красота! Не хватило разве что какого-то поэтического декламирования, чтобы проняло ещё больше.

Школа-музей – три в одном

Дальше мы шли на экскурсию в сельский музей. Выяснилось, что он находится в школе. Многие идти отказались – устали, да скоро в долгий обратный путь. Но экскурсия превзошла все ожидания! «Сегодня ребята приезжали из Усинска, сказали, что у нас странная

школа», – начала экскурсию Мария Александровна, зам. директора по воспитательной работе. Это зацепило сразу! Мы же, побывав на всех трёх школьно-музейных этажах, однозначно назвали школу – удивительной!

Представьте: на третьем этаже история древнего бытования, мир старых вещей, религиозного служения, оленеводческой культуры, военного времени. Всё только оригиналы, уникальнейшие образцы! Почти все предметы в музее можно потрогать. Особенности – в стеллажах за стеклом, но в доступе, если нужно. Музей основали два сподвижника-энтузиаста, и до сих пор горят желанием помочь, пополнить коллекцию. Этот музей – словно живой организм. И хоть всё вокруг немного несовременное, но ухоженное, облюбованное, а рассказ зажигательный, эмоциональный – только увлеченные люди могут создавать такую атмосферу и качество. В этом деле, как и в любом другом – личность решает всё. Есть человек или группа искренне и преданно увлечённых, бескорыстно и активно вкладывающихся – дело живёт и процветает. Нет – хоть позолотой выстели дорожки, а толку мало будет.

На втором этаже школы выставочный зал. На трёх стенах картины (оригиналы!) народного художника Республики Коми Василия Игнатова (1922–1998), выпускника школы. Он известен колоритными иллюстрациями коми мифов, выполненными цветными длинными мазками, работами на студиях «Союзмультфильм» и «Диафильм». И вот теперь представьте себе, что вы на перемене получаете заряд энергии, разглядывая работы мастера, вдохновляясь, ведь у настоящего художника любая картина многоговорящая, можно открывать каждый раз что-то новое.

На первом этаже – мир первобытных животных, прямо на столах лежат огромные кости, бивни, найденные на отмелях, при осыпях. Бери, рассматривай, познавай вживую! Вот же повезло малышам начальной школы! А в кабинете первого класса мини-музей букваря на разных языках и настоящая парта, гладко выкрашенная – садись и работай на ней, если хочешь. Ну полный интерактив!

Есть ещё в коридоре школы выставка макетов домов села, предприятий, даже больницы, в которой родился Валерий Леонтьев! Всё продумано, всё работает, каждый уголок помещения, выставочной композиции, ничего нет для проформы.

Уходя – портрет на фоне расписной стены с оленеводом. И предложение – есть что передать в музей – шлите по адресу «Республика Коми, село Усть-Уса, школа».

Обратная дорога звучала коми песнями на всю тундру, все восемь часов. На следующий день в школу Усть-Усы ушла посылка с книгами ненецких авторов для детей. Чтобы стать ещё роднее друг другу.

Участники и победители первого Открытого регионального конкурса авторов и переводчиков «Литературный регион 83», посвящённого 90-летию со дня рождения Проккопия Явтысого, ненецкого поэта, писателя, драматурга, художника. Тема конкурса: «Время раздумий в полярную ночь».

Номинация «Перевод»

Лидия Сядейская

п. Красное НАО

Стихотворение П.А. Явтысого «Слова матери»
Небян вада"

Вына" нинёв
Тарця вато танияэй –
Мядондамэй'
Нэна нё' син' ядэбтадэй.
Мякат тюнам'
Сяхарт' нёсь пэр" питарпюңэй".
Нюдя нювэй
Тарця ватом' теневадэй.

Мята ядём'
Тярман ниня харванаңэй –
Ңахы похот
Вында илебцм' нида мэнёв".
Яноць мякат
Пэвсюмб' тобэй ңэдалёдов,
Хувы' ңэсонд'
Таня сеңгась хаёңаёв.

Я' пой' пэртёв
Мятэй ибан' маймба тюёв,
Сёнзят ядюм'
Татодарев' ялумдадэй.
Мядондарэй
Сеят ядём' минарңаёв,
Нюдя нювэй,
Тарця ватом' теневадэй...

Перевод стихотворения «Слова матери»
Лидия Сядейская

Слово матери впитал я с малых лет,
Слышу каждое мудрое слово,
Равнодушных людей в тундре просто нет,
Жизнь течёт по тундровым законам.
Если гость у порога, то встретить его, –
Говорила мне мать на досуге, –
Пригласи в тёплый чум, подари тепло,
Позаботься о нём, как о друге.
Если вечером путник приехал в чум,
Он устал, пригласи добрым словом
И оставь ночевать, отдохнуть от дум,
Отогрей, завлеку разговором.

Пусть почувствует гость теплоту очага,
Атмосферу уютного дома,
Пусть, как искрой, его освещает всегда
Радость сердца, покой, тепло чума.
Помни, маленький сын, – есть обычай такой,
Знай его, не нарушь худым словом,
Пригласи гостя в чум, поделись теплотой,
Пусть почувствует гость тепло дома.

Номинация «Поэтическое творчество»

Светлана Коньгина

г. Нарьян-Мар НАО

Брусничным день закончился закатом,
Горящим шаром, алой полосой,
Шлейф облачный окрасил в цвет томатный
И растворился с первой звездой.
Спустилась ночь, смотря туманным взглядом
На бездны дыр за мраморной Луной,
Планеты выстроила в темноте парадом,
Поглаживая Млечный путь рукой.
Блистала ночь короной из сияний,
Морозцем лёгким прихватив поверхность луж,
Серебряную праздность одеяний
Себе оставив эхом долгих стуж.
Блистала ночь до самого рассвета,
Томатный шлейф размыла бирюза,
Чтоб с первым вздохом взбалмошного ветра
Новорождённый день открыл глаза!

Яна Конозова

ст. Кагальницкая Кагальницкого района
Ростовской области

Медведица

Медведица в ковше заваривает ночь,
Из снежных мягких шкур шьёт ветру одеяло.
И говорит ему: «Тебе рожу я дочь»,
Завязывает нить и ветер оживляет.
Медведица поёт, в ковше метёт метель
И нежно по ночам баюкает ребёнка.
И ветер днём медведь, а ночью он как тень
Скитается во льдах тоскливым перезвоном.
Он просит старых нерп его освободить,
Они колдуньи снов и северных сияний.

И в шкуре снег скрипит, и лопается нить,
 Что дух медвежий в нём собой соединяла.
 А время всё идёт, век заменяет век,
 Чешуйки звёздных рыб сверкают в океане.
 Когда-то ветер жил как северный медведь,
 С тех пор набрался сил, величия и знаний.
 Медведица-жена и звёздное дитя
 Живут в своей большой космической берлоге,
 А ветер, обратясь то в сайку, то в кита,
 Плывёт по молоку извилистой дорогой.
 Ковш проливает свет на замершие льды,
 Дочь выросла, коса её блестит полярно.
 Медведицы поют и стелят звёздный дым
 Над снегом вековым заросшими полями.

Ольга Пашун

п. Искателей НАО

Сирень украсила цветами улицы
 И аромат дурманящий зовёт.
 Сидит мурлыка на скамейке, жмурится,
 О чём-то песни ласково поёт.
 Стучат в окно встревоженно воробушки,
 Ждёт ваза пару сломанных ветвей...
 У горизонта вижу молний отблески,
 Молясь о судьбах наших сыновей.

Андрей Ануфриев

с. Нижняя Пёша НАО

Акростих «Зима»

Закат алой кровью пролился на выпавший снег,
 И солнце остыло под лаской полярных ветров.
 Мороз одичал, и уснула природа навек,
 Агония только встречает хозяйку снегов.
 Походкой царицы явилась дикарка зима,
 Рассыпался бисером в небе из звёзд хороход,
 И чтоб не блуждать

по бескрайним просторам впотьмах,
 Шелками живых огоньков* убрала небосвод.
 Лазурные воды речушек и мелких озёр
 Алмазными льдами сковала, как узника, в цепь,
 Зима торжествует и гордо проводит дозор,
 И всё на пути превращает в холодную степь.
 Молчанье, что золото, очень приятно зиме,
 Ей чуждо живое, ей холод милее всех нег.
 Дороже молчания нет ничего на Земле,
 Окутанной ночью и захороненной в снег.
 Разбуженный филин

поднимет снежинок волну,
 Откликнется эхо на тихий испуганный зов.
 Голодными волками воют ветра на луну,
 У мёртвой природы прощения просят за всё.

*Шелками живых огоньков – северное сияние

Номинации «Проза»

Надежда Матвеева

с. Холмогоры Архангельской области

Лилия – цветок тундры

Она росла в Койде* у дедушки с бабушкой. Маленькая девочка с большими выразительными глазами и сильным волевым характером. Пришло время учиться в школе – училась. Училась хорошо. У деда и бабушки не было сыновей – только дочери, потому, когда Лилечка подросла, с дедушкой, коренным помором, стала ездить на промысел сёмги в дальнее местечко. Койдяне, объединившись в пары, бывали там, чтобы понеvodить: бросить сеть и посмотреть, не попала ли царь-рыба, чтоб и сейгод «от рук своих» похлебать ухи, не сравнимой ни с какой другой, а ещё «присолить»** рыбки к праздничному столу да испечь кулебяк, встречая гостей дорогих, и, конечно же, потешить душу – помакать сёмужки, запечённой в русской печке в латке.***

Одному на такой рыбалке неловко (неудобно) – надо и на вёслах сидеть, и сеть бросать****, потому и едут, как правило, вдвоём: муж с женой, отец с сыном, брат с братом, а кто и с соседом или дальним родственником. Лиля была парой для дедушки: он – на вёслах, она – с сеткой. Есть в этом деле не очень приятный момент: когда достают попавшую рыбину, та ещё живая, и надо стукнуть по рыбьей голове специальной деревянной кувалдочкой, только потом рыбину брать, иначе извернётся она, ускользнёт, уйдёт, и поминай как звали. Тут уж дед отдавал вёсла внучке, сам справлялся с добычей, но без Лили ему было бы просто никак.

Подросла, расцвела, заневестилась Лиля и одним прекрасным днём известила старших,

что замуж собралась.

– За кого, внученька?

– За Володю-ненца.

Не принято было в Койде русской девушке выходить замуж за ненца, ведь это значит, надо быть готовой стать женой оленевода и ехать с ним, если понадобится, жить в тундре, где он будет пасти оленей. Пара-тройка ненцев, женившихся на русских, была в Койде, но случались такие браки, как правило, где-то далеко на стороне, и невесты о национальных особенностях женихов слухом не слыхивали, а те, чувствуя ответственность за семью, уже отдалялись от дела предков, оседали в селе, хотя сердце их было там, на просторе. Каждый свободный от работы день они старались проводить среди необъятных ширей, вдыхая полной грудью чистый и такой родной воздух тундры. Душа ненца поёт в эту пору, наполняясь счастьем...

В Койде колхоз был рыболовецкий, но сохранил (сохранил и поныне!) и оленей, которых всегда пасли ненцы. Нелегка была жизнь в тундре, поэтому матери-неночки, насмотревшись, как живут женщины в селе, зароптали:

– Наши дочери жить в тундре не будут! Не будут, не будут, не будут!

Те и не стали, а как без женщины (чумы давно ушли в прошлое) в палатке? Остались несколько семей, рассчитывавших поработать в стаде до выхода на пенсию.

Время бежит... Пришла пора, когда позарез понадобились оленеводам молодые силы, а в селе, наоборот, с работой стало туговато. Лиля, которая, несмотря ни на какие уговоры и увещевания, вышла-таки за Володю замуж, родила дочку, научилась тому-сему, согласилась ехать и жить в палатке. Конечно, сейчас и палатки потеплее, и электричество в тундре есть, и телевизор, и даже стиральная машина. Лиля в тундре живёт, выделывает она меха, шьёт одежду и обувь, топит семейный очаг, готовит мужу и дочке пищу. Всё освоила, со всем справилась девушка по имени Лиля, потому и зову её «Лиля – цветок тундры».

Горжусь ею, восхищаюсь, желаю счастья даже большего, чем то, о котором Лиля сама мечтала.

**Койда – поморское село в Мезенском районе Архангельской области;*

***Присолить – засолить; помакать (рыбу) – поесть особым способом, руками;*

****Латка – глиняная посуда для запекания рыбы;*

*****Сеть бросать – опускать сеть в воду.*

Мария Казакова

г. Нарьян-Мар НАО

Отрывок из повести «На пути к надежде» (проза жизни северного городка)

Рождение человека определяют где-то на небесах. Вот решат, что курносый ангелочек должен появиться именно в этой семье, а с другим повременят... Пусть, мол, подумают, поживут с мыслью о жизни человеческой, о чуде происходящем. Вот и в истории, которую вы сейчас узнаете, есть те мгновения, что определяют нашу жизнь, людей нас окружающих и поступки.

Родился Ваня в обычном северном посёлке, что у самого ледяного моря. Некогда процветавший посёлок городского типа сейчас был местом, где одинокие глаза-окна брошенных домов печально глядели на тех, кто остался. Как это связано с рождением и дальнейшей жизнью? Напрямую! Родился маленький человечек не в городском роддоме – в обычной поселковой больничке, без излишеств и преподношений. Самое главное – человек родился!

Мальчишке шёл седьмой год, скоро в школу. В садик уже не ходил, сидел дома. Как любой ребенок, в беседе со взрослыми отвечал:

– Да, я хочу в школу, ведь надо учиться! – и мило улыбался.

А потом про себя размышлял:

– Учиться... учиться... раз это так хорошо, то чего Валерка-сосед, который учится аж (!) в пятом классе, так не любит ходить туда? Да ещё и с нетерпением ждёт активированных дней, когда можно долго спать и смотреть телевизор?

А запуржить могло и на неделю. Выглядываешь в форточку, а там лишь ветер и ничего не видно. Страна белого безмолвия... В такие дни движение было ограничено, на работу никто не ходил, жизнь замирала. Ветер выл в трубах домов – у-у-у-у-у-у.

Белокурый мальчишка сидел на широком подоконнике и водил пальчиком по стеклу. Метель и не думала успокаиваться, казалось, что она качает не только провода на улице, но и

раскачивает дом. Эта мысль очень пугала Ваню.

– Мама, а папа скоро придёт? Почему так долго?

– Ванечка, папа едет на вахтовке со смены, дорогу замело, пока проберутся сквозь снега... Скоро, скоро придёт твой папка, – мама ласково успокаивала, оборачивалась на сына и гладила по голове своего нетерпеливого сыночка.

– Мама! А почему метель метёт и вокруг так много снега? Я хочу гулять, а не дома сидеть! – надул недовольно губки.

– Ты же взрослый мальчик, Иван. Мы живём на Севере, здесь всегда холодно и много снега, если бы мы жили на юге, то что бы у нас было? – вопросительным тоном обратилась мама.

– Солнышко, мама, и много бананов и сока (мечтательно закатил глаза).

Мама улыбнулась и сказала:

– Правильно, Ванечка. А почему было бы много сока?

– Мама, как ты не понимаешь, светит солнце, значит, надо есть бананы и, как в рекламе, запивать соком. А!.. и ещё лежать на скамейке!

Мама засмеялась, прикрывая лицо ладошкой, и добавила:

– То, на чём лежат, называется не скамейкой, а лежаком.

В этот момент за дверью послушались звуки, и Ваня радостно потопал в сторону коридора. Замок щёлкнул.

– Папа пришел! – громко закричал мальчик и побежал навстречу отцу.

Мама поспешила на кухню. Время семейного ужина – это святое. Ваня Шилов рос очень любознательным мальчишкой, просто много чего ставил под вопрос: слова взрослых, увиденное и услышанное. Любил наблюдать за природой, животными и соседями. Вот, к примеру, отец с матерью разговаривают на кухне, Ваня постоит, послушает, а потом в голове прокручивает услышанное. «Кризис пришёл, надо экономить... Хотя бы сокращений не было. И кто это такой кризис, куда он пришёл?» – думал мальчуган, лёжа на кровати, которую им отдали Пахомовы – дядя Серёжа и тётя Лена, уезжая навсегда из посёлка.

Ваня уже видел много проводов на Большую землю. Аэропорт, слёзы, рукопожатия и грусть в глазах уезжающих.

– Чего плакать? Ведь на самолете полетят, а там другая жизнь, где много развлечений, кафе и разных вкусняшек, – размышлял мальчик, держа за руку отца и топая по кафельному холодному полу.

Ваня Шилов знал об отпускном счастье не понаслышке. В прошлом году они всей семьей летали в городок, который иначе как «город тоски, трески и доски» и не называют. Радужно принимала дружную семейку сестра мамы Людмила Петровна, настоящая русская красавица, добрая, активная, которая старалась идти в ногу со временем, с энтузиазмом изучала французский язык и была активным

пользователем всемирной паутины. Тётя Люда очень любила племянника, свои дети выросли и разъехались, радуя мать звонками и фотографиями в социальной сети. Поэтому Ванечке доставалась тёткина любовь сполна.

Так вот, вода подошвой ботинок по клеткам пола зала ожидания и видя тревожные лица «счастливчиков», Ванька откровенно скучал и не понимал всей суеты, вокруг происходящей. А ситуация была следующей. Посёлок, который в 80-х годах процветал, с распадом СССР стал стремительно умирать. Да-да, именно прекращать своё существование, медленно, но верно, со всеми вытекающими последствиями. Опустевшие дома, груды брошенного металла, догнивающие останки жизни... О былой славе посёлка наслышан был каждый, вот и ехали тогда на Север, кто за длинным рублем, а кто и за романтикой. А ведь раньше в этот посёлок летали в местную кулинарию за тортиками, стущённым молоком и другой гастрономией. Подумать только, как может всё измениться. Таки хочется дождаться финала картины и сказать: а что дальше? Вот так и думают люди, оставшиеся там до настоящего времени, а может, надежда умирает последней?.. Но история наша больше про мальчика и его мир...

Сейчас деятельность посёлка направлена только на существование, причём дорогое и бесперспективное. Проза жизни... Печально, но факт! Надежда и Андрей Шилковы, родители Вани, всё на что-то надеялись, а может, боялись сменить размеренный быт на стремительный ритм города с его пробками, гулом и безразличием. Семья Шиловых образовалась в этом заполярном посёлке, она – учитель русского языка и литературы в местной школе, он – инженер в аэропорту. Хорошая ячейка общества, со своим семейным укладом. Народили сыночка Ванечку, старались воспитывать правильным ребёнком. Конечно, соображение о правильном воспитании у каждого свои, но Андрей знал одно – мальчишку надо учить так, как направлял его отец Евгений Николаевич – настоящий поморский мужик. Слова его звучат до сих пор:

– Помни, сын, что злобу легко затаить в душе, а потом достать её оттуда нельзя, губит она нутро, и жить человек по-прежнему уже не сможет. А когда в душе добро, то и сердце открыто и к любви, и к миру, даже глаза другие.

Вот и с Ваней Андрей поступал по совести, учил уважению и добросердию к окружающим, какие бы они поступки ни совершали. Был случай один, неприятный, конечно, отталкивающий, но показательный. На одной площадке с Шиловыми жил Толик Кудрявцев, мужик угрюмый и хмурый. Так вот, однажды этот Толик повесил соседского кота на место, где домохозяйки выбивали ковры. Кот жил у Татьяны Жилиной, которая отпускала гулять любимца на улицу, а живность не всегда хотела морозить лапки и справляла нужду прямо в подъезде,

ещё Татьяне говорили, указывали, она молча принимала возражения, выходила с тряпкой и загоняла кота в квартиру. А Толик решил проблему смертельным путём... Татьяна, узнав об этом, слегла, встать с постели неделю не могла, выйдет на кухню, а там миска с водой. Сердце сжималось, и глаза жгло от слёз так, что лучше было бы и не вставать. Соседи обговаривали случившееся, но как помочь, не знали. Да и чем поможешь, горе у каждого своё, а любовь бывает разная. Кот стал не исключением. Животное было снято с места казни, убрано с глаз. Прошёл месяц, обсуждений уже не было, только Ваня однажды спросил у мамы:

– Мама, а где кот у тёти Тани? Ведь раньше он сидел на коврике и преданно ждал?

Надя смутилась вопросу, не зная, что следует сказать. А мальчик сам решил дилемму:

– Загулял котяра, скоро придёт, – многозначно возведя руки в окно подъезда.

Мама облегченно выдохнула и добавила:

– Коты, Ванечка, бывает, уходят от своих хозяев погулять в другие места, да так им это может понравиться, что они там и остаются.

– А тётя Таня знает об этом? – поинтересовался Ваня.

– Она знает, поэтому немного грустит.

Но потом, всех удивил поступок соседа, того самого, что не пожалел неразумную животинку. Анатолий постучал в дверь Татьяны, держа в руках маленький комочек, который и глазки-то толком открыть не мог, просто тихонько пищал...

Денис Макурин

с. Холмогоры Архангельской области

«Поморские штучки» (фрагмент)

«Поморские штучки» – это сказка о том, как в старину рождались деревянные игрушки. В центре сюжета большая поморская семья Ласточкиных, живущая под одной крышей, где каждый занимается общим ремеслом. Далее три небольшие главы из этой сказки.

Поморские куклы «паночки»

Жёнки на Севере так шитьё любят, что днём и ночью только и делают, что шьют, шьют, шьют. Так порой разойдутся, что у рубахи и рукава, и ворот зашьют. А шить устанут, так песни поют. Правда, не долго. Руки у них сами тянутся к швейке и новой работе. А когда материи совсем не останется, жёнки лоскутки соберут, куколок тряпичных нашьют.

Казалось бы – шей да пори, не будет пустой поры. Но на Севере всё по уму, не от безделья или глупости делается. Жёнки шьют – пример дочерям подают. А те уж с малых лет и кружева сплести, и жемчугом вышить, и обноски заштопать сумеют.

С той же намёткой и паночки в семье Ласточкиных для Варвары строгались. Любимой доченьке и младшенькой сестрёнке эти незатейливые куклы предназначались.

А «панками» куклы за свой богатый и яркий наряд назывались. Суровые и неказистые фигурки всегда яркими одежами украшались. Варвара шила паночкам платья по моде того времени – белую блузку и юбку, украшенную орнаментом. Шился жакет «сак» чуть выше колен или «пятистенки» – поморская тёплая одежда. Кукла получалась нарядной, красивой – в шитье не терпелась небрежность.

Глядя на маму с бабушкой, Варвара, бывало, сарафанов нашьёт, кукол нарядит – сядет с ними за кукольный стол и чайком из глиняных чашечек фуркает. К слову, на Поморье-то чаёвничать завсегда любили. «С горячим чаем добрее и светлее житье», – наши предки не раз говорили. Поставят, бывало, самовар. На сосновых шишках его вскипятят. Иван-чай да смородиновый лист заварят. Широкий стол скатертью накроют – сладостями заставят. Гостей или домовушку пригласят. Разольют чай по чашкам, из чашек – в блюдца. Возьмут двумя руками и знай себе фурчат да фуськают. Между делом сушку, пряник или конфету коцкают. Парок то и дело сдувают да беседами чаепитие разбавляют. Ко всему прочему хорошей погодой в окошко, когда чай пьют, любуются. Ну а напившись, кружки по обычаю переворачивают, иначе хозяйка так и будет чай подливать – в гостеприимстве на Севере никогда и никому не отказывают. После чая Варвара любимую куколку спать укладывает, кутает в лоскутное одеяльце, прибаутки за бабушкой Прасковией Лукерьевной повторяет, приговаривает:

Люли, люлюшки, люли,

Прилетели к нам гули:

Гули, гулюшки

Сели к люлюшке.

Они стали ворковать,

Мою дитятку качать:

Мою милу величать,

Прибаюкивать.

Тихон Емельянович обычно в лавке куколок

по полкам обставит, да поговоркой: «Ворчани-ем наскучишь, примером научишь», – товар семьи Ласточкиных расхвалит.

Погремушка-шаркунок

На Севере часовни, дома и корабли строили, как мера и красота плотнику подсказывала, как душа того требовала. Точно так же и с игрушкой складывалось – во всём изюминка, полёт фантазии и добрый замысел усматривались. Иной раз и от скуки, конечно, безделицы рождались, но и они умственному потреблению в конце концов пригождались.

Случилось как-то, что Семён Ласточкин с сыновьями в шторм попали. Им бы домой с уловом пора возвращаться, да только сиверко так разошёлся, разгулялся, того и гляди карбас, словно скорлупка, треснет и пополам сломается. Пришлось Ласточкиным к безымянному острову причалить. Вытащили братья лодку-карбас на сушу. Обошли необитаемую землю, осмотрелись – на их счастье, в глубине острова рыбацкая избушка от ветра притаилась. Казалось бы, сиди, печь топи, хлебай уху – пережди непогоду. Только тоскливо без дела сидеть, вот и надумал Семён сострогать для души заботу.

И выдумал он такую заводу – деревянный шаркунок: он и шебуршит, и шаркает, а нет у него ни рук, ни ног. И сам он сплошная головоломка: сцепленные палочки и брусочки с пазами. Удалишь замок, рассыпается игрушка – не хлопай глазами! Распался шаркунок, нужно хорошенько поразмышлять, чтобы обратно игрушку собрать. Семён смотрит на сыновей, лукаво улыбается да подзадоривает:

– Гадай-отгадывай, детальки пазами прикладывай! Но и про горошины не забывай, в каждый куток закатывай.

Сыновья поочерёдно шаркунок собирают, пыhtят, сопят – друг друга обыграть хотят. А отец знай поучает:

– Тот, кто просидит с игрушкой часок, а не мимо скок, кто голову поломает да мысль в уме подержит, кто от сложной задачи не отступится, тот и в уме подрастёт и в терпении прибавит.

Когда-некогда море присмирело, Семён с сыновьями судёнышко на воду спустили, ветрило поставили и к исходу того же дня домой воротились. А выдуманная на острове игрушка не только для детей пользу имела, но и взрослому человеку пригодилась – всяк её обучаем был.

Северные олени

Вдоль неспешной реки Мезень и Белого моря то и дело встречаются обрывистые берега. На тех обрывах (угорах по-нашему) деревни и сёла приютились – каждый дом – старина. Ещё там живут скрипучие колодцы-журавли, а на улицах белыми ночами играют, пиликают всяк

на свой манер русские гармонии. Послушать гармонии выходят отбившиеся от стада, заплутавшие в тайге, северные олени. Наши олени – они с незапамятных времён одомашненные, будто кошки ласковые, словно щенята ручные. В общем, самые добрые животные в мире.

В Мезенском уезде олени сотни лет зимами в упряжки встают и всякий разношерстный люд по улочкам с ветерком катают. Летом – за старших в доме остаются, от лихих людей дворы охраняют. У них даже рожки мягкие, приятные на ощупь – не бодучие. А ещё голоса, как у мам и бабушек, ласковые и певучие. И пока мужики в море, а жёнки в поле трудятся – за малыши детками именно олешки приглядывают. Там, где – бо-бо! – подуют, весёлую потешку-побасенку споют да такую, что малыши ножками затопают и в пляс пойдут:

У Алёнки в гостях
Два цыпленка в лаптях,
Петушок в сапожках,
Курица в серёжках.
Селезень в кафтане,
Утка в сарафане,
А корова в юбке,
В тёплом полушубке.

Младший Яков фигурки оленей ловко строгаёт. Составит штук шесть в упряжку, нарты из ивовых прутиков смастерит, а Варвара ими в аргиш играет. В лавке на игрушечных оленей тоже большой спрос имеется. Тихон Емельянович про них говорит: «Нашему брату от них сплошная помога и любовь», – от таких слов у всякого заглянувшего, даже посреди лютой зимы, сердце отогреется.

Ольга Каймак

п. Белоярский Свердловской области

Обыкновенные чудеса

Кто-то верит в сказки и волшебство, кто-то нет. Но чудеса точно случаются! Особенно в новогоднюю ночь... Про одно такое и хочется рассказать...

На огромном небе жила-была малюсенькая

Звездочка. Звезды, что жили по-соседству, посмеивались: «Ты не звезда, ты – кнопка...» «Эй ты, Кнопка! Сойди с нашей орбиты! – кричали они. – Мы, большие, великолепные Звезды, не желаем, чтобы какая-то песчинка мироздания становилась на пути. И потом, люди, любясь нами, могут увидеть пятнышко – твою тень. Этого только не хватало. Брысь!»

И Кнопка мирно отплывала по ночному небосклону в сторону. Она не обижалась, а действительно считала, что ее удел – отлетать в сторону. Верила и в то, что некрасивая, малюсенькая песчинка и с далекой Голубой Земли ее никто никогда не увидит.

Кнопка не завидовала, когда слышала вдохновенные строки поэтов (живущих там, на Голубой Земле), воспевающих великолепные звезды в своих стихах. Как, разве вы не знали, что поэт (если только он хороший поэт), обладает волшебной способностью быть услышанным высоко в ночном небе? Но это действительно так! Когда Звезды слышат стихи, они становятся такими большими и яркими, что все люди, живущие на Голубой Земле, в восхищении замирают. А некоторые произносят: «Посмотрите, какие сегодня Звезды!»

Так и жила Кнопка на Ночном Небе. Маленькая и очень одинокая...

...А на Голубой Земле жила-была маленькая девочка. Другие девочки, что жили с ней в одном доме и считались ее сестрами, были уже взрослыми. Старших сестер все вокруг называли по именам. А маленькую девочку все называли Изюминкой. Если сестры собирались на прогулку, то Изюминка оставалась дома. «У тебя еще нос не дорос, чтобы гулять с нами», – посмеивались они. Маме с папой было некогда. Родители много и трудно работали. Так что Изюминка, когда оставалась одна (а происходило это довольно часто), придвигала стул к окну и забиралась на него. Она устраивалась поудобнее, облокотившись на широкий подоконник и, подложив руки под щеки, часами так сидела, устремив глаза в небо. Девочка немножко пугалась, когда из голубого с белыми барашками облаков небо становилось сначала невыразительно серым, потом темнело еще больше. Но восхищенно замирала, когда в черной бездонной ночной безбрежности появлялись прекрасные золотистые звезды. Изюминке они очень нравились, но ей почему-то казалось, что эти великолепные таинственные огоньки несколько... холодны. Ей казалось, что они посматривают на нее с высоты и посмеиваются почти так же, как старшие сестры.

Изюминке было очень одиноко. Особенно сегодня. Вы спросите почему? Все просто: новогодние праздники. Мама, папа и старшие сестры поехали в близлежащий городок в гости к родственникам. Изюминку оставили дома вместе со старенькой бабушкой, которая сразу же уснула за вязанием в своем любимом кресле. «Тебе будет скучно с нами, – сказала мама

перед уходом, глядя дочку по головке, – там собираются все взрослые. Они будут праздновать до самого утра, а ты еще очень маленькая девочка и должна вовремя лечь в кровать спать. Но завтра, когда мы вернемся, я привезу тебе подарок».

Изюминка не стала спорить. Но в эту ночь она не спала, а сидела у своего любимого окна и смотрела на звезды, а еще на красивую ель, что стояла во дворе и поблескивала серебристыми снежинками на своих пушистых ветках – лапах...

– Какая необычная ночь! – неожиданно для самой себя Изюминка заговорила вслух. – Как бы я хотела иметь друга!

Изюминка вздохнула и повернулась, чтобы убедиться, что не разбудила бабушку. Та мирно спала в своем кресле. Только клубок ниток упал с колен и укатился под стол. Изюминка тихонько встала со стула и, подняв клубок, положила его на полу рядом с бабушкиным креслом. Но тут случилось чудо: очень тихо, очень красиво зазвучали невидимые колокольчики. Звуки эти были... волшебными! Изюминка быстро вернулась к окну и посмотрела на ель. Дерево было окутано серебристой дымкой...

... «Скоро наступит новый день, – подумала звездочка Кнопка, в очередной раз отплывая по ночному небу, чтобы уступить дорогу своим крупным и сверкающим родственницам, – а я слышала, что самое заветное желание обязательно исполняется именно в такую ночь. Как бы мне хотелось, чтобы у меня появился друг... Может он будет где-то там?»

Дзынь... Дзынь... «Какие красивые звуки!» – подумала Звездочка, услышав этот необыкновенный звон... Возможно, Кнопка и дальше предавалась бы своим мыслям, но ей вдруг почему-то очень сильно захотелось спуститься вниз, туда, поближе к Голубой Земле. И она, малюсенькая, робкая, неожиданно для себя самой отважно поплыла по ночному небу всё быстрее и быстрее. Всё ближе и ближе к своей мечте...

...И маленькой Изюминке, одиноко сидевшей у окна, совершенно непонятно отчего, вдруг очень захотелось выйти во двор и подойти к ели. Она встала, накинула шубку, шапку и тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить бабушку, вышла на улицу. Здесь было очень хорошо! Рожок Луны, притаившийся среди мохнатых веток роскошного дерева, словно играл с Изюминкой в прятки. Звезды высоко в небе блестели, но все также надменно-прохладно, как обычно, и вдруг... На макушке дерева что-то сверкнуло необычным, волшебным блеском.

– Ой! – донеслось сверху.

– Кто здесь? – спросила Изюминка.

– Это я, Кнопка, – прозвучало в ответ.

– Ты кто?

– Я – маленькая звездочка. А кто ты? Я тебя не вижу.

– Я здесь, внизу, под ветками. Я – Изюминка,

маленькая девочка. Ой, я тебя вижу! Какая ты красивая!

Изюминка отошла подальше от ели, чтобы видеть самую её макушку. Там сидела звёздочка. Она не была похожа ни на одну из больших звёзд на ночном небе. Она была... тёплая, яркая... живая! У звёздочки были большие красивые глаза, длинные голубые реснички и розовые губки. И она улыбалась. Кнопка, сидя на верхушке великолепного дерева, не могла поверить, что она так близко смогла подлететь к Голубой Земле, где живут поэты. Но вместо них она увидела хорошенькую девочку, которая стояла внизу. Её глаза так ярко сияли! И рожок месяца, и сама Кнопка отражались в них, как в глубоком зеркальном озере. Но то, что сказала эта девочка, было самым необычным за всю звёздную жизнь: Изюминка назвала Кнопку КРАСИВОЙ. Звёздочка просто не могла поверить, что она кому-то понравилась.

– Ты смеёшься надо мной? – робко спросила она.

– Что ты! Ты действительно самая красивая из всех звёзд, которых я каждый раз вижу на ночном небе. Ты мне очень нравишься!

– Ты мне тоже нравишься, Изюминка. Но почему ты на улице в такое время?

– Не знаю! Мне вдруг захотелось прийти, и вот я встретила тебя!

– А мне очень захотелось сюда, на Голубую Землю. И я встретила тебя! Изюминка, давай дружить!

– Давай!..

В ночи опять зазвенели колокольчики, а потом зазвучала красивая музыка. Наверное, она была волшебная, потому что никогда раньше ни Кнопка, ни Изюминка не слышали ничего более красивого. Им стало очень весело. Они запели и затанцевали. Кнопка подлетала к Изюминке, садилась на её ладошки, отражалась в её глазах и вновь взмывала к самой макушке большого дерева. Изюминка гладила свою подружку осторожно, потом кружилась с ней в такт музыке и, поднимая руки вверх, отпускала Звёздочку, словно помогая ей взлететь! Им вместе было хорошо и весело. Почему? Потому, что сбылось их самое заветное желание – найти себе друга! Они и стали друзьями.

...Обе не заметили, как быстро пролетела ночь. Забрестило утро. И где-то в вышине зазвенели бубенчики, а на небе показались серебряные сани, запряжённые тройкой прекрасных белогривых лошадей. Седой старик, одетый в роскошную красную шубу, с длинной белой бородой, обутый в валенки, держал в руке посох с сосулькой. Он остановил коней над самой верхушкой той самой ели, где встретились Изюминка и Кнопка, и внимательно посмотрев на подруг, сказал:

– Новый год уже настал! Я вас поздравляю! Ваше желание исполнилось – вы подружились. И теперь будете встречаться каждый раз, когда на небе появятся звёзды. Но, Кнопочка, тебе

уже пора обратно, туда, вверх. А тебе, Изюминка, пора домой, пока твоя бабушка не проснулась.

Старик взмахнул волшебным посохом и всё исчезло: музыка, сказочная тройка, запряжённая в серебряные сани, да и сам Дед Мороз, а это был именно он.

Кнопка, попрощавшись с Изюминкой, быстро полетела вверх к остальным звёздам, а Изюминка, помахав рукой в ответ, пошла в дом. Обе они были счастливы и ждали новой встречи.

– Доброе утро, моя Изюминка! Ты что же, так и уснула здесь? – бабушка будила девочку, нежно трогая её за плечо. – Вставай, умывайся и беги на кухню – будем завтракать.

Бабушка ушла готовить еду. А Изюминка, открыв глаза, увидела, что лежит на своём любимом подоконнике. Она встала, сладко потянулась и вскрикнула от неожиданности. Её ладошки блестели таинственным голубым блеском. «Кнопочка! Это её след на моих руках! Значит, это был не сон!» – обрадовалась Изюминка, вспомнив, как весело они играли, пели и танцевали со звёздочкой.

– До встречи! – прошептала Изюминка, посмотрев через окно вверх – туда, где жила её новая подруга...

– Мы вернулись, – услышала она голос мамы.

– Доченька, я привезла тебе подарок от Деда Мороза!

Девочка выбежала навстречу, и мама, поцеловав её в щеку, отдала Изюминке красивую коробку, перевязанную серебряной лентой. Открыв подарок, Изюминка чуть не расплакалась от радости: на серебристой мягкой подстилке в коробке лежала крохотная ватная звёздочка с красивыми глазками и длинными голубыми ресничками и улыбалась девочке розовыми губками.

– Это же ты, моя Кнопка! Мы скоро увидимся с тобой у нашей ели. До встречи! – прошептала Изюминка.

– Тебе понравилось? – спросила мама и, глядя на звёздочку в коробке, произнесла тихо, – один поэт сказал: «Если звёзды зажигаются, значит это кому-то нужно».

– Очень! – ответила Изюминка маме и, взяв её за руку, повела к бабушке.

Скоро пришли папа и старшие сёстры. Все пили чай и весело болтали о том, что кто-то верит в сказки и волшебство, кто-то нет.

– Но чудеса случаются! Особенно в новогоднюю ночь, теперь я это точно знаю! – горячо воскликнула Изюминка.

«Обыкновенные чудеса!» – пропел незримый серебристый голосок, похожий на звук волшебного колокольчика. Но услышали его только двое: Изюминка и Кнопка.

Татьяна Золотуева

г. Нарьян-Мар НАО

Снежная Буря

Юлька только сделала несколько шагов от дома, как хрупкая калитка с сильным порывом ветра громко хлопнула за спиной. Это одна из тех улиц, которые мало тронуты «городской» жизнью. Тут сохранились старые одноэтажные домики и непередаваемый запах разогретой бани.

Но Юльке не до этого: с самого утра нещадно болит голова. На улице бушует непогода, возможно, в головной боли виновата она. Наверное, в этих тёплых домиках, что цепочкой выстроились вдоль дороги, сейчас очень уютно... Но ни в одном окне не горел свет.

На улице действительно разворачивалась буря. Снежинки, которые в более теплую и спокойную погоду всегда пленяли Юльку своим волшебным блеском, сейчас, превратившись в подобие репейных колючек, норовили забиться везде: под воротник пальто, под шапку, до крови исколоть глаза, щеки, губы... Ветер гудел и со свистом поднимал из сугробов маленькие снежные торнадо.

Вот новый дом, стук в дверь... Но дверь снова не открыли. К опросам, которыми занималась Юлька, вообще относятся настороженно, и, как свидетельство этого, на её плече болталась сумка с пустыми анкетами. Но работа – не волк, план в лес не убежит, Юльке нужно заходить в следующий двор.

Гул ветра становился всё более угрожающим. Юльке сразу вспомнились местные сказания о божествах и собственные мысли о том, что эта земля бывает враждебной человеку. В лютом завывании стихии явно слышалось предостерегающее «уходи».

То ли от холода, то ли от поднимающейся температуры, Юльку бросило в дрожь. В фигурах карликовых деревьев, заметённых снегом по самые макушки, выделялись силуэты сказочных (или не очень) существ, вихри снега, те са-

мые маленькие торнадо угрожающе увеличивались в размерах и – ещё немного – стали бы выше самой Юльки.

Рёв усиливался. Пугая бедную девушку, непогода хлопала дверями старых сараев, кряхтела корявыми ветвями деревьев, сыпала прямо в глаза комья колкого снега. Что это, попытка предостеречь Юльку, или игра, как с мышкой?

Спиной Юлька ощутила чьё-то присутствие и прибавила шаг. «Оставим опросы на завтра, сейчас нужно добраться домой», – висок пульсировал так, словно кто-то пытался вкрутить в Юлькину голову тяжелый металлический прут. Юлька задыхалась: из-за быстрого шага и стены снега воздуха не хватало.

Понимая, что этот страх всего лишь игра разума, Юлька обернулась.

Нет, не игра. Позади, всего в нескольких домах от неё, вихри снега складывались во вполне различимые очертания чудовища. Оно гудело, рычало, росло и, что самое страшное, двигалось в сторону Юльки.

В голове Юльки, вместе с болью, билась только одна мысль: бежать! Бежать по нарастающим сугробам, прямо, прямо, никуда не сворачивая, без оглядки! Но воспалённое сознание оказалось бессильно перед усиливающимися порывами ветра, которые сбивали с ног. Юлька шаталась, сугробы путали ноги, словно кто-то там, внутри них, держал Юльку. Словно в этот момент во всей вселенной осталась только эта борьба: Юлька и Природа.

Юлька упала, сил сражаться уже не осталось. Её мучила головная боль, лицо горело, руки, обветренные и расцарапанные снегом, саднили. Шапка лезла на лоб, закрывая глаза, варежки уже давно потерялись. Девушка часто дышала, пыталась закрыть голову руками, ползла, ползла... и затихла.

...За окном – непроглядная темнота долгой полярной ночи. Юлька с трудом открыла глаза, всё тело ломало. Знакомый и родной потолок, стены – это её комната. На стуле, рядом с кроватью, на которой лежала Юлька, гора жаропонижающих таблеток. Она посмотрела на руки, которые были покрыты крошечными ранками-«цыпками», потом потрогала лицо – тоже царапины.

Юлька ничего не понимала. В какой момент всё, что происходило, переросло в её горячий бред? Как она оказалась дома? И было ли это бредом?

Литературный регион 83 2023 год

Участники и победители II Открытого регионального конкурса авторов и переводчиков «Литературный регион 83», посвящённого 130-летию со дня рождения печорской сказительницы Маремьяны Романовны Голубковой.

Валентина Коскова

д. Трофимовская Каргопольского района
Архангельской области

Не слова нужны, а дела важны

Я не старину стану сказывать,
Новину зачну складывать,
Словно бел платочек подаренный
С руки на руку перекладывать,
Словно ниточку путеводную
Со клубка на клубок перематывать.

А и было-то в пору недавнюю,
А и было в годину недобрую:
Брат на брата рукою замахивал,
Пули лил да кровли потряхивал.
Нет ни сна, ни покою уж восемь лет,
А ведь жили спокойно, не знали бед.

Видно, быть той беде неминучею,
Навалилася грозною тучею.
По подвалам сидят сиротинушки,
Все от страха застыли, кровинушки.
Без огня, без воды, без хлебушка,
Не видая чистого небушка.

А гадюка-то подбирается,
На чужих харчах подкрепляется.
Аппетиты у ней неужёмные,
Рядом всадники скачут наёмные.
Да грозят всё пуще, кровавые,
Ослеплены фашистской отравой.
Брат на брата – да где ж то видано?
Без креста на груди – где ж то слыхано?

Али мы не свои, не русские,
Аль не молимся мы без устали?
Нам беды да горя мало ли?
Нам терпеть такое пристало ли?

Пробудитесь от сна, расчухайтесь!
Из сетей паучьих распутайтесь,
Недалече война, а в твоём окне.
Не в далёких окопах, в твоей руке.
За порог-то ступи, погляди вокруг,
Да пойми наконец, кто те враг, кто друг.

А соседи строят: «Что делаешь?
Ночь не спишь, на ходу обедаешь.
И на что тебе та заботушка,
Всё идёт чередом, дом, работушка...»
Слов пустых да гнилых – что зубов во рту.
Я не слушаю их, а я сеть плету.

Я не слушаю их, я носки вяжу,
Парафин развожу, да картон кручу,
Обжигаю жестянки, крою да шью,
Чтобы душу сберечь, пусть не знамо, чью.
Чтоб в окопе боец был согрет и сыт,
Чтобы смел был и твёрд, знал, что не забыт.

Чтобы дух поднять – не слова нужны,
Не слова нужны, а дела важны:
Если б каждый в ряд с волонтёром встал,
Шил, вязал, отгружал, да ночей не спал,
Не молил языком, а добро творил,
Мир тогда поскорее бы наступил.

Мы не за войну, мы за тех ребят,
Что идут под пули, в окопах спят.
Сколько в землю легло, нам неведомо,
Сколько ляжет ещё, нам не сказано...
Травы горькие пьют их кровушку,
Материнской слезою политы.

Только вера бедой не сломлена
Да над капищем не развеяна,
Вера прадедов птицей раненой
В сердце каждого россиянина.
Она крепнет за каждым выстрелом,
Шепчет на ухо: «Братка, выстоим!»

Знайτε, вороги, будет суд на вас,
Поразит, как стрела он не в бровь, а в глаз!
На судилище весь народ гуртом,
Гласы трубные возвестят о том!
Суд земной, суд небесный, настанет срок,
Попалит огнём, что соломы клоч.

Галина Куликова

с. Нижняя Пёша НАО

Сказ о нашем земляке – герое Великой Отечественной войны Алексее Калинине

В заполярном краю, краю северном,
У реки лесной да извилистой,
А и стоит село Пёша Нижняя,
Пёша Нижняя – село тихое.
В Нижней Пёше живёт испокон веков
Очень добрый народ, край свой любящий.
Жил в посёлке том, да в семье родной,
В семье родной с отцом-матерью,
С отцом-матерью, с братом, с сёстрами,
Во крестьянской семье Калининых
Удалой молодец да Алёшенька,
Алексей свет Александрович.
Рос востёр на ум да руками умел,
Музыкальный слух он к тому же имел.
Лихо песни пел, на гармонии играл,
На гармонии играл да на балалаечке.
А семье своей был помощником,
А с отцом своим был охотником,
Хорошо стрелял, стал добытчиком.

В жизни всё ему пригодилось:
На охоту ходил – метким стал стрелком,
Музыкальный слух – так радистом стал.
Да и с детства был в самолёты влюблён.
Он мечтал летать в небе птицею,
В небе птицею, быстрым соколом.
И сбылась мечта добра молодца.
Пришло времечко, стал солдатом он,
Стал солдатом он, крылатым соколом.
Храбрым соколом в небесах летал,
В экипаже Гастелло он страну охранял.
Два годочка всего на службу выпало.
Два годочка под мирным небом летать...

Вдруг пришла беда, беда страшная,
Беда страшная – иноземная.
Вороньём супостаты слетелися
На честной народ, на Русь-матушку.
Налетели вороги на Россию-мать,
Силой тёмною людям зло несут,

Людям зло несут, горе лютое.
Не жалели враги ни детей-стариков,
Извести собрались весь советский народ.
И поднялся народ на защиту страны,
На защиту страны, любимой Родины.
За свободу людей встали дружно все,
Встали дружно все, и стар и млад.
Поднялись стеной добры молодцы,
Добры молодцы да красны девицы.

А и наш Алексей, он служивым был,
Он служивым был, сразу в бой вступил.
Он от воронов чёрных небо грудью закрыл.
Наш земляк Алексей свет Александрович
В экипаже небесных витязей
Да и попал в самый лютый огонь,
Ой да и в лютый огонь, в пекло самое.
И сражались они, не жалея себя,
Не жалея себя и не думая,
Что их смерть близка да и жизнь коротка,
Да и жизнь коротка оказалась...

Налетело горюшко чёрной тучею,
Чёрной тучею со слезами горючими.
Только чует беду сердце матери,
Чует – нет её добра молодца,
Добра молодца, сына любимого,
Чует – нет сыночка родимого.
Ты тоска-печаль, доля женская,
Доля женская, доля матери.
Ох ты, горюшко, горе горькое,
Иссушило ты сердце материнское.
Не вернётся сын, сокол ясный твой,
Не родит детей, малых детушек,
Малых детушек, внуков родненьких.
Сложил голову ясный сокол твой,
Ясный сокол, тобою рожденный.
Отдал жизнь свою да на пятый день,
Да на пятый день ушёл в бессмертие.

А и не зря экипажа жизни отданы,
Совершили таран они огненный.
Отомстили врагам за жизни свои,
Отомстили за слёзы материнские.
Отомстили они за державу свою,
За державу свою, за землю русскую,
За землю русскую, за волю вольную...
А и героем стал сын твой рожденный.
Помнят люди его и гордятся им.
Знают имя его да на всей земле,
На всей земле, на Руси-матушке.
Подвиг этот чтят и стар и млад.
Он для всех – пример, пример мужества.
И Россией в бессмертие вписаны
Имена тех отважных витязей.

Виктория Боброва

г. Нарьян-Мар НАО

Новина о Пустозерске

Как над Пустозерским городищем-то ветры шумят
Да кружится, парит над ним орлан-белохвост,
А бывает, летает там бел лебедь-кликун,
Созывает, кличет он подругу свою верную.

Рябью кроется озеро там Городецкое,
А зимою снегами оно богато пушистыми.
Как закрою глаза, так вижу берег родной,
Берег северный, многотравием обласканный.

Шумит веками трава там, трава мятлика,
Да осока шуршит стеблями острыми.
Ничего милее нет мне той прибрежной тиши,
Не заменит её да золото-серебро.

Как плывут над головою облака пуховые,
В облаках плывущих вижу славный Пустозерск град.
Пятьсот лет служил Руси он верой-правдою,
Шли в Москву обозы с белорыбницей
да мягкой рухлядью.

А основан Пустозерск был указом царским,
Государя да Ивана Великого Московского.
В таборы пришел туда походом военным
Ушатый Петр,
Со друзьями пришёл – Семёном Курбским
да Василием Бражником.

И поставили оне у озера стрельцовский острог,
Место ссыльное основали
для непокорных бунтарей.
Вгрызались срубы в земли Севера промёрзлые,
Чтоб веками тут стоять да и не стрёхнуться.

Жили люди сильные там,
всё холодом закалённые.
Дома рубили да строили церкви белостенные.
Так служил град и местом ссылки, заключения.
Здесь казнен был старой веры сын –
протопоп Аввакум.

Но в годах шестидесятых века двадцатого
Был покинут разом Пустозерск град жителями.
И не слышно нынче смеха там детского,

Не кричит скотина да не стучат
топоры строителей.

И открыли там в конце века двадцатого
природный музей,
Природный музей развернули
да исторический.
Волонтеры городище то нын обихаживают,
Да туристы по тропе идут экологической.

На речке Гнилке археологи учёные трудятся,
Следы древнего народа ищут, народа сихиртя.
Староверы, птенцы Аввакумовы,
кресту едут кланяться,
С болью в сердце припадают к месту
его сожжения.

Слава былая Пустозерская
сынам России всегда важная,
Зовёт к себе земля святая
прикоснуться да покаяться.
Зовёт земля шорохом трав,
криком птиц да плеском белорыбицы,
Шумом волн земля зовёт
да красотой природы северной.

Ирина Ржаницына

с. Великовисочное НАО

Про Николая свет Ивановича

В давние времена в краю-то
Заполярном, северном,
По реке великой, по Печоре-матушке
Расположилось село небольшое,
Старинное, красивое да знатное людьми добрыми,
Талантливыми да трудолюбивыми,
Потому и назвали его – Великовисочное.
Много славных сынов и дочерей взрастило оно,
Об одном из них речь пойдёт.

В семье крестьянской да многодетной,
В годы трудные да военные родился
Славный парень Николенька,
А по батюшке Иванович.
И умён, и красив, и трудолюбив,
Родными и сверстниками любим,
Да судьбина горькая была ему уготована:

В 18 лет, во расцвете сил, обезножил он,
Подвели резвы ноженьки,
Не побегут больше по дороженьке,
Коляска инвалидная заменила их.

Но не пал духом бравый молодец,
Не поддался тяжёлой кручинушке.
С думой о селе да о земляках своих
Он нашёл занятие по душе –
Попутчиком его верным аппарат стал
С глазом волшебным: на что посмотрит,
То и оставит на память на бумаге необычной.
Дома старые, новые да здания важные,
Виды транспорта да явления погодные,
Земляки добрые да животные редкие –
Всё интересно Николаю свет Ивановичу!
А уж детишек любимых на фотокарточках
И не счесть числом!

Как пошла о мастере слава великая,
С деревень ближних приезжать стали
Сниматься на карточку.
Никому Николай не отказывал,
Ни с кого платы за труды не брал.
Словом добрым лишь поддерживал
Да улыбкой красивой одаривал,
А фотографии на память дарил.
На поля выезжал он колхозные,
Репортажи писал о колхозниках
Да о проблемах сельских, насущных
И в «Нарьянку» посылал он любимую.
Так известен стал Талант Височный,
Всему округу да великому!

Добрых дел Николая Иваныча
Ни в сказке сказать, ни пером описать:
Ежедневно погоду записывал,
Приметы народны указывал,
Родословные изучал
И по просьбе сельчан составлял.
На курсы стенографии поступил,
Особую систему знаков изучил,
Отличный диплом за учёбу получил.
А для души на гармони, гитаре играл
Да задушевные песни исполнял.
Уважал народ земляка своего,
А особенно поросль юная.
«Дядей Колей» величали
И подолгу с ним вещали.
Для каждого слово доброе
Николай Иванович найдёт
И советом поможет.

С криком радости встречала
Дядю Колю малышня,
Его рассказами чудесными
Восхищалась детвора.
Когда же в гости приходила
К дяде Коле ребятня,
Он их репой угощал,
В шашки, шахматы с ними играл.
Удивительной судьбы человек:
Сам не унывал и другим

В житейских тяготах помогал.
Как пришла весть чёрная да печальная,
Что не стало Николая Ивановича,
Запечалился народ, закручинился.
В путь последний проводить
Пришли всем селом.
Много времени утекло с того дня,
Как не стало Николая Ивановича,
Но дела его добрые и поныне живут,
Сыну Великовисочного славу поют!
По фотографиям его историю села узнаём,
Летописцем Николая Ивановича
по праву зовём.

Анастасия Хабарова

г. Нарьян-Мар НАО

Рябинушка

На высоком берегу реки северной,
Реки-раскрасавицы, Печоры-матушки,
Стоит старая рябинушка,
Много лет стоит, душу радует.
Уж видала она на своём веку
Много разного да расчудесного:
Помнит старая большое село,
Пристань шумную да многолюдную.
Уж как помнит она все ярмарки
Что в селе-то том проводились.
Помнит чудный она колокольный звон –
Разносился он по округе всей.
Красны девушки вкруг рябинушки
Собирались да пели песенки,
А рябинушка им в ответ
Пышной кроной своей да кланялась.
А ещё она помнит злые дни:
Плач в селе стоял до самих небес,
Уходили мужики на большу войну,
Возвратились же домой с той войны не все...
Много ль месяцев прошло али лет уже –
Поутихла беда, дальше жизнь пошла.
Стали детушки нарождаться там,
Красны девушки – снова песни петь.

От села того только часть цела,
 Стало вдруг село деревенькою.
 А рябинушка на крутом берегу
 До сих пор живёт, бережёт её.
 Рада старая, что жива ещё,
 Что поют ещё песни девушки,
 Что детишки есть да люди добрые,
 Что цветут дворы летом северным.
 Пусть века стоят, землю радуют
 И деревня та, и рябинушка.
 Память отчую берегут они,
 Потерять её нам никак нельзя.

Наталья Чупрова

г. Нарьян-Мар НАО

На родимой стороне

Уж как к Северу весна-вёснущка подбиралася.
 Птицы с юга в края родные собиралися.
 Путь-то длинный до дому был длиннёхонек,
 Всё преградами да опасностями полнёхонек.
 Закручинился вожак, опечалился.
 Смелых, сильных птиц на совет
 призвал, жалился.
 Говорил он им таковы слова, к полёту главные:
 – Вы помощники мои добрые да славные!
 Под крыло своё возьмите вы слабеньких.
 Их из виду не теряйте, подбадривайте жаленьких.
 Ждёт-ждождается птиц родная-то сторонущка.
 Тундра-матушка ждёт,
 Берега озёрные, оттаявшие до доньшка.
 Солнце красное растопило снега, прогрело,
 неглубоко хоть, да землю северную,
 Заколосятся скоро травы на ней,
 Найдут птицы дорогу к дому верную.
 Напой, тундра, водой птиц измученных,
 Обогрей проталинки с прошлогодней ягодкой,
 С вересом колючим.
 Уж полакомятся путники крылатые

хоть маленечко.
 Да и зазвучит всема голосами,
 Заиграет жизнь летним-то времечком.
 Как окрепли наши славные,
 голосистые пернатые.
 Уж и птенчики-младенчики ныряют,
 Пропитание учиться добывать надо им.
 Погостили птицы на родимой-то сторонущке.
 Ох, да лето северное короткое показало доньшко.
 В дальний путь скоро птицам собираться.
 Грустно с тундрой-матушкой
 хоть да расставатися.
 С неба клик прощальный посылают они.
 Ждать будут места родимые их с южной стороны.
 Пусть опасности, ветра шалости да минуют птах.
 Прилетали чтобы они по весне домой
 на мощных крылах.
 Мир да лад поселится тогда в заполярных краях!

Сказ о реке Печоре

Как взыгралася вода в Печоре-матушке
 Да корабль-то на волнах так и покачиват.
 Тут поведала-то нам река Печорущка
 Про жизнь славную свою да жизнь бурливую.
 «Уж была рекою я широкою,
 Да глубокою рекою и раздольною.
 Корабли по мне ходили быстрые,
 Да везли они богатства Севера:
 Кто пушнину вёз, а кто – морошечку,
 Ягоду лечебну, столь целительну.
 Ценной рыбы бочки все полнёхоньки:
 Пелядь, нельма, сёмужка жирнёхонька.
 А народу-то на палубе полным-полно!
 Песни баско поют да и беседуют,
 Разговоры-то ведут всё жизненные,
 Да пейзажами печорскими любятся.
 А на крутых, зеленых берегах моих
 Пораскинулись деревни да посёлушки.
 Избы столь красивы да добротны де,
 Всё бревенчатые с крылечками высокими.
 Аль состарилася нынче я, ребятушки?
 Аль не надобна и силушка моя природная?
 Обмелела-то я вся да и повысохла,
 И песком меня со всех сторон закидыват.
 Вода мутная, уж и не видно доньшка,
 Рыбе неуютно тут живётся-можетя.
 Обращаюсь я к вам, внешним силушкам:
 Напоите вы меня да ледяной водой,
 Да омойте берега мои песчаные,
 Унесите по течению вниз беды горькие,
 Да мои-то унесите вы страдания.
 Чтобы стала вновь рекой я широкою,
 Рекой широкой стала да раздольною,
 Чтобы корабли по мне пошли да лодочки,
 Со моей волною всё играючи».

Надежда Соколова

г. Нарьян-Мар НАО

Сказ о Миле

Жила где-то на краю земли да во северном городке
девчушка Мила белоликая,
белоликая да белокурая,
с волосами вьющимися непослушными.
Старательная была да прилежная,
всё в руках у Милы спорилось,
всё в диковинку да получалось.

Но пришли ей времена трудные,
времена трудные да невесёлые, -
хворь напала на девчушку неведома,
неведома хворь да не изведена.
Стало всё из шуйцы валиться,
из шуйцы валиться да из десницы.

Подает она отцу тарелку с варевом
да невзначай прольёт всё на пол, бедная.
Прольёт да разобьёт тарелку-то в осколочки!
Собирать начнёт – порежется,
а порежется – закручинится.

Матушке по дому помогает ли,
помогает да ломает всё, что под руки.
Что не руки будто, а грабельки,
ничего в их хорошо не держится,
не держится да не делается.

В школе отроки неумехой девку кликают,
всё подтрунивают, да её подтыкивают,
то ли мел ей в руки даден будет, то ли маркер
ли, всё ломается али из рук выскакивает.

И сказал тогда завхоз директору:
не давайте той растяпе-девице
ничего того материального,
в супротивном случае ведь разоримся мы,
по миру пойдем без содержания.

Лучшего устно поспрошайте девицу,
обучайте, чтобы не убыточно.

Как-то раз попала Миле в руки красочка,
чтобы небо рисовать в альбоме красочном,
да упала банка с синею гуашею
прямо на соседочку по парте-то.
Обиделась соседка да расстроилась,
пересела, гневно очами постреливат,
ну а Мила вовсе закручинилась,
закручинилась она да призадумалась:
«Что попишешь тут да что поделаешь,
неумехою я, видно, уродилась».

Сколько слез пролито было Милою,
мать с отцом по докторам её таскали-то,
но молчали доктора, молчали знахари,
от сочувствия плечами пожимали лишь,
мол, не знаем, что за хворь на ваше дитяtko
понапала да и понаехала.

В тапоры девица позакрылася,
Позакрылася от всех да позапряталась,
и в любую погоду к речке бегала,
где на берегу качели высились.
Горе девичье своё качелям сказывают,
в воды быстрые слезу горячу сбрасывают,
вдруг как заскрипят качели музыкой -
необычною спокойною мелодией,
и почудилось Миле, что не речка тут,
что не речка тут, а море со дельфинами...
Только вечерами Мила возвращалась
ко делам домашним – веникам – тарелочкам.

В ту пору-то было в школе изменение -
прибыл ей учитель новый рисования.
Меж собой ученики вес день шептались,
что не просто он учитель, а художник ведь!
Неумеха новость ту услышала,
ещё больше пригорюнилася, бедная,
не ждала себе она хорошего,
лишь робела пуще прежнего пред школою.

На уроке первом рисования
Мила снова выводила все каракули,
потому как руки-то не слушались.
Рисовала самым простым карандашиком,
чтобы ничего не пачкать около,
как просила раз директора работница,
что полы отмыть не может от художества.
Вот тогда-то и сказали бедной девице:
в руки красок больше быть не дадено,
пусть карандашом рисует все каракули.

Вот царапает так Мила карандашиком,
не стараясь совсем да не пытаясь,
чтоб на троечку чего-ле навыкручивать,
ну а боле ничего её не радует.
Так и тут взялась за карандаш она,
учиняет видимость рабочую,
как подходит к ней учитель новый, ласковый,
говорит тихонько, к девке наклонившись:
«Посмотри-ка, что в рисунке появляется, -

красота сама собою тут рождается!
Ты не порти её чувствами небрежными,
а порадуй красотой нас великою!»

Тут ланиты девки зарумянились,
очи огоньком зажглись сказочным,
расплылись уста в улыбке счастья,
засверкал рисунок линией волшебною!
Рисовала девка, лик преображая свой,
и вокруг всё осветило вдохновение.

В ту пору забыли одноклассники
про свои рисунки неважные,
с интересом наблюдать пришли за Милою,
наблюдать за ней да удивляться.
Со звонком учитель взял рисунок
да внимательно всмотрелся, призадумался,
а потом повёл рассказ о дивном царствии,
что родилось с простого карандашика.

Не поверили сперва словам тем отроки,
да не поняли того, что очи видели.
Посмеяться, как обычно приготовились,
но заслушались потом да призадумались,
а учитель вёл рассказ свой по рисуночку:
«Ясны соколы, а вы как приглядитесь,
взор свой обратите повнимательней.
Видите, в углу цветочек скромненький,
будто василек от всех скрывается
и водицей ручейковой умывается,
он уже готов тянуться к солнышку,
тучи скоро тут на небе поразъедутся,
василёк наш расцветёт красой яркою,
лепесточками с небесным цветом звонким.

Широко раскрыла Мила очи ясные, -
никогда она ещё так не светилась!
Появилась в классе том традиция
Милены рисунки разгадывать,
находить в них каждый раз особое,
что на первый взгляд и неприметное,
потому как волшебство сердечное
тайною рисунки те украшивают!

Как-то раз и краски были дадены -
незаметно тем учителем подсунуты,
тут и вовсе чудеса да расчудесные
расцветали на бумаге да без устали.
Позабыты были прозвища обидные,
любовались рисунками все ближние,
наблюдали, затаив дыхание...
Так однажды родилась художница
на уроке школьном как-то осенью...
Распустился тот цветочек сказочный,
обогретый словом добрым, ласковым,
волшебством любви, надежды с верою,
что из гадкого утёнка лебедь сделалась,
одарив красой благодарною,
чтобы верили все в чудо рукотворное.

Анна Мулин

д. Марково Пинежского района
Архангельской области

Боль о Севере

Здесь давным-давно не живут даже слухи
О несметных былых пушных промыслах.
Опс! Уж давненько лесов нет на Севере!
Не слышать и о рыбных делах-похождениях.
Так ведь ...реки давно измельчали уж!
А земля-то отродясь худородной была.
Вот ведь, видишь как! И войны не нат!'
Как Мамай человек по земле сей прошёл:
На зверька взглянул – лес опустошил.
Топором взмахнул – лес повыкосил.
Невод распустил – всё повыловил.
Рубит сук под собой человек-Мамай.
На суку том надломленном он сидит –
Попереже себя брюхо сытое выпучил.
Брюхо выпучил да как грушу поглаживает,
Ещё губки так смачно облизывают,
Да как хищник на Землю поглядывают:
Где б ешшо языком мне лизнуть –
всё повылизать!'
Чем ешшо навредить мне любимому!'
Как бы в смерть извести землю русскую!'

Новая сказка

Лидия Сядейская «Напёрсток»

Написано по воспоминаниям
Ледковой Евгении Петровны

Солнечный день не предвещал ничего особенного. Как обычно все занимались своими делами. Отец ремонтировал сани и смотрел, как ведут себя олени, не пора ли перегонять их на другое пастбище.

В чуме топила печь, горячий чайник давно распевал свои походные песни, приглашая угоститься горячим крепким ароматным чаем, который заварила нам мать. Мама шила. Она раскроила зимнюю малицу, а теперь накладывала красивые узоры на праздничные тобоки, торопясь закончить всё до большой ямданки. Игла ныряла в её руках как рыба в воде, и красивые стежки крепко скрепляли шов, словно большой мороз скреплял берега. Руки, привыкшие делать любую работу, проворно передвигали материал, пальцы услужливо двигали иглу, казалось, нитка сама торопится бежать за иглой.

Захоркали олени, отец подъехал к чуму. Мама быстро отложила дело, свернула и убрала в специальный мешок кусочки меха. Отдельно положила напёрсток и иглу, предварительно воткнув её в кусочек ткани. Напёрсток был старый, им пользовалась её покойная мать, моя бабушка. Местами на нём уже были дырочки, но оставить его было жалко – последняя память о матери. Мама положила напёрсток под шкуру, на которой сидела и шила.

Чайник уже свистел. Мама собрала на стол: горячий суп источал вкусный аромат, мясо томилось на блюде, хлеб лежал на полотенце и ждал хозяина.

– День хороший. Однако ямдаты надо. Корму мало, олень скоро будет голодать.

– Готова я. Завтра и поедем.

После плотного ужина мать уложила детей спать, а сама стала собирать вещи. Завтра будет много дел. Подняв край шкуры, мама не обнаружила там своего напёрстка. Нитки и иголка были на месте, а напёрсток пропал.

– Муж мой, как ехать? Мой напёрсток не на месте. Как я буду шить?

– Женщина, как могла ты потерять напёрсток?

– Нет, не теряла я напёрстка. Куда делся, не знаю.

Стала мать перебирать снова все вещи. Нет напёрстка. Пальцами прогладила всю землю в чуме. Нет напёрстка. Поняла мать, понравился её напёрсток Хозяйке места. Не вернёт она его, если не дать выкуп.

Все спать легли, мать тихонько встала,

взяла старый ломаный напёрсток, которым уже давно не пользовалась, но хранила, вдруг понадобится?

– Очень прошу тебя, Хозяйка этих мест, прими от меня подарок. Много малиц, тобоков и бурок сшила я этим напёрстком, дорог он мне как память, но тот напёрсток – последняя память о матери моей, верни мне его, а этот прими как подарок за твоё гостеприимство.

Воткнула она напёрсток в землю, туда, где стояла печь, положила кусочек хлеба и легла спать. Утром, попив чаю, все стали собираться в путь. Мать выносила и складывала вещи в лари. Когда дошла очередь до шкур, которые лежали на земле, мать с волнением подняла край шкуры, на которой сидела. На земле лежал напёрсток, бока его блестели, словно кто-то натёр их до блеска. Было видно, что им пользовались.

С большим волнением мать убрала чум, взяла веничек и аккуратно подмела место, где ещё недавно стоял чум. На месте недавней стоянки мы оставили кусочек хлеба и мяса в благодарность за приют.

Много времени прошло, но не уходит из памяти этот случай. С тех пор я всегда, бывая в тех местах, оставляю на месте кострища от нашего чума кусочек хлеба и мяса в память о моей матери.

Татьяна Вепрева «Сказка про Вэсэя»

Истории дедушки Вэсэя у меня встречаются не только в сказках, но и в стихах-загадках, которые знакомят с ненецкой тундрой, животным миром. Вэсэй - замечательный персонаж, который даёт почву для размышлений, а главное, он заставляет верить в высшие силы, которые помогают людям быть в гармонии с окружающим миром, ценить природу и заботиться о животных.

Посвящается Личутину Фёдору и его семье.

Хотите верьте, хотите нет.

Говорят, что тундра бескрайняя, что человека издалека видно. Но живёт в тундре дедушка Вэсэй. Все о нём знают, и никто никогда его не видел. А всё потому, что ростиком он малый, сам худенький, щупленький, за любую кочечку спрячется и поминай как звали. Болото ему нипочём, он такой лёгкий, что оно выталкивает его на поверхность. Говорят, что этот дед – тундровый защитник и появляется только там, где беда какая случается.

Так однажды дядя Фёдор ехал в избушку, да не один, а в санях у него были и жена любимая, и дочка младшая, и я там была, всё-всё помню.

Застала нас тогда пурга снежная, да такая, что в метре от себя никого не видать. Даже снегоход дяди Феди из саней не виден был, так мело! Ехали мы, ехали, и, кажется, заблудились. Вот тут-то и началось с нами приключение.

Остановился дядя Фёдор, благо, опытный он, направление по ветру решил определить. А ветер такой странный: то с одной стороны, то с другой. Понадеялись мы, что ветер нас не обманет, и двинулись дальше. Снова едем, но ни конца ни края пути не видать. По времени должны бы уже в избушку приехать, но нет её на пути. Ветер то справа, то слева, то в лицо, то подгоняет. И вроде бы не страшно, но как подумаешь, что могли к морю уехать и заблудиться, – дух перехватывает!

Вот тут-то, когда мы почти отчаялись, и показался нам некий образ, тот самый Вэсэй. Сквозь пургу мы еле могли уловить взглядом очертания человеческого обличия. Кто-то в малице и с тынзеем в руке будто звал нас. В пурге казалось темно, несмотря на слепящий густой падающий с неба снег. Вэсэй своим тынзеем будто указывал нам дорогу. «Смотрите сюда, вам нужно в эту сторону, давайте за мной», – читалось в образе среди непроглядного снега.

Мы поверили Вэсэю и направились в его сторону. А ведь и правда, оказывается, мы ехали хоть и в правильном направлении, но очень далеко от берега, по самому центру замёрзшей Печоры. Уж когда увидели кочки да торчащие из-под снега кустарники, радости нашей предела не было. Ай да Вэсэй! Ай да молодец! Вот и не верь в сказки!

А мы тем временем благополучно добрались, хоть и был наш путь ровно в два раза длиннее, чем обычно. И я там была, ох и страху натерпелась, но в деда Вэсэя теперь точно верю! А мастерство дяди Фёдора, его вера в высшие силы помогают ему не страшиться тундры, а наоборот, быть ей другом, а для людей – опытным проводником в Северном краю.

Мария Выучейская «Сказка о сказке»

Жила-была Старая сказка. Много лет она бродила по свету и заглядывала в окна разных домов. Только вот нигде её не ждали. Все о ней давно забыли: и дети, и мамы с папами, и бабушки с дедушками. Но Старая сказка не сдавалась. Она снова и снова подходила то к одному, то к другому окну. Иногда ненароком из её глаз стекала слезинка. Она падала на землю, и в том месте вырастала колючка – маленькая, колкая и злая. Старая сказка знала, что колючки не принесут никому счастья, и старалась не плакать.

«Кто-то меня ещё помнит, ведь мне столько лет. Ах, как меня любили дети! Как они радовались, когда я приходила к ним перед сном!» – думала Старая сказка, продолжая свой путь. Сколько времени она так бродила, уже и сама не помнила. Раньше дети любили

сказки, а сейчас у них есть мультики, игры на телефонах и планшетах. Только ни родители, ни дети не знали, что если о сказках забывают, то они умирают. Старая сказка не теряла надежды, она верила, что есть дети, которые читают и любят сказки: и старые, и новые, а некоторые и сами их сочиняют. Сказка шла и шла, а силы потихоньку покидали её. Как вдруг...

Большой дом с большим количеством окон и тихий ровный голос женщины. Старая сказка сразу поняла, что женщина читает детям Сказку. Но что-то не так: сил совсем не осталось. Старая сказка закрыла глаза и упала на землю. Тут раздался детский смех! Сказка с лёгкостью открыла глаза, оглядела себя и не узнала: она вновь была молодой, сильной и красивой, а десятки детских глаз смотрели на неё и улыбались!

В этом детском доме многие Сказки оживали. Каждая Сказка мечтала найти такой дом, где её всегда ждали и любили. Детский смех придавал сил. И хоть дети вырастали, они не забывали о сказках. Вот и одна девочка выросла, стала совсем взрослой. Когда она уходила из детского дома, то забрала Старую сказку с собой, чтобы однажды вернуться и рассказывать её другим детям!

Анастасия Хабарова «Первый снег»

На крыше старого деревянного дома сидела серая нахохлившаяся ворона и сердито смотрела на всё, что её окружало: на девочку, весело прыгающую по осенним лужам; на прохожих, любующихся последними золотыми листочками и радующихся теплой погодой:

– Кар-р-р! Ну чему р-р-радуются? «Луженька, луженька...» Чего в этих лужах хор-р-рошего?! Сыр-р-ро, холодно... А эта счастливая прыгает. А остальные? Скор-р-ро холодно будет, белые мухи пр-р-рилетят.

Так, ворча на всё и на всех, ворона задремала. Ей приснилось, что она совсем ещё юная, только вставшая на крыло. Весёлая, нахальная и ничего не боится. Приснилось, как в первый раз увидела снег – белый, пушистый, холодный. Как светло стало кругом! И весело. Во сне старая птица вспоминала, как каталась по снежной крыше, как дразнила большого рыжего пса: стучала клювом по крыше будки, где спал лохматый, а когда тот вылезал, стряхивала на него снег с веток. Смеху было! Пёс лаял для порядка, но и сам был доволен игрой.

Серая проснулась, огляделась и увидела, что всё вокруг стало белым-бело. «Белые мухи пр-р-рилетели». Но это почему-то не вызывало раздражения. Захотелось похулиганить. «Полечу-ка я рыжего подр-р-разню. Забыл, навер-р-рно, как это весело, когда выпадает пер-р-рвый снег».

И с этими мыслями старая ворона полетела

в сторону дома, где жил её приятель. На улице всё так же прыгали дети, радуясь на сей раз первому снегу. Ведь какая, в сущности, разница, осень на дворе или зима, если в душе тёплое жизнерадостное лето.

«Лягушечка»

В глухом коридоре одного детского сада жила маленькая керамическая лягушка. Она была чуть побита временем и непогодой, но не утратила жизнерадостности.

В этом коридорчике лягушечка стояла не всегда. Летом она обитала во дворе сада у маленького импровизированного пруда. Ей там очень нравилось: ветер шёпотом рассказывал о том, что видел в своих странствиях; многочисленные насекомые шекотали её лапками и жужжали что-то о своей немудрящей жизни. Дети радостно восклицали, увидев её. Лягушка очень любила всё это, потому что на время забывала о том, что она – просто керамическая фигурка, и чувствовала себя живой.

А зимой бедняжку убрали в коридор. Туда очень редко кто заходил. Наступили долгие, томительные дни, наполненные покоем и одиночеством. Лягушке только и оставалось, что вспоминать лето. Ночами было особенно тоскливо и страшно. Рядом не было даже игрушек, с которыми можно перекинуться словом (если вы не в курсе, то по ночам игрушки становятся очень разговорчивыми, даже болтливыми). А когда за стеной начинал выть кто-то большой и страшный, становилось вдвойне жутко. Лягушка гадала: кто это, почему он так воет? Может быть, он потерялся? И ему тоже тоскливо и одиноко? К страху примешивалась жалость. Малышка не узнала

в жутком вое голос своего приятеля ветра и думала, что это какой-то великан, плачущий от тоски. Так тянулись длинные дни и ещё более длинные ночи.

Но однажды всё изменилось. В один прекрасный вечер раздался звонкий детский голосок: «Мама, смотри, лягушечка!» В ответ прозвучал немного раздражённый женский голос: «Какая ещё лягушечка? Собирайся быстрее». Маме девочки не было дела до какой-то там лягушки. Женщина думала только о том, как побыстрее добраться домой, заварить крепкого чая и наконец-то оставить все волнения рабочего дня позади. Но крошка не унималась: «Маленькая, хорошенькая! Пойдём, покажу!» Девочка тянула маму за собой, и той ничего не оставалось, как следовать за дочкой. В углу стояла керамическая лягушка с широкой и немного застенчивой улыбкой на симпатичной мордочке. Женщине вдруг стало жалко эту маленькую одинокую фигурку, уж очень неприкаянной она ей показалась. Лягушечка почувствовала, как ей на голову легли две тёплые руки: маленькая и большая. А потом она услышала: «Спокойной ночи, маленькая!» И стало так хорошо, тепло.

С тех пор каждый вечер девочка навещала керамическую подружку, гладила её по голове, крепко обнимала и желала доброй ночи. Одиночество куда-то сгнуло, ночами стало не так тоскливо. И даже улыбка на керамической мордочке, вы не поверите, стала шире. Ведь так важно, чтобы рядом был друг, который просто пожелает спокойной ночи, обнимет и скажет, что всё у тебя будет хорошо.

А жуткий вой по ночам скоро прекратился. Лягушечка думала: «Наверное, он тоже нашёл друзей, и ему больше не страшно».

Проза

Литературные путешествия

Татьяна Окладникова

Родина огненной птицы

Расписной Новый год на родине Огненной птицы (Шуя – Палех с разгуляем в русской деревне) – так необычно и загадочно назывался новогодний тур. Предстояло узнать: почему расписной, что за огненная птица и что же или кто такой разгуляй.

Шуя – первая остановка нашего автобуса, – один из самых очаровательных и милых городков Ивановской области. Когда-то крепенькая купеческая Шуя славилась на всю Россию своими богатыми ярмарками. Баснословно зажиточные купцы не жалели

денег на благоустройство своего города, и в совсем маленькой Шуе было возведено двадцать красивейших храмов. А уж купеческие дома наперебой соревновались в роскоши друг с другом и могли достойно украшать любой столичный город.

Имя города связывают с именем Василия Шуйского, с самой высокой в России православной звонницей, с яркой красотой ситца, с изысканностью и «изяществом русской медлительной речи», воспетой поэтом Константином Бальмонтом», – прочитала я в тоненьком буклете. Задумалась: удастся ли мне написать очерк об этом городке? Найдется ли интересный материал о славном поселении? И имеет ли Шуя отношение к Огненной птице? Попробую.

Оказалось, что версий происхождения названия Шуя достаточно. Это и болото, заболоченная местность; это и славянское слово «ошую» – левая сторона. Город располагался на левом берегу реки Тезы. Однако шуяне любят повторять версию историка восемнадцатого века И. Болтина о том, что их городок – один из самых древних поселений, был когда-то столицей Белой Руси, а слово «шуя» на таинственном и забытом сарматском языке значит «столица». Экскурсовод с гордостью заявила: «Не было Суздаля, Владимира, а мы уже были». Пятьдесят шесть тысяч жителей, третий город после Иванова и Кинешмы в Ивановской области. Один из главных российских центров мыловарения. Попробуйте шуйского мыла, уверена, оно Вам обязательно понравится и не надо будет ломать голову: что привезти нарядным родным, друзьям и просто хорошим знакомым? Шуйское мыло – удачный сувенир на все случаи жизни.

Со второй половины восемнадцатого века развивается ткачество, поэтому и связывают Шую с радостным, веселеньким ситчиком. Мы, шуяне, «Чем хочешь щегольнём: рогожами, лаптями, мылом, киселём...», – писал в знаменитом стихотворении «Дрёма» Константин Бальмонт.

Стихийный гений

Бальмонт или БальмонТ? Литературоведы считают, что оба варианта допустимы в употреблении. Родился поэт в деревне Гумнищи Шуйского уезда, тогда ещё Владимирской губернии. Несмотря на то, что Константин был непоседой, баламутом, шалуном – он самостоятельно, по словарям, выучил шестнадцать иностранных языков. А вот закончить хотя бы одно образовательное учреждение ему так и не удалось.

Огромную роль в становлении будущего блестящего поэта сыграла мать, Вера Николаевна. Она поделилась с сыном своим «душевым строем», научив любить поэзию, прозу, ценить устное народное творчество.

Открыла неповторимый мир классической музыки. Сын трепетно и нежно любил её, бережно относился к ней. Константин Бальмонт был невероятно популярен, кумир целого поколения, самый выдающийся поэт-символист. Современники о нём отзывались: «Тревожная вечная загадка, внезапный излом». Для Марины Цветаевой и Игоря Северянина служил образцом литературного стиля. А Александр Блок как-то произнёс: «Когда слушаешь Бальмонта – слушаешь весну».

Где бы Константин Бальмонт ни был, где бы ни жил, он всегда повторял: «Как я хочу вернуться в свою любимую, скромную Шую».

На надгробной плите короткая, но очень ёмкая и глубокая надпись «Константин Бальмонт – русский поэт». Только истинный талант мог написать: «Скоро осень проснётся и заплачет спросонья», «Я буду петь о солнце в предсмертный час», «Есть в русской природе усталая нежность». Знаменит и любим современниками Бальмонт был настолько, что даже в тюрьмах зачитывались его стихи.

Свою прогулку по новогодней Шуе мы начали у литературно-краеведческого музея имени К.Д. Бальмонта. Внутрь попасть не удалось – первое января. Здание похоже на расписной пряник. Интересна история создания музея. Помните, в известном фильме «Джельтмены удачи» матушку главного героя? Так вот, удивительная, надо признаться, женщина, звали её Екатерина Яковлевна Мазурова (1900–1995). Она играла простых бабушек, а в жизни была богатейшей женщиной. Всё своё богатство Екатерина Яковлевна спустила не на себя любимую: прежде всего, добилась открытия музея, который отразил судьбу, творчество и наследие одного из ярких поэтов Серебряного века. А во-вторых: настояла, чтобы залы одновременно были наполнены краеведческим материалом о шуйской земле. В дар музею Екатерина Яковлевна преподнесла коллекцию картин известных художников, богатейшее собрание фарфора и стекла. Жители Шуи помнят и боготворят удивительную женщину, талантливую актрису, настоящего мецената в старых русских традициях.

Главный духовный стержень шуян была и остается – православная вера. В 2007 году на площади у Воскресенского собора был открыт единственный в России памятник священникам и мирянам, пострадавшим за веру во времена гонений. Наш же экскурсовод призналась: «Если душа не идёт в храм, не ходите, выждите время. Так было со мной: какая-то таинственная сила не пускала меня в церковь». Подумав, посоветовала: «Бог обязательно позовет вас, когда придёт время, и душа ваша влетит в храм Божий».

Вот такая она, Шуя: рассказывать о ней ещё можно долго. Но к разгадке Огненной птицы и разгуляя мы так и не приблизились. Думается, Палех нам поможет и откроет тайну.

На пути к огненной птице и разгуляю

«Обязательно душу что-то тронет», – предупредил заботливый гид, когда стали заметны дома посёлка. При въезде – яркий, оригинальный знак с надписью: «Палех – центр русской лаковой миниатюры и иконописи». Ну что ж, заглянем в Палех.

В летописях это поселение упоминается ещё до пятнадцатого века. Предполагается, что основали Палех люди, бежавшие от татаро-монгольских захватчиков. Спалив у реки лес, построили дома. Окруженный глухими лесами, отрезанный от городов и рек бездорожьем, Палех жил замкнутой жизнью, сохраняя традиции иконописи – неповторимого искусства палешан.

Позднее, после революции 1917 года, истинные художники ищут новые возможности применения дорогого для них искусства. И вот результат: россыпь миниатюрных лаковых шедевров – шкатулки, подносы, портсигары, ларцы, броши, браслеты, пудреницы, разделочные доски – начинают покорять мир своей необычной красотой. Каждая вещь в палехском искусстве уникальна. Тонкость линий, виртуозное мастерство поражают и восхищают до глубины души. Все миниатюры выполнены сияющими, огненными, не тускнеющими веками красками с увлекательными, никогда не повторяющимися сюжетами.

Буйство красок и полёт фантазии ожидал и нас, туристов. Было предложено посетить мастер-класс, который назывался «Огненная птица».

Так вот оно, загадочное название тура! Нам разрешалось на час превратиться в настоящих художников, и своими руками создать новогодний сувенир в стиле росписи мастеров из Палеха. Конечно же, под руководством профессионалов, влюблённых в своё неповторимое и прекрасное творчество. Мы были очарованы, старались, высунув от напряжения и старания языки. Всем хотелось перещеголять друг друга и создать настоящее произведение народного творчества. Шедевры вряд ли получились, а вот приобщиться к потрясающему искусству удалось!

А на улице – настоящий деревенский разгуляй! Сарафаны яркие предложили нам, девицам-красавицам, а бравым мужичкам – рубахи русские, косоворотками называются. И пошло-поехало: снежки, снеговики со снежными бабами, да хороводы под гармонь, да частушки-припевки, да озорство, да баловство! Конкурсы задорные да игрища народные – веселье до упаду! Устали, приморились, а хозяева в избу приглашают. А на столе, чего только нет! И картошечка, зеленью посыпанная да маслицем политая, огурчики бочковые, да капусточка квашеная, сальце своё с горчицей да с хреном! Не хватает на

столе места разносолам. А угощенья несут и несут к столу: деревенские пироги, ватрушки, кулебяки. Ну и напитки, конечно: ягодный морс, чаёк из самовара с вареньем, медовуха. Да как хороша!

Удивил и от души порадовал настоящий, хлебосольный, новогодний разгуляй. Одно слово – Россия!

Воронеж и его окрестности

Тридцать первое декабря, восемь часов утра, в Москве – кромешная тьма. По первому выпавшему снегу спешу на автобус, который умчит меня к славному граду Воронежу. Туристы – сплошные дамы далеко за... Мужчины – шофёр и экскурсовод, оба необъятного телосложения. Терпеливо ждём не успевающих к условленному времени туристов. Вспомнилось: когда-то, на одну из экскурсий, опаздывала и я. Бежала, спотыкалась, проклиная всё на свете; беспрестанно звонили организаторы, направляя в московском метро по верному пути. Увидев меня, весь автобус бурно негодовал. Поэтому я сейчас терпеливо и молчаливо жду всех опоздавших.

Но пора в путь! Пришло время познакомиться с городом, который носит красивое название «Воронеж», с его историей, людьми, окрестностями.

«Воронеж – один из самых очаровательных городов Черноземья – не по-здешнему аккуратный, чистый и по-домашнему уютный», – написано в программе тура. Ну что-ж, увижу своими глазами и постараюсь понять, в чем его очарование.

Воронеж – город сложной, противоречивой, но с удивительной и впечатляющей историей. Город-страж в степи был основан в 1586 году для защиты южных границ Московского государства от набегов крымских татар. А неутомимые татары бежали туда-сюда беспрерывно.

Расцвет и особенную славу Воронежу принесли времена правления великого Петра Первого, который превратил Воронеж в столицу российского судостроения. Здесь витает дух молодого Петра, поверившего в город триста лет назад. Правда, сначала губерния называлась Азовской, а уж потом Воронежской. В конце восемнадцатого века Воронеж становится вполне европейским городом.

Во время Великой Отечественной войны он был разрушен, 212 дней правобережная часть Воронежа была оккупирована немецко-фашистскими войсками, линия фронта разделяла Воронеж на две части. Город был разрушен на девяносто три процента, но восстановлен на все сто.

Воронеж литературный

В силу своей профессии меня всегда интересует литературная сторона путешествий. Поэтому вопрос: кто из литераторов имеет отношение к земле Воронежской – вполне понятен и естественен. В начале пути прозвучало имя сказительницы Корольковой, а я ничего о ней знать не знаю, и ведать не ведаю. Но для познания нового и существует прекрасная возможность – путешествия. Что же удалось узнать?

Анна Николаевна Королькова, 1892–1984, (ого, прожила 94 года), родилась в селе Старая Тойда Воронежской губернии. Советская сказительница, член Союза писателей СССР, а в любые союзы, даже самые малочисленные, попасть в советские времена было не просто! К тому же, как выяснилось, Анна умела читать кое-как, а вот писать так и не научилась. Оказывается, членом Союза писателей можно стать, не умея писать. Так-то вот. Главное – талант и призвание. Жизнь – ради сказок.

К моему большому удовольствию я нашла много общего между двумя известными сказительницами: нашей Маремьяной Голубковой и Анной Воронежской. Маремьяна Романовна Голубкова, как и Анна Николаевна Королькова, с раннего детства трудилась в няньках, в прислугах, в батрачках. Уже в двенадцать лет звали Маремьянку петь да причитать на свадьбы и похороны. И с каким-то невероятным трагизмом, болью, страданием оплакивала Маремьянушка души, улетевшие на облака. А уж на свадьбах что творилась: так радоваться за молодых могла только двенадцатилетняя девчушка! Да и попечалиться за судьбу невесты умела как следует. О своей жизни Маремьяна Голубкова проникновенно поведала в повести «Два века в полвека», почитайте, уверена – понравится. Песни, записанные от Маремьяны Романовны Голубковой, были включены в репертуар знаменитого народного хора имени Пятницкого, записаны на грампластинки и звучали по всей Руси-матушке!

Итак, Анна Королькова открывает галерею литераторов Воронежской области.

В Воронеже множество памятников писателям, поэтам и ярким литературным персонажам, таким как верный пёс Белый Бим, созданный воронежским писателем Г.Н. Троепольским. Кстати, это один из немногих памятников собаке – литературному герою. Нигде в России вы не найдете памятник военному почтальону, только здесь, в Воронеже.

Если перелистать «Судьбу человека» Михаила Шолохова, то можно убедиться, что Андрей Соколов из деревни в Воронежской области. Поговаривают, что и Степан Разин родился тоже здесь. Николай Сличенко имеет отношение к земле Воронежской. А ещё

кабачковая икра впервые была приготовлена в Воронеже, да и растительное масло начало свой путь тоже здесь, на воронежской земле. Всё это с воодушевлением рассказывал влюбленный в своё непростое дело экскурсовод. Ну а я, на всякий случай, проверила: соответствуют ли эти сведения действительности. Всё правильно.

Один из первых памятников в Воронеже в 1868 году был установлен Алексею Васильевичу Кольцову, хотя по отчеству его вряд ли кто-то называл: прожил он всего 33 года. Отец Кольцова хотел, чтобы сын шёл по его стопам и был мелким торговцем, продвигая бизнес. Алёшка же писульки сочиняет про рожь, про косу, да «Раззудись, плечо! Размахнись рука!». Нет бы делом заняться, папке помогать, ан нет. Вернулся после учёбы в Воронеж, лично с царем встречался, с Жуковским был «на короткой ноге». Считается, что в отечественной литературе он один «безраздельно владел тайною народной песни». Жители Воронежа любили своего земляка, собрали деньги на памятник, увековечив его память.

В воронежской слободе Чижовка родился любимый детворой Самуил Яковлевич Маршак, для которого поэзия была «страстной увлечённостью, даже одержимостью». Памятник Маршаку символичен: он держит за ручку девочку. Это и погибшая дочка, и тысячи других детей, в творчестве для которых он нашёл отдушину.

Во времена моего студенчества гостила у нас в доме внучка Маршака, прилетевшая в Нарьян-Мар за романтикой белых ночей. Но лето, а значит комары, сплошной песок, который безжалостно слепил глаза, проникая во все щели, не понравились ей, не впечатлила её окраина России. Жаль.

Но вернёмся в Воронеж, точнее уже в пригород города.

Дворянские усадьбы – увы, можно смело назвать «унесённые ветром», но остались ещё места, где можно ощутить дух утраченной эпохи. В 27 километрах от Воронежа – родовое дворянское имение Веневитиновых, построенное в восемнадцатом веке на левом берегу Дона. Эту реку я увидела впервые. Мне думалось, что Дон, любимец шолоховских казаков, сродни нашей Печоре, такой же широкий, привольный и многоводный. Но ничего подобного.

Так вот, Дмитрий Веневитинов, яркий, тонкий и лиричный поэт, ушёл из жизни в двадцать один год, успев оставить свой след в философии, живописи, музыке. Он «немеркнувшей звездой сияет на российском литературном небосклоне, и его тонкая и зрелая романтическая поэзия пленяет своей удивительной красотой». А ещё осталась неразгаданной тайна его любви к тридцатишестилетней Зинаиде Волконской и уникального перстня, который подарила ему красавица, и который, по легенде, стал причиной его смерти, «...как

знал он жизнь, как мало прожил».

Но вспомнить всех писателей, поэтов, литературных персонажей, рассказать обо всех поэтических местах, переулках, зданиях Воронежа в одном очерке невозможно, а перечислить в обязательном порядке – нет смысла. Расскажу-ка я ещё об уникальных местах Воронежской области, невероятной красоты, потрясающей истории, настоящего волшебства.

Страна Белогорских Див

К югу от Воронежа, в среднем течении Дона, высятся кряжи высоких, порой до ста метров, меловых гор. Кряж – это линейно вытянутая возвышенность, цепь невысоких гор, остатки разрушенных горных хребтов. Вершины холмов венчают причудливые нерукотворные творения в виде колоссальных пластов мела – меловых столбов, покрытых тонким слоем почвы, ещё их называют белыми стогами снега. Вре-мя и ветер сотворили нечто грандиозное, поэтому – диво, дивы, край каменных див. И как результат этих всех понятий – Дивногорье, уникальная достопримечательность Воронежской области.

Что самое удивительное: в Дивногорье или ещё одно название – Белогорье – скрываются уникальные пещерные храмы, израненные как наши души, и целые подземные монастыри! Это места невероятной красоты и удивительной, чистейшей святости.

Мы посетили одну из самых уединённых подземных обителей – Успенский Дивногорский монастырь. Экскурсию провела монахиня с благостным, ангельским лицом, с почти детским ярким румянцем, с необыкновенно светлыми глазами. Обращалась она к нам исключительно «дорогие мои». Так вот, нам, дорогим, служительница Богу неустанно повторяла завораживающим голосом: «Если человеку что-то надо, необходимо не бояться и просить у Бога помощи. Живёшь, страдаешь и не просишь, а попросишь – и на тебе, пожалуйста, всё получилось».

Побывали и в Пещере Столпника, молчаливой свидетельнице духовных подвигов монахов. На её стенах сохранились цепи и веревки, которыми они прикрепляли себя, чтобы не упасть, ведь подвиг столпничества заключался в постоянной молитве стоя, и днём, и ночью...

Но чтобы спуститься к монастырю, а затем подняться – нужно здоровье, да ещё какое! Так вот, мне подумалось: какая я молодец, что решилась на операцию по смену сустава, с невероятным страхом перенесла её, прошла достойную реабилитацию и теперь, довольная, взбираюсь высоко и опускаюсь глубоко. А ещё пробираюсь по длинным и витиеватым подземным ходам. Оно того стоит! Ради вот таких впечатлений.

Рамонский дворец принцессы Ольденбургской

К сожалению, я и не знала, что у России есть Рамонь, которую тоже называют жемчужиной. Выходит, что страна наша – вся в жемчугах! Именно отсюда по всему миру пошла слава Российского флота, русского стрелкового оружия, свеклосахарного и конфетного производства.

Так вот, в Рамонском районе Воронежской области есть уникальный дворец принцессы Ольденбургской, овеянный тайнами, мифами, легендами. Он особо известен среди памятных мест Центрального Черноземья, является главной достопримечательностью Воронежской области. Уже в девятнадцатом веке Рамонь была признана современниками волнующей красавицей среднерусской равнины. В «Путеводителе по живописным местам России» 19 века сказано: «Рамонь – один из прелестнейших уголков, достойных внимания всякого путешественника». Великолепный дворец отличается необычной простотой, большим вкусом и изяществом. Создать это великолепие в далёкой российской глубинке по силам натурам образованным и деятельным, волевым и целеустремленным, энергичным и удачливым, с хозяйской хваткой. Такими были хозяева – ЕЯ Императорское Высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская и ЕГО Императорское Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский.

Массивное, великолепное трехэтажное здание из красного кирпича окружено многочисленными хозяйственными постройками, подсобными помещениями, фабриками, конюшнями, мастерскими и заводами. Дворец сооружён из рамонского пяточного кирпича (пятками босых ног рабочие пристукивали кирпич до полной готовности). Только благодаря его особой прочности дворец выдержал все испытания, которые выпали на его 130-летнюю историю. Рамонские же пейзажи повергают всех в изумление и восторг. Мы прошли по сохранившимся залам замка, источающим былую роскошь и величие, полюбовались величественной лестницей, громадными каминами. Сохранились даже смесители душевых кабин. Да-да! Всё это заслуги принцессы Ольденбургской. Зачем она, 34-летняя внучка и правнучка русских императоров, приезжает из Петербурга в Рамонь? Экскурсовод терпеливо объясняет: «Возраст переломный, хотелось что-то сделать полезное, знаменательное. Хватка бульдожья, энергия так и плещет, в общем, бизнесумен по-русски». А здесь – нищета кромешная, самый непригодный участок земли, грязь по колено, запах жуткий, сахарный завод тихо умирает. Принцесса же за короткое время

превратила Рамонь в расцветающий участок капитализма: железная дорога, фабрика конфет и шоколада, даже теплые полы в замке, центральное отопление, под штукатуркой – верблюжья шерсть – от мух, тараканов, мышей. Печки – аналоги современных обогревателей, «голодка» – наша микроволновая печь, грела постоянно. Ещё ковровые мастерские, – надо было дать работу женщинам.

А у принцессы новая забота: необходимо выйти на рынок ярко, оригинально, впечатляюще. Проводит электричество, канатную дорогу снизу вверх, решает серьезную проблему – работать без посредников и закрепить людей на производстве. Шоколад экспортировался в 54 страны, особое внимание уделялось фантикам: выбирает известных и признанных художников, таких как Билибин, Васнецов, которые оформляют конфеты так, что их хочется съесть. И наступает в Рамони коммунизм! Высокие зарплаты, кредиты без процентов для строительства домов, забота о детях. Но спрашивала жёстко. Круговая порука, а значит – завидное качество товара.

Конец семьи Ольденбургских тоже впечатляющий. В 1905 году завод «встаёт на стачку», вызваны войска, запольхали склады, постройки, – сгорело всё. Крах настоящий. Император Николай Второй, как сказал нам экскурсовод, «эту тётку любил», поэтому на восстановление хозяйства выделил ей девять миллионов. Евгения была настоящим бойцом, всё хозяйство быстро восстановила. Но уже в 1917 году Рамонь уходит с молотка. Евгений и Александр пережили революцию с наименьшими потерями. Лихорадочно избавляются от всего, что у них было нажито, срочно меняют на золото, не торгуясь. Легально и комфортно уезжают в Финляндию, а затем во Францию, тоскуя по Родине, по Рамони, по дворцу.

Дворец будто чувствует боль своих хозяев и вновь переживает страшные войны, перевороты и потрясения, выпавшие на его долю, на судьбу его обитателей и на всю историю нашей многострадальной великой страны.

Адыгея

Тёмным, неуютным декабрём я отправилась в далёкую Адыгею. Путь лежал через зимний Краснодар, в котором по-весеннему светило солнце, дул ласковый ветер, дышалось легко и свободно. В Нарьян-Маре же – крошечная тьма, жгучий мороз, не хватает кислорода. Но от этого он, заполярный город, не становится менее любимым, уютным и желанным.

Меня же вдали от дома ждут новые ощущения, знакомства, впечатления. Что подарит Адыгея, чем порадует, удивит? Знаю, что бесконечным потоком едут и едут туда туристы. Думается, за тем, чтобы ещё раз

убедиться в правильности слов Л.Н. Толстого: «Самая чистая радость – радость природы».

В поездку по Адыгее я попала случайно, как говорится по воле случая. Мне хотелось зимой (не так жарко) поехать в Чечню и Дагестан, есть такой маршрут, где можно «угнаться за двумя зайцами». Но, в удобное для меня время этой поездки не оказалось, была предложена Адыгея, о которой я почти ничего не знала, кроме того, что она со всех сторон окружена Краснодарским краем. В предложенном рекламном ролике моё внимание привлекло ежедневное купание в термальных источниках, ими славится эта местность. Позднее поняла, что ради термальных источников стоило отправиться в дальний путь. Я впервые плавала по принципу «два в одном»: голова в холоде – а морозы ударили знатные – всё остальное в тёплой и полезной воде. Невероятная нега, блаженство плюс здоровье, – всё это дарят туристам термальные источники Адыгеи. На территории нашего округа тоже есть это чудо природы.

Впечатления от Адыгеи

Первые впечатления связаны с Хаджохской тесниной, извилистой щелью в скалах над рекой Белой, главной рекой Адыгеи. «Хадж» означает паломничество к святым местам, а теснина от слова «тесно». Белая – горная река, обладающая особой энергетикой, завораживающей силой, говорливостью своих вод. Можно бесконечно стоять возле неё, слушать разговорчивые потоки, дышать удивительной свежестью, которой невозможно надыхаться. Частички метеорной пыли делают воды сияющими, огненными, незабываемыми. Бесподобная красота, величие, неповторимость. Но если вода в теснине поднимается до высоты девятиэтажного дома, тогда она безжалостно сносит всё на своём пути. Так было в 2001 и 2017 годах. Как сказал наш замечательный экскурсовод Павел: «Труба!». Водопады реки Руфабго – следующий этап знакомства с Адыгеей. Существует красивая легенда о бессмертном великане Руфабго (бешеный), который разорял земли, воровал скот и забирал из домов красивых девушек. Настал миг расплаты. Сердце его вырвали из груди и бросили в речушку, которую назвали его именем – Руфабго. В последний миг жизни посетило прозрение великана: он понял, какую боль причинял людям. Сердце его окаменело, слёзы превратились в семь уникальных водопадов. Кстати, такого количества легенд и преданий, как в Адыгее, я не встречала нигде.

Думаю, что многим из читателей посчастливилось вслушиваться в чарующие звуки падающей воды. Но пройти долгий путь, чтобы полюбоваться семью водопадами, я не решилась. Уселась на брёвнышко, сижу, жду возвращения группы, успокаивая себя:

«Нечего бегать туда-сюда, наслаждайся: ручеек журчит на разные голоса, скрюченные деревья уныло смотрят со склон гор, капли дождя с постоянной периодичностью падают на мой нос, древние серые камни молчат о том, что им довелось увидеть на своём многовековом житье-бытье».

А вот о людях, с которыми мне посчастливилось провести яркую, незабываемую Адыгейскую неделю, стоит рассказать отдельно. Надо признаться, что во время путешествий довелось повстречаться с различными персонажами. О некоторых вспоминать не хочется, они запомнились только с негативной стороны. Думается, что и многие из моих попутчиков тоже не очарованы мною и вряд ли помнят о существовании Татьяны из Нарьян-Мара, – так я представляюсь в поездках. Безусловно, нельзя считать, что они плохие, а я такая хорошая и пригожая, нет. Просто разное отношение к жизни, ценности, воспитание, а ещё незнание и непонимание одного мудрого закона, который гласит: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе». Это золотое правило этики работает уже много тысяч лет, долгое время я не могла понять и принять этот универсальный закон. Сейчас же с каждым прожитым днём убеждаюсь в его правильности. Попробуй, читатель, уверена, – работает.

Иногда в поездках я сталкивалась с людьми, которые гордо заявляли, что они из Москвы, москвичи то есть. На деле оказывалось, что они из дальнего Подмосковья, а то и из соседних с Москвой областей. Если и попадались истинные москвичи, то они были скромны, просты, приятны в общении. Так вот в поездке по Адыгее мне встретились пара истинных, а не причисляющих себя к уроженцам нашей столицы, людей. Мои новые знакомые – высокообразованные люди, исключительно тактичные, с чувством юмора. Я внимательно их слушала, ловила каждое слово, мысль, рассуждения. «Включив» провинциалку, приехавшую из далёкого Заполярья, я беззастенчиво узнавала их родословную, корни. Они с удовольствием рассказывали о себе, красота Адыгеи располагает к откровенности. Для меня важно было понять: искренни ли они, чтобы затем зачислить их в список российской элиты, который я для себя самой придумала. «Зачем?» – спросите вы. Отвечу: «Хочется пообщаться с настоящей русской интеллигенцией». Желание это из глубины, из нарьян-марского детства и юности, из ощущения своей провинциальности, которое так и не покинуло меня в течение всей, уже долгой и тернистой жизни. Так вот, поездка по Адыгее была украшена общением с этими людьми.

Когда-то столица Адыгеи была крепостью «Майкоп» и служила важным оборонительным пунктом русских войск. Со временем крепость оказывается в глубоком тылу, перестаёт быть военным объектом и превращается в обычное поселение, которое в 1857 году становится городом. С сентября 1991 года Майкоп – столица Республики Адыгея в составе Российской Федерации. По-разному переводится смысл названия Адыгейской столицы: это или долина яблонь, или вкопанный в май, – кому как нравится. В городе проживает сто сорок пять тысяч жителей, два вуза, а значит – много молодежи. Уютный, спокойный, зелёный город, в котором даже зимой можно увидеть в клумбах цветы. Улочки прямые, как тетрадь в клеточку, заполненные, в основном, частным сектором.

Несколько лет в Майкопе жил писатель, сценарист, сказочник Евгений Львович Шварц, на одном из зданий висит мемориальная доска в память о нём.

Во время прогулки по парку я наткнулась на милый и оригинальный памятник, впрочем, даже памятником назвать нельзя: несколько ступенек, а на них очаровательная туфелька и подпись: «Евгению Шварцу – сказочнику и сценаристу». А какое отношение Шварц имеет к туфельке Золушки знаменитого Шарля Перро? «Сказку о потерянном времени» точно написал Евгений Львович Шварц. Помните её?

Оказывается, Шварц дополнял героями, изменял сюжет «Снежной королевы» великого Андерсена и не менее знаменитого Шарля Перро с его милой «Золушкой». Интересно, с какой целью он это делал? Можно прославиться и остаться навечно автором одной сказки, как это было с Петром Ершовым («Конек-Горбунок») и Всеволодом Гаршиным («Лягушка-путешественница»). Выяснила: Евгений Шварц создавал по мотивам широко известных сказок свои неповторимые произведения, как правило, это сценарии для фильмов и театральных постановок. Как оказалось, ключевую роль в творчестве Шварца сыграли театральные сказки, соединившие в себе условность, фантазию, лиризм с публицистической остротой, иронией и актуальной злободневностью. Так-то вот.

Не могу умолчать об Андерсене. Когда мой сын был студентом, мы отправились в путешествие по Дании, самостоятельно, без организованной группы. Самый известный человек в этой стране – Андерсен, один из запоминающихся памятников – «Русалочка». Яркое событие этих дней – поездка в Оденс, к Гансу Христиану. Ехали на электричке, (без сына, одной, мне бы не справиться), по указателям нашли дом, в котором родился и жил великий сказочник. Для нас одних на английском языке милая женщина провела

экскурсию. Пусть я поняла не всё, не в этом дело. Я увидела убогое жилище, инструменты отца, сапожника, малюсенькие комнатухи и дворик, который запомнился особо: пасмурный день, жухлая трава, а на земле яркие, сочные, краснобокие яблоки. Тогда мне подумалось: вот так и рождаются великие люди: в бедноте, скромности, в нужде. Но, несмотря на это дарят нам удивительные сказки с чудесными персонажами. Андерсен – тот ещё провинциал, но Данию прославил навсегда...

А в путешествии по Адыгее меня ожидало не менее сказочное место, название которому Лаго-наки.

Если ты, уважаемый читатель, был в Париже и не увидел Эйфелеву башню, это равнозначно тому, что ты был в Адыгее и не увидел Лаго-Наки. Не моя мысль, а наших верных, заботливых, профессиональных экскурсоводов. Так вот, дорога к Лаго-Наки – это сплошная горная сказка. Здесь можно услышать, как звучат горы. А вот описать, как они звучат, у меня не получится, не могу найти нужных слов. Ступенями к небу называют горы. Вершиной этой лестницы и является плато Лаго-Наки. Когда ты оказываешься там, то появляется ощущение оторванности от земли, полное повиновение законам гор. Не хочется думать о повседневности, о ссорах и недоразумениях, о недугах и старости. Кстати, в этом месте как-то быстро находят решения многих проблем, стоит прислушаться к себе, и тут как тут подсказка, будто кто-то таинственный шепнул тебе ответ. Здесь скрыты неведомые магниты, которые древние народы называли огненным светом Бога и знали, что есть такие священные места на земле, где этот свет щедро изливается на землю. По мнению адыгейцев, одно из таких мест – Лаго-Наки. По преданию, Лаго – молодой пастух, Наки – прекрасная княжна. Они не могли быть вместе, прыгнули со скалы Нагой-Кош, вознеслись на небо и плывут по нему, посылая на землю потоки вечной и прекрасной любви. Эти потоки можно ощутить, находясь на вершине Лаго-Наки и наслаждаясь чарующей красотой.

Дольмены

В Адыгее я впервые встретилась с удивительным созданием человечества – таинственными дольменами, отголосками древней цивилизации, которые насчитывают более пяти тысяч лет. Постройки эти неординарны и непонятны, будоражат сознание человека, особенно вблизи. Цепочка каменных сооружений, которая насчитывает более двух тысяч дольменов, протянулась на пятьсот километров. Больше всего их обнаружено в Адыгее. Современная наука не может разгадать тайны сооружений, считая их праотцами египетских пирамид. Они отличаются архитектурной оригинальностью

и невообразимой трудоёмкостью, величиим и красотой. При возведении дольменов строители использовали огромные каменные глыбы от двух до пяти тонн. Поднять, а тем более перемещать и передвигать тяжеленные махины – дело непростое. Как это проделывали наши далекие предки в третьем-втором веках до нашей эры – понять невозможно. Самым сложным было, думается, водрузить плиту-крышу на вертикально установленные стены. Все дольмены имеют одну особенность: они строились фасадом к солнцу. В передней стене сооружения выдалбливалось овальное отверстие, остальные стены были глухими. Зачем они строились? Возможно, это гробницы для знати, а может проводники энергии между Землей и неизведанными цивилизациями?

Или ещё одна гипотеза, совсем уж фантастическая: дома таинственных карликов, которые обладали невероятной силой, могли двигать скалы и копать подземелья. Дольмены – это что-то необычное, находящееся за гранью понимания бесконечно поражающего нас мира. Если загадать желание и при этом дотронуться до каменной плиты, то оно непременно сбудется, ведь таинственные сооружения обладают магической силой, которую, вероятно, берут из космоса.

«О, край таинственной красоты меня пленил внезапно, сильно», – эти строчки и о моих чувствах. Захотелось вернуться, чтобы полюбоваться ещё и летней Адыгеей. Может удастся, а что, какие мои годы! Так что, до новых встреч.

«Много песен про Волгу пропето...»

Красавица Волга-матушка, белоснежный теплоход, «музыка играет»... Кто не задумывался о таком приятном путешествии? Но, увы, моей мечте не суждено сбыться. «Лето на Волге» – так многообещающе и заманчиво звучит название автобусного трехдневного тура, который подразумевает лишь поездку по Волге на скромном трамвайчике. Но все остальное – увлекательно, интересно, познавательно. Итак, в путь!

Ненастная погода, унылые улицы Москвы, хмурые лица. При посадке в автобус экскурсовод подбодрила туристов, слегка слукавив: «Хорошо, что улыбаетесь». Сразу стало веселей и чуточку теплей. Холод, надо признаться, стоял в Москве совсем не летний. Сильный ветер, проливной дождь, всего десять-двенадцать градусов тепла, неуютно. Но несмотря на плохую погоду оказалось, что в автобусе свободных мест нет: так велик спрос на поездку по Волге. «Загрузка максимальная всегда», – с гордостью заявила гид Ольга Рафаиловна. И добавила: «Четыре года вожу экскурсии. Знаю, что главное в любой поездке – настроение, улыбка, оптимизм. А еще, – добавила она, – идеальный тур возможен

только тогда, когда люди уважают друг друга. Программу тура всегда делает целая команда профессионалов, так что ничего лишнего и ненужного». Мы безоговорочно поверили ей. Так вот, первый вопрос, который задала Ольга Рафаиловна: знаем ли мы год рождения Москвы. «1147!» – дружно ответили туристы, явно к молодому поколению не относящиеся. Но согласись, уважаемый читатель, дата рождения столицы нашей Родины действительно известна с детства, с нашей советской школы. Вопрос был задан с целью расшевелить нас, промокших и озябших путешественников. За окном мелькали дома и проспекты Москвы, поэтому разговор о дне рождении главного города был вполне уместен.

«Наше творческое и чуть-чуть сказочное путешествие начинается в оазисе таланта, искусного мастерства и старинных ювелирных традиций», – прочитала я красивую фразу в описании тура. Решила, что несколько слов о первой остановке я не могу не сказать, хотя и понимаю, что посещение салона ювелирной фабрики «Красная Пресня» – это рекламный трюк. Ювелирное дело в селе Большое Яковлевское (ныне город Приволжск) зародилось в конце девятнадцатого века. В 1940 году разрозненные мастерские объединились в артель «Красная Пресня». Создавали произведения ювелирного искусства из серебра и мельхиора, украшенные гранёным хрусталём, имитирующим яшму, коралл, бирюзу и прозрачные драгоценные камни.

В суровые дни Великой Отечественной войны работники артели выпускали пуговицы и звёздочки для военной формы, а также солдатские кружки для питья. А что? Мудрое решение. После войны возобновили выпуск замечательных украшений. В наши дни завод «Красная Пресня» считается предприятием художественных народных промыслов, где сохранены старинные традиции ювелирного искусства. Вот я и не удержалась: накупила этих самых предметов ювелирного искусства, лежат, ждут своего часа, уже и не уверена: дождутся ли.

Щельково

Щельково – сказочное место Костромской области, любимый уголок и родовое имение великого русского драматурга Александра Ивановича Островского. Именно здесь «родилась» Снегурочка – красивый, нежный, обаятельный персонаж русских сказок. Недалеко от усадьбы протекает речка Мера, до Волги нам предстоит ещё ехать и ехать. Щельково находится в 450 километрах от Москвы, во времена Островского добирались до него девять дней. Мы же по отличной дороге домчались за семь часов с необходимыми остановками, с обедом в Суздале.

Если бы не лил промозглый, сплошной

стеной дождь, то мы, не торопясь, прогулялись бы (как было предложено в программе поездки) по живописному парку, полюбовались бы мощными деревьями и потрясающе красивыми видами. Нам удалось бы увидеть Голубой дом и двухэтажную беседку Снегурочки и даже зачерпнуть кристальной водицы из Голубого ключа. Но, увы... Летний дождь, действительно, лил как из ведра. Зато мы увидели прекрасно сохранившуюся усадьбу писателя, его уютный кабинет, в котором бережно сберегается подлинный «островский дух». «Дом удивительно хорош как снаружи оригинальностью архитектуры, так и внутри удобством помещений», – писал драматург. Сюда навещались многочисленные гости. Приезжали на день-два, оставались и жили неделями. Уютный дом, вкусная еда, красота вокруг, – отчего не погостить? Тем более сам хозяин признавался: «...как ни хорошо в Щелькове, но одному все-таки скучно... один не могу наслаждаться ничем...». В гостиной читали пьесы Островского, знакомились с новинками отечественной и зарубежной литературы, звучала музыка. Александр Николаевич обожал русские романсы, народные песни, включая их в свои произведения.

В Щелькове устраивались спектакли. Жена Островского, Мария Васильевна, актриса Малого театра, блистала на самодельной сцене, устроенной в сенном сарае на лугу. Усадьба утопала в цветах. Островский любил и знал толк в растениях. Сам тщательно отбирал семена. Много времени писатель уделял составлению словаря русского народного языка: записывал редкие слова, поговорки, пословицы, крылатые выражения, просторечия, диалектные слова.

Кроме этого, великий драматург увлекался работой по дереву: выпиливал лобзиком, своими руками смастерил полочку для книг, для бумаг, резные рамки. Но необходимо было много писать, чтобы кормить семью, состоящую из шестерых детей, содержать усадьбу и угощать многочисленных гостей. «С грустью задумываешься над участью А.Н. Островского. Наш драматург, давший русской сцене целый театр, всю жизнь нуждался и... сам не только ничего не нажил, но никогда не выходил из долгов», – писал один из современников.

В последний день своей жизни, 2 июня 1886 года, А.Н. Островский, как всегда, плодотворно работал. За рабочим столом и перестало биться его сердце от приступа «грудной жабы» (стенокардия).

Щельково – единственная сегодня в России усадьба-памятник культуры, которая, несмотря на исторические потрясения, максимально сохранила дух «дворянских гнёзд» того времени. А вот интересно: чей внутренний мир богаче? Их, живших в девятнадцатом веке, или наш, стремительный и насыщенный разнообразной информацией? Надо же, обходились же без Интернета и телефонов! Как им удавалось?

Прощаемся с дождливым Щельково, направляемся к Волге. Первая остановка на великой реке – Кинешма, второй по величине и численности (восемьдесят семь тысяч жителей) город в Ивановской области. Мужчин, живущих в этом городе, называют кинешемцами, женщин – кинешемками.

Мы прошли по Волжскому бульвару, уютным купеческим улочкам, практически не изменившимся с конца девятнадцатого века. С удовольствием прогулялись по историческому центру города, посетили Троицко-Успенский кафедральный собор, редкий образец церковной архитектуры восемнадцатого века. Посетили места, которые являются живым воплощением живописной, уютной и очаровательной волжской старины, так ярко описанной в пьесах Островского. Писатель несколько лет был почетным мировым судьей Кинешемского уезда. Богатые купцы Кинешмы не жалели денег на благоустройство города, строили величественные соборы и храмы. А ещё изо всех сил старались перещегоолять друг друга и возводили шикарные собственные особняки.

Среди моих нарьян-марских знакомых есть люди, которые хотели бы жить, после выхода на пенсию, только в Кинешме, в этом обаятельном городке на великой матушке-реке. Кстати, первая экранизация «Бесприданницы» в 1936 году проходила здесь, на берегу Волги без всяких декораций и бутафорий. То есть мы гуляли по тем же местам, где прохаживались когда-то герои знаменитого фильма. Хочется верить, что именно здесь переживали свои трагедии любимые и самые известные героини Островского: Катерина из пьесы «Гроза» и Лариса из «Бесприданницы» ...

Прогулка по Волге

Как когда-то Сергей Сергеевич Паратов (в фильме «Жестокий романс» его блестяще сыграл Никита Михалков) на белоснежной «Ласточке» катал Ларису Огудалову, добываясь её любви, так и мы, спустя много лет, плывем на скромном теплоходике по маршруту Кинешма – Плёс и любимемся всё теми же привольными волжскими просторами. Хотя по берегам вдоль Волги – полная разруха: там была фабрика, здесь – завод, виднеются корпуса разрушенных зданий, трубы не дымящихся сооружений... «Всё ждёт жизни, возобновления», – успокоил голос экскурсовода из репродуктора. Но не всё так печально: природа делает своё благородное дело да красавицы церкви украшают легендарные волжские берега. Ещё я узнала милую и дорогую моему сердцу Решму. Решма – это уникальный санаторий, в котором лечились многие нарьянмарцы, взрослые и дети. Довелось и мне проходить здесь реабилитацию после сложнейшей операции.

Спустя три часа пришвартовываемся

в Плесе. Сердце в прямом смысле трепещет, волнение в груди захватывает дух. Шаблонные слова, «словесные штампы», но никаких других выражений невозможно подобрать при виде этого знаменитого места.

Плесь – один из древнейших городов Ивановской области, расположен на крутом правом берегу Волги, между Костромой и Кинешмой. Население – две тысячи человек. Название города, вероятно, произошло от значения слова «плесь» – песчаная отмель или прямой участок реки от поворота до поворота.

Плесь – самый живописный и самый маленький городок Золотого кольца России, поражающий волшебной красотой. Изумрудные склоны холмов, белоснежные берёзовые рощи, позолоченные маковки церквей, таинственно отражающиеся в Волге. Вся эта благодать становится мастерской под открытым небом для многих талантливых художников. И прежде всего, конечно же, для Исаака Ильича Левитана. «Плесь прославил Левитана, Левитан прославил Плесь». Трудно найти в городе уголок, который не вошёл бы в ту или иную картину художника. Под впечатлением от пейзажей Исаака Левитана и Ильи Репина столичная знать и губернская интеллигенция девятнадцатого века приезжала лично любоваться красотами Плёса. Он становится модным курортом и слыёт «русской Швейцарией», «русским самоцветом», «жемчужиной Волги». Плесь и сегодня – центр русского пейзажа, живописные окрестности и величественные воды Волги вдохновляли и вдохновляют великих художников, певцов, писателей...

Самая известная достопримечательность Плёса – маленькая живописная деревянная церквушка. Левитан на одном из своих знаменитых полотен изобразил её, назвав «Над вечным покоем». Сегодня эту церковь, безмолвную героиню одного из лучших произведений мировой живописи, так и называют: «Над вечным покоем».

Плёс лежит на живописных холмах, главная его достопримечательность – Соборная гора, культурный и духовный центр города. Самое знаменитое здание – музей Левитана в доме купца Солодовникова. Именно здесь жил художник в свой плодотворный творческий период, который принёс ему поистине всемирное признание.

«Жизнь пейзажиста Левитана глазами писателя Чехова» – эту небольшую книжицу приобрела в одном из сувенирных киосков. Заворожили меня первые строчки: «Чтение художественной литературы было и остается изысканным удовольствием, доступным любому человеку, независимо от его происхождения, положения в обществе, добродетелей, пороков или талантов». Дальше выяснила, что в книгу входят три рассказа А.П. Чехова, написанные в разное время и на разные темы. Их объединяет одно: герой рассказа (лицо, естественно, вымышленное) является прототипом Исаака Ильича Левитана. «Три рассказа отражают три периода жизни Левитана: мастер слова создаёт иллюстрацию

к биографии мастера кисти», – эта красивая фраза украшает предисловие к изданию. Любопытно, надо признаться, книжечка. Стоит поражаться автору-составителю, который догадался объединить рассказы Чехова одной темой, дать комментарии, соотнести творчество Чехова с живописью Левитана.

Оценка деятельности Левитана потомками известна: «гениальный пейзажист». Его современники оставили нам восторженные воспоминания. Писатель же Антон Павлович Чехов – гений, равный Исааку Левитану. Его видение личности непременно должно отличаться другим взглядом, другой точкой зрения. Чехов в совершенстве владел Его величеством Словом, обладал даром выражать мысли точно, ясно, глубоко. И нам, конечно же, интересно взглянуть на жизнь гениального пейзажиста Левитана с колокольни великого писателя Чехова. Возможно, читатель заинтересуется этими рассказами, поэтому перечислю их: «Рассказ без конца», «Попрыгунья», «Талант».

«Много песен про Волгу пропето» ... Вот и я попробовала рассказать о своих волжских впечатлениях, пропеть свою скромную песню. С великой Волгой связана жизнь знаменитых людей России. Поэтому хотелось бы побывать в Нижнем Новгороде, подышать воздухом детства Максима Горького. Так что, читатель, до следующей встречи на Волге.

Проза

Любовь

Махпрат Мухиддинова

Наш долгожданный первенец родился тринадцатого января. Как раз в тот день была оттепель, может быть, именно поэтому он рос таким же мягким и тёплым. Мы радовались и умилялись его смышлённости, жизнерадостности, но, бывало, так раскапризничается, что приходилось нам несладко. У меня не было материнского опыта, допускала ошибки, а он время от времени устраивал истерики, причину которых я не могла понять и, следовательно, предотвратить.

Когда через два года и три месяца у него появился братишка, то он был мне уже настоящим помощником. Для братика приносил горшок, подносил вещи и, нежно его обнимая, приговаривал: «Это мой братик!» Надо отдать должное – я никогда не давала ему повода почувствовать себя лишним, обделённым вниманием. Как раз-таки получилось, что больше уделялось времени старшему, чем младшему, потому что тот не требовал к себе

особого внимания, был спокоен как «мамонтёнок». Мы его за невозмутимый, отрешённый вид прозвали «Буддой».

Чувства и эмоции старшего порой зашкаливали. Ему было просто необходимо подбежать, обнять крепко и сказать: «Мамочка, я тебя люблю!» Младшего же я сама вылавливала и, крепко обняв, целовала румяную, нежную щёчку. У меня самой чувства били через край, и мне было просто необходимо время от времени, прижав их к себе, минутку-другую постоять. Младший тоже любил нас, родителей, но он был сдержан, только смотрел своими глазницами и выжидал, когда же мы соизволим обратить свой взор на него. Два родных брата, и совершенно разные проявления любви. Я постепенно стала осознавать и понимать, что к каждому ребёнку, даже к родным братьям, нужен особый, индивидуальный подход.

Я частенько оставалась одна с детьми, так как их папа, геолог по профессии, часто отсутствовал. Конечно же, было нелегко, хотя старшенький своей сообразительностью, взрослостью здорово выручал в быту и поддерживал морально. Дети очень скучали по папе и ждали его, но он, побыв немного с нами, вновь покидал нас. Старшему было уже четыре года, а младшему два, когда произошло событие, навсегда врезавшееся в мою память и сердце.

Однажды вечером, попив чаю, с детьми решили почитать их любимые сказки. Мы втроём дружно направились в детскую комнату. Я хотела взять за руку старшенького и нечаянно локтем попала ему в подбородок. А он, как оказалось, положил в ротик большую сладкую таблетку аскорбиновой кислоты, и она от толчка залетела ему в горло и застряла там. Схватившись за горло, он захрипел! Я вне себя от ужаса пыталась заглянуть ему в рот, но он упал на пол и стал задыхаться. Я приподняла его, засунула палец в рот и нащупала таблетку, но она ускользнула вглубь гортани. Я подумала, что таблетка ушла «не в то горло», и ужас ещё сильнее охватил меня! Тогда я попыталась попить его водой, но ему от этого стало только хуже. Всё это время я что-то кричала. У меня было абсолютное чувство неизбежности конца. Когда он особенно сильно захрипел, после

того как я вогнала таблетку дальше в горло, я схватила его за ноги и стала отчаянно трясти вниз головой, и он в это время заорал. Вдруг сын перестал кричать, наступила тишина – я решила, что наступил конец. Я мешком свалилась на пол, а он вдруг заговорил нормальным голосом. Таблетка просто застряла, а потом растворилась.

Я сидела на полу, уставившись в одну точку, по щекам моим ручьями текли слёзы. Я ни о чём не думала – главное, сын рядом, не кричит, и он живой! Он меня тормозил, тряс за плечи, просил не плакать, но я не могла говорить и не могла не плакать. За несколько минут испытала такое отчаяние и ужас, что, возможно, потеряла несколько лет жизни. Произошёл огромный выброс энергии, который я ещё долго восстанавливала. Я напугала своего малыша, но ничего не могла с собой поделать: у меня было такое чувство, словно я сама вернулась с «того света», даже пальцем пошевелить не могла, и внутри – абсолютная пустота.

Тут сын, хватая меня за руки, заглядывая в глаза, стал умолять: «Мамочка, мамочка, вставай, скажи что-нибудь, только не молчи! Мамочка, мамочка, я тебя люблю!» Но я молчала, не в силах сосредоточиться и взять себя в руки. И тут услышала: «Мамочка, я же тебя люблю! Мамочка, если бы ты только знала, как я тебя люблю!!!» Эти слова малыша, полные боли и любви, привели меня в чувство, и я крепко прижала его к себе. Всё то время, что мы сражались с таблеткой и кричали, младшенький, не шелухнувшись, как вкопанный, стоял в дверях. Он молча смотрел на нас, хотя, перепугавшись, мог бы орать вместе с нами. Я так и не поняла, что творилось в его крепкой головке. Потом мы втроём долго сидели, обнявшись. Это величайшее счастье – иметь возможность обнимать и прижимать к сердцу своих детей!

Все эти годы слова четырёхлетнего сына, полные боли и осознанной любви, звучат в моей голове. Прошло много времени, маленький мальчик вырос любящим, заботливым замечательным сыном и человеком. И теперь я частенько мысленно, а иногда и вслух, говорю ему: «Сыночек, если бы ты только знал, как сильно я тебя люблю!!!»

В шаге от тайны

(Авторский взгляд на топонимику Севера и не только)

Любовь Царькова

Северный Тиман

«Живу ли я, умру ли я, я мошка всё ж счастливая» (У. Блейк в пер. В. Савина)

Заполярное лето выдалось непохожим на другие: зацвёл иван-чай, наливались желтизной соцветия пижмы, даже очиток пурпурный щедро угощал нектаром шмелей, а вот морошка ещё не поспела... Да и ветры сдули цвет, сей год неурожай.

По пути встречались редкие морошечники без ягод. Вообще тут с растительностью скудно – скалы. Белый песок под мегалитическими (и не очень) останцами песчаника... Кое-где тундровый покров зеленовато-бурыми островками: вороника, арктоус, кустарнички голубики, ива и мхи... Карликовая берёза. Зато множество накипных лишайников на камнях, плоских, как будто нарисованных разноцветной палитрой. Красиво и необычно. Поля нерастаявшего к июлю снега на склонах северного заложения.

Вот долина ручья с прозрачной, как хрусталь, водой. Даже отсюда, с высоты, видно каменное дно, выложенное пёстрым галечником. Спускаемся!

Каменистые берега живописны: округлые розовые коврики цветущей луазелерии альпийской, куртинки неведомых розовых цветов, которые потом будут идентифицированы как филлодоце голубая, седмичник, сплошные заросли дёрена: множество белых цветов с чёрной сердцевинкой... Мхи, белокопытник, осока... Зачерпнуть водицы, умыться, напиться.

«Все мы пили твою ледяную струю», как сказал поэт Алексей Пичков.

Разглядели и душу, ручей-то волшебный! Чётко с севера, с отрогов Чайцинского камня прозрачный поток впадает в Кумушку, приток Белой. Лёгкое журчание, благодатная прохлада. Комары и мошка – не помеха, хоть из-за полного безлюдья и беззверья они десятикратно злее. Не сбить высокий настрой. Почти никогда тут не ступает нога человека. Карнизы в скалах каньона, россыпь камней разного размера. Прошли Грифона, на противоположном берегу Кумушки видели Матрёшек и Голубя. Короткий отдых на песке, приникли спиной к нависшей скале. Песчаник шершавый, в кавернах, пещерках. Одиночные останцы... Кое-где широкие расщелины между скалами – «улицы» Каменного города. Выточенные разгулом стихий скалы словно отодвинуты друг от друга.

Останец Несфинкс отделен от массива округлой скалы узкой расщелиной. Необычное чувство накатывает, когда ступаешь там по белому песку... А ты ходил по улицам Каменного города?

Сейчас, когда осталась только память, всё кажется нереальным. Да и мы ли это были? Мыто – мы, но... не в своём обычном настрое. Несфинкс поначалу навёл морока, даже получил разноцветные ленты в качестве подношения. Наверное, так надо. Богиня Жива так просто не подпустит к себе. Второй год идёт... Дважды пытались, но Бог любит Троицу.

Всё-таки удалось издали сфотографировать

анфас Живы-Сфинкса. Девушка, сидящая на берегу Кумушки. Уже в Нарьян-Маре, да и то не сразу, поняли, что это точно Сфинкс... Ракурс в профиль разительно отличается, что и не подумаете... А сколько вокруг скальных останцов, один интереснее другого! В долине Белой громадные глыбы словно разбросаны рукой великана. Грандиозные снежники на склонах.

В самом начале пути в тот раз поразил таинственный знак справа. Далеко-далеко виднелся какой-то чёрный силуэт, напоминающий человека или... огородное пугало? Откуда это тут? По мере приближения таинственный силуэт только увеличивался, становился рельефнее. Что это?.. Оказалось – высокие скалы, вот-вот готовые обрушиться. Мрачный силуэт образован громадными трещинами, вертикальными и горизонтальными. Не заходите в расщелины Страшных скал! Можно не вернуться. У одинокого путника – особенно мало шансов. Чёрный силуэт с нужного пути уводил... Время меняет даже хорошо знакомые останцы, некоторые из них – по-видимому артефакты, то есть поправленные древними людьми скалы. Вот Ящер два года назад выглядел совсем иначе: его обрушенные «крылья», лежавшие внизу каменной массой, чётко угадывались, а теперь такой вид, что всё разрушилось ещё больше и вдобавок заросло. Ящер уже не тот. А Индрик, воин, так и не встретился. Как убежал... «Лягух» вообще на себя не похож, не сразу узнали. Таинственный город!

Карта начала XVI века

Реферативно – по материалам в Сети с добавлением собственных исследований и выводов. Данная публикация подана в качестве вопроса на историческую тему и ни в коем случае не утверждение/доказательство чего бы то ни было; является личной точкой зрения и содержит заинтересовавший меня материал.

1. Лампас

500–1000 лет назад, когда полуостров Канин был островом, уровень воды оказался выше примерно на 10 м, а возможно, суммарно – с изостатическим подъёмом суши, который происходит и сейчас в Северо-Западном регионе России (по сравнению с современным, до уреза воды должно быть ниже на 15 м).

«...тёплая вода Гольфстрима во время прилива мощным потоком заходила через горло в Белое море, обратно уходила вследствие вращения Земли через более мелкий Чёшский пролив (ныне на месте пролива – р. Чёша и ближайшие водотоки на низменности).

Отливное течение из горла не отжимало тёплые течения, поэтому температура Белого моря была на 3–4 градуса выше нынешней, оно не замерзало. Так полуостров Канин «работал»

тепловым насосом. Не исключено, что канал на Канине был сделан искусственно (с иранского «кан» – рыть, копать, насыпать, громоздить; есть канал в Кандалакше; и Кондопога – канал).

Даже в 16–17 веках Чёшский пролив считался «Поморским волоком», в полую воду по рекам Чиже и Чёше переходили и морские суда.

На старинных скандинавских картах XVI в. есть не только городище Пустозерск (первый русский город в Заполярье) и Печора (где-то в районе чудского городища Ортино), но и город Лампас (вблизи современного села Несь в Ненецком автономном округе, как заметил Альберт Каракчиев).

Лампас обозначен не только на скандинавской карте 1595 года, но даже на карте Меркатора с Гипербореей! В правом верхнем углу карты – Золотая баба, Лада.

По запросу «древние карты Биармии» – северной прародины русов, в Сети много интересного. Откуда это название – Лампас? Этимология от *lar – «светить, сиять», санскр., «лампа» того же корня; «пас» – «направление». Был там наверняка большой маяк. Местоположение слободы Лампас как раз указывает путь к Канинскому проливу. Полгода – темень, так что без света («лампа-с») никак. Пункт был таким важным, что попал на карты (современная Лампожня на р. Мезень – просто – покосы-пожни тогдашних лампасцев). Помним, уровень воды – выше современного, причём, менялся. От этого и Лампас предположительно располагался юго-восточнее нынешней Неси, на возвышенности. Возле самой Неси имеется круглый пригорок – подходящее место для маяка.

Топоним Несь – от «нос». Деревни Верхняя и Нижняя Мгла южнее Неси – назвали так странно оттого, что при подходе с моря там была мгла без маяка (по сравнению с Лампасом). Вполне логичное объяснение этимологии названий.

Дело за археологами, ау-у!

Занятная наука – топонимика.

2. Север – Се Вера

В субарктическом климате с его холодами и ветрами, да с незакатным солнцем полярным днём летом, и тьмой полярной ночи зимой, с резкими перепадами давления и температуры, скачками электромагнитного поля большой напряжённости (особенно – во время северных сияний), – жизнь стрессовая. Лёгким не хватает кислорода (как у жителей высокогорья) из-за их физиологического изменения на Крайнем Севере. Но люди тут не только жили веками и живут, но любят суровый край и не представляют иного. Держат завораживающая красота тундры и лесотундры, необъятные просторы. Тут наша настоящая жизнь.

Интересно, что на старинных скандинавских картах территория к западу от Печоры до Тимана именовалась – Кондора, это восток

легендарной Биармии (Беломорье современной России, цивилизационное ядро массива суперэтноса ари-РУСЫ. Гиперборейцы (ОРЫ) – предки ариев*. Ра – бог, а Р – землянин).

Из особо выдающихся достопримечательностей известен природный памятник Тиманского края (Каменный город) с удивительными формами рельефа, образовавшимися в результате эрозии горных пород: арки, пещеры и гроты, колокола, шары, бокалы, «грибы», столбы, каменные бабы и пр. В частности, уникальны останцы песчаников в долине реки Белая (около 40–50 км на юго-запад от пос. Индига на западе НАО), среди которых есть и поправленные древними людьми скалы-артефакты.

Святылище Живы, на что указывает древний гидроним Кумушка – «к Умушке».

Жива – супруга Дажьдбога по преданиям имеет несколько зооморфных символов: кукушка и кошка. Если шагать по левому берегу Кумушки (вверх по течению), через некоторое время покажется «Сфинкс» – кошка. Это и есть зооморфный символ богини, возможно самый архаичный из сохранившихся. Профессиональный взгляд геолога скажет, что сзади останец песчаника «поправлен», то есть обтёсан для придания изваянию нужной формы. Это в современном представлении – кошка. Изначально это мог быть ручной рысь-гепард – тотем русов или белая медведица Ума.

Чувство благоговения не покидает тех, кто сподобился лицезреть это чудо. Святое место – по ощущениям, даёт неизъяснимое чувство счастья.

Исторически поклонение высшим силам шло от ландшафтных святылиц под открытым небом к персонализации в храмах. В нашем случае – промежуточный вариант, зооморфные атрибуты. Ориентировка Сфинкса – на Гренландию, на старый Северный полюс до катастрофы около 13 тыс. лет назад.

Многочисленные зооморфные скалы-останцы в Каменных городах Северного Тимана – целый мегалитический комплекс в память древним богам под открытым небом. Место выхода потоков первоматерий? Тиман – одно из старейших образований на Земле (древнее Урала) – всегда развивался особенным от окружающих геологических структур образом.

Ныне полное безлюдье в этом труднодоступном месте хранит тайны. Оно пока и к лучшему. Общество должно дозреть до святынь, как их понимали тысячи лет назад.

Биармия... Барма – Бьярма охватывала европейское побережье Ледовитого океана (как барма – шею) с центром на Беломорье. «Бармы – широкое оплечье с нашитыми на него драгоценными камнями, часть парадной княжеской одежды». Биармия – страна под покровительством Брамь. Северный Тиман – восточный край...

Интересно, по сей день неподалёку от Тиманского края, в Канинской тундре, известна

фамилия Бармич, т.е. по логике – житель Биармии.

Биармийцы – потомки древних ариев, судя по всему, и создали для поклонения богам русов артефакты на Северном Тимане.

Ведический бог Яма [Ямарадж] (полуостров Ямал в его честь) и авестийский Иима... В районе Холмогор (Хольмгард по сагам) было святилище Йимы. Когда Северная Русь – Биармия – прекратила своё существование, став после XII века Заволочьем, поклонение правителю благословенных времён Йоме сошло на нет. Его святилище у Холмогор было разрушено, на фундаменте поставили церковь.

С глубокой древности самая высокая гора Урала носила имя арийского мудреца и целителя Нарады. С горы Народа течет речка Народа (ударение на первом слоге), левый приток реки Манья в бассейне реки Обь. Так высшую точку всего Уральского хребта во времена СССР превратили в Народную. Сейчас, правда, официально принято ставить ударение на первый слог – НАродная.

Остался язык земли. На Русском Севере самый древний пласт гидронимов – санскрит, язык, очень близкий древнерусскому. Да и Индия – слово русское: «инде» значит – «другой», «иной».

Закономерно возникает вопрос – откуда всё это появилось изначально на Русском Севере более 4 тыс. лет назад? Тема табуирована, про Арктиду-Гиперборею – ни-ни! – в ходу готовые априорные стереотипы: всё пишут про финно-угорскую топонимию, включающую в себя «...неизвестный субстрат» (ха-ха: да это санскрит, словарь-то откройте! Светлана Жарникова давно всё объяснила).

Видно невооружённым глазом – санскритский пласт куда старше, раз значение из современных языков не объяснить! Разве научно – укорачивать историю одного этноса за счёт искусственного же удлинения другого?

Отмечается исключительная культурно-хозяйственная близость, сложившаяся в условиях очень длительного совместного обитания вначале в зоне Заполярья и территории всего Северо-Западного региона и, частично, Сибири, затем с миграциями и южнее.

В период 7–4 тыс. лет назад на Русской равнине и в Сибири существовало единое культурное пространство. В подъёмных материалах найдены родственные черты в древнерусских и сибирских северных соляных (даже шире – космологических) символах. «С точки зрения генетической структуры населения, Русская равнина – наиболее стабильный регион Европы» (Y-ДНК гаплогруппа R1a1, доминирующая гаплогруппа русских, произошедших от древних ариев).

Памятники этой культуре: Коломцы у истока Волхова, Сертейский микрорегион у Смоленска, Волосовское свайное поселение Вёкса у Вологды, Триполье, Южно-Уральская андро-

новская археологическая культура, Аркаим («Арка-Йима» в честь авестийского Йимы), страна городов Синташта.

Священный город Варанаси – нынешний Воронеж (на реке, которая именовалась в исторических источниках Великая Ворона). Тут немало названий городов и рек, которые появятся в Индии только 3,5 тыс. лет назад.

«Рядом с городом Варанаси был расположен город Хастина-Пур (совр. п. Костенки), ставший столицей арьев после битвы на поле КУРУ, Курукшетре) в 3102 до н. э. (совр. г. Курск)», где люди обитали с глубокой древности. Теперь понятно, почему диалект, на котором говорили бабушки, рождённые у Оки в начале XX века, по эстетике напоминал северный, поморский, который санскритологи из Индии понимают без перевода.

Самые ранние в мире колёсные повозки обнаружены в южнорусских курганных захоронениях. Всего в курганах южнорусских степей обнаружены остатки примерно 250 повозок, датированных концом IV–III тыс. до н.э. В генетическом плане андроновцы являлись носите-

лями гаплогруппы R1a. Прекрасно владели металлургией; около 5,5 тыс. л.н. научились подковывать лошадей. Около 2000 г. до н. э. изобрели колесо с металлическим ободом.

Во II тысячелетии до новой эры в северо-западную Индию и северный Иран пришли продвинутые (культура коневодства, колесницы и др.) племена земледельцев и скотоводов, именующих себя арьями. Ираноязычные лучше умели обращаться с лошадьми.

Некоторые обряды и обычаи дожили до наших дней в одинаковых формах как в Индии, так и вплоть до севера России.

**Арии – самоназвание. Имея такие древнейшие письменные источники как Веды и Авеста, они, разумеется, представляют своё происхождение. Брахман Бал Гангадхар Тилак ещё в 1903 году в Бомбее издал книгу «Арктическая прародина в Ведах». Там прямо говорится о незакатном солнце полярным днём, тьме полярной ночи и других явлениях, которые могут быть только в северных широтах.*

Клубок радости и печали маленького шамана (фрагмент повести)

Проза

Первая часть «Натена, долгожданный»

Когда я родился, рядом не было шамана. Это плохой знак. И тут, как говорится, я не одинок. Последние лет сорок на весь край был всего один шаман. Жил он где-то на побережье и физически не мог посетить всех рождающихся. К тому же ходили слухи, что он Чёрный! Так что даже хорошо, что при моём рождении именно он отсутствовал. Но всё-таки, без шамана плохо. Положено, чтоб был. Такая вот традиция и такая вот незадача.

Зато над тундрой весь день вспыхивали снежные радуги. Это хороший знак. А чему удивляться, если дело было в феврале? Это в марте снег будет кружить большими хлопьями, а в феврале он сыплется с неба невесомыми блёстками. Солнце уже поднимается на высоту хорея и в упор светит на падающий снег. Вот вам и радуги. Только они не полукруглые, как от дождя, а вертикальные и очень непостоянные. То там вспыхнет цветной столб, то тут. Красиво, конечно, празднично, но на знак не тянет. Я так думаю.

Когда пришло время перенести меня из маленького «нечистого» чума, поставленного специально для моего рождения, в семейный, из стойбища приехал отец, и это тоже сочли добрым

Мария Кравченко

знаком. Я бы сказал – удивительным, потому как в то время сотовых телефонов в помине не было, и отец мой даже не догадывался, что мама надумала меня рожать. Просто приехал, а тут я! Весь такой в шкурках пыжика, кулёк – кульком! Долгожданный мальчик, наследник, гордость и краса рода!

И никто не заметил, что мама старательно прячет глаза, чтобы никто не увидел её печаль. Может, вы думаете, что она хотела, чтобы

родилась дочка? Нет, у неё уже две девчонки до меня родились. Просто мама увидела у меня на груди родимое пятно. Сначала удивилась, потом испугалась, опечалилась и тихо прошептала:

– Ингутана...

И это был не просто плохой знак, а самый ужасный. Для неё.

Конечно, сам-то я этого не помнил. Как может человек помнить своё рождение? Но я узнал. Потом. И понял, что в день, когда я родился, радость и печаль моей судьбы сплелись плотным клубком, распутывать который мне придётся всю жизнь. Узнал, потому что в день, когда я родился, произошло ещё одно событие, не менее важное, чем моё рождение. Событие, которое в свете традиций этой земли не могло, не должно было произойти. Тем не менее оно произошло.

Едва слышно произнесённое мамой слово громом пронеслось по заснеженной тундре, разбудило спящих в сугробах, растормошило укрывшихся в ельнике, развернуло весело летящих верхом на позёмке, магнитом притянуло на поляну и среди снежных радуг столкнуло лбами четырёх странных... «стариков». Обычно законы физики на таких, как они, эфемерных существ, не действуют, но тут от неожиданности «старики», столкнувшись лбами, разлетелись в стороны и приземлились в сугробах.

Потирая ушибленные лбы, они ошалело смотрели друг на друга.

– Меня кто-то позвал... – удивлённо сказал прозрачный дедушка с непроизносимым именем, в миру называющий себя Сэвтя.

– Кто это, кто? Поймаю, жарю! – возмущался такой же дед, по той же причине называющий себя Илко.

– Узнаю тебя, дружище, чуть что – жарить! – хрипло засмеялся старик, просто звавшийся Нойко. – Доиграешься, я тебя водой окачу.

– Ой, как страшно, – ехидно ответил Илко.

– Тихо вы! Взрослые дядьки, а ругаетесь, как дети, – замахал на них руками дед под псевдонимом Вадё, – Натена, долгожданный родился.

Все четверо удивлённо посмотрели друг на друга и задумались. Вокруг них, переливаясь блёстками, кружилась позёмка, вспыхивали столбы снежных радуг, а они, прозрачные и призрачные, сидели, задумчиво смотрели друг на друга, и в их мудрых глазах печаль сменяла радость. Но вскоре и она погасла. Осталось недоумение и разочарование. Наконец в глазах некоторых появилась надежда.

– Так может, мы можем... – робко начал говорить Вадё, но его перебил дед Илко:

– Нет! – сердито заявил он. – Мы не можем принадлежать этому ребёнку.

– Но ведь это правнук самого Ингутана! – возразил старик Нойко. – Мы же служили ему, пока он был жив. Не его вина, что он не мог передать нас и свой дар. Некому было!

– Да, не повезло Ингутана, одни девчонки рождались, и вот дождался мальчика. А он точно шаман? – спросил дедушка Сэвтя.

– Точно! У него отметины на груди, я видел, на моей же земле родился, – ответил Вадё.

– Всё равно, мы не можем ему принадлежать. По закону, его учить должен шаман, а мы ему помогать, – продолжал упорствовать Илко. – Я против закона не пойду и вам не советую. Не хочу погибать во цвете лет за непослушание.

– В каком цвете, опомнись, ты уже которую тысячу лет разменял? – засмеялся Сэвтя. Потом почесал макушку, дёрнул себя за бороду. – Сидите здесь, я быстро...

И исчез. Старики молча ждали. Они не успели даже придумать повод, чтобы сцепится друг с другом, как Сэвтя появился в сугробе и радостно сообщил:

– Можем! Я говорил с Я Миня, она спросила того, кто выше и тот, кто выше, разрешил.

– Неужто? – ехидно спросил дед Илко. – Так-таки разрешили? А что тебе разрешили? Прислуживать шаману, которого нет? Мы только помощники, а должны взять на себя обязанности учителей ребёнка... Заменить несуществующего шамана на земле?

– Именно! – торжественно ответил дедушка Сэвтя. – Ну, то есть, заменить шамана не может никто, но стать учителями мы можем. Я Миня так и сказала: «Не бросать же ребёнка на произвол судьбы».

Деды на поляне заволновались, запричитали и слегка растерялись.

– Но как? – спросил Нойко. – Чему мы его научить сможем?

– Всему, что знаем сами, у нас же опыт! Тысячелетний! – решительно заявил Вадё. – Но пока он маленький, будем только охранять! Вроде он наш внук, а мы его дедушки.

– Ага, и пока он младенец, познакомим его с песнями, сказками, мифами, преданиями, – мечтательно добавил Нойко. – Чтобы ему было приятней, будем выглядеть, как его матушка.

Илко от возмущения аж побелел:

– Сдурели совсем? Мы будем выглядеть, как матушка, а звать он нас должен дедушками? Да у него крышка прямо в люльке и уедет! Воспитатели!

– Не распаляйся, Илко! – примирительно сказал Сэвтя. – Пока он говорить не научится, никак он нас звать не будет. Главное, мы должны понять, что этот ребёнок – будущий Ингутана. Скажем честно, нелёгкая судьба. И сделать её более-менее счастливой – наша задача. Кроме нас некому.

– Да, – закивали головами, затрясли бородами деды. – Мы можем, мы же Духи-помощники.

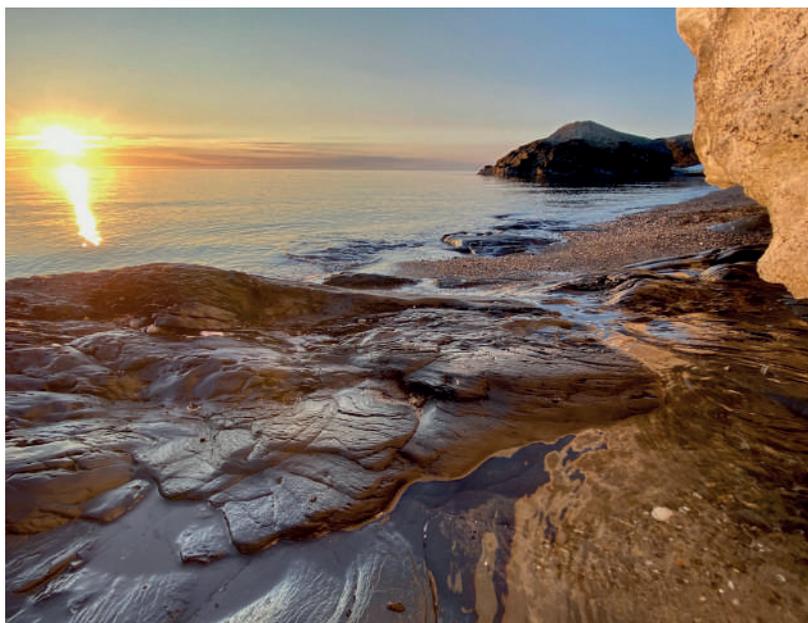
Решили и сделали. Сидели невидимые для людей у люльки малыша, пели ему, неслышимые людьми колыбельные, рассказывали сказки. А кроха улыбался им, нисколько не смущаясь, что у него аж пять мам, потому что, хоть и грудничок, но всё равно шаман: тайное видит, неслышимое слышит.

Продолжение следует...

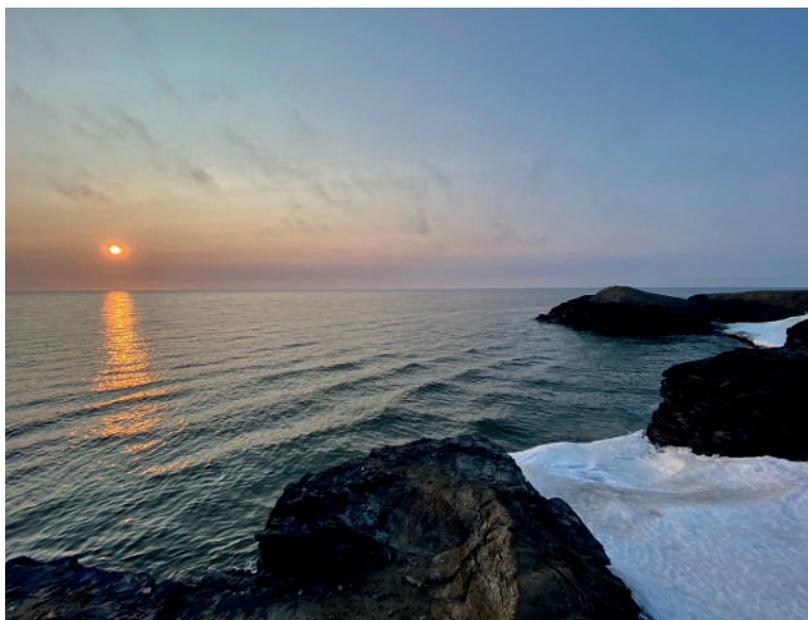
Впустить в жизнь как можно больше жизни...

Явление полярного дня мало кого оставляет равнодушным. Незабываемы моменты, когда солнце, едва коснувшись горизонта над Карским морем, вновь начинает подниматься. Стоит ли задавать риторические вопросы о человеческом счастье и произносить философские речи о бренности бытия в минуты таких откровений нашей северной природы. Гораздо правильнее взять и впустить в свою жизнь как можно больше этой самой жизни!

Полярный день. Карское море

Найти свою песню и петь её под звуки ветра где-то там, на краю... света, земли, океана. Дышать воздухом арктических широт, пить кристально чистую воду ручьёв, есть рыбу северных рек. С изумлением наблюдать, как стонут и медленно оседают ледники в тёмную пучину. Замирать от страха, стоя на краю обрыва, кожей ощущать высоту и глубину, боясь отступить.

Чёрные скалы. Таяние снежников

Раздвинуть стены тесной квартиры, чтобы упиваться блюзами тягучих закатов – над тем самым морем, у подножия самой крутой вершины, среди шума морских волн... Неважно – где, важно – прямо сейчас, не теряя ни минуты. Успокоятся за перевалом порывистые ветры, замрут над горизонтом багряные краски, согреются над пламенем костра уставшие руки. Останется лишь жизнь, в которой так много жизни!

Фотографии и тексты Ирины Коваль, п. Амдерма

**ГБУК «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа»**

**Альманах
Народного литературного
объединения «Заполярье»
2023 (23)**

Литературно-художественное издание

**166000, Нарьян-Мар,
ул.Смидовича, дом 20 А, ГБУК «ЭКЦ НАО»
Телефоны: 8(81853) 2-16-92, 2-16-95
Эл. почта: etnonao@mail.ru
www. etnonao.ru**

**Тираж 500 экз.
Печать: ООО «АЛЕКС ПРИНТ»
394007, г. Воронеж,
Ленинский проспект, дом 94, корп. 5, к. 52
Тел. +7(4732) 90-45-17
Эл. почта: alexey-print@mail.ru; 585039@mail.ru**